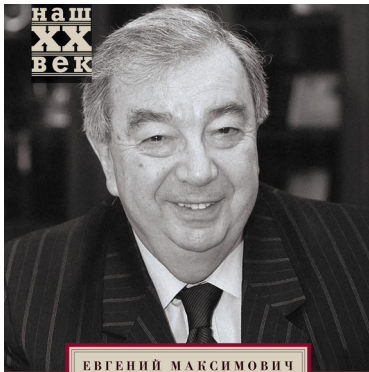


наш
XX
век



ЕВГЕНИЙ МАКСИМОВИЧ

ПРИМАКОВ

★
ВСТРЕЧИ
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ

Евгений Максимович Примаков

Встречи на перекрестках

Серия «Наш XX век»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10328957

Встречи на перекрестках / Примаков Е.М.: Центрполиграф;

Москва; 2015

ISBN 978-5-227-05739-6

Аннотация

Евгений Примаков по роду своей деятельности был одним из самых секретных людей страны. Он начинал как журналист, был директором Института мировой экономики и международных отношений, который во времена СССР готовил закрытые доклады для руководства страны. На переломе эпохи от тоталитаризма к демократии был «брошен» М. Горбачевым и Б. Ельциным на Службу внешней разведки, а после – в Министерство иностранных дел. На должности премьер-министра был призван спасти страну после дефолта 1998 года. Все изложенное в этой книге Примаков пропустил через призму личного восприятия, заранее зная и не опасаясь того, что не все сказанное будет принято читателями.

Содержание

Предисловие	5
Ведомый судьбой	7
Диссиденты в системе	43
Трудное избавление от идеологических пут	43
Сталин извратил Ленина?	45
В эпицентре – ИМЭМО	51
Против «кривых зеркал»	62
Международные отношения: что за кадром	78
Отказ от догм в контактах с США	97
Индийская и китайская «карты»?	110
Превратности судьбы	118
Парадоксы перестройки	129
Горбачев-Ельцин: роль партии	129
Горбачев-Ельцин: проблемы союза	141
Преобразования в тупике	153
Запад не спешит помочь	165
В службе внешней разведки	187
Пошел в разведку	187
Случайно и неслучайно	187
Президент Ельцин в «Ясенева»	195
Такой непростой период	211

Почему прекратили вербовку Белгарда	224
И все-таки перемены	240
Как трудно, но как важно. Контакты с ЦРУ, СИС, «дело Эймса»	252
Промышленный шпионаж сегодня	281
Конец ознакомительного фрагмента.	288

Евгений Максимович Примаков

Встречи на перекрестках

*Родным и друзьям – ушедшим и живым –
посвящается эта книга*

Предисловие

Книга не задумывалась как автобиография, так как я был далек от того, чтобы сделать ее автора неким героем повествования. Тем не менее – никуда не денешься – я был участником многих из описываемых событий и пропускал их через свое видение. Эта книга – и не историческое исследование, хотя в ней рассмотрены события и процессы, без оценки которых невозможно понять историю России конца второго тысячелетия вплоть до нынешнего времени.

В этой книге я хотел показать многослойность российской политической и общественной жизни.

Пусть читатель рассудит, кто был прав, а кто нет в сложных перипетиях, через которые проходила Россия на пороге XXI столетия.

Думаю, что актуальность целого ряда проблем, поднятых в книге, не притупилась. Буду рад, если она окажется полезной. И если у моей книги появятся те, кто ее критикуют, то я внимательно вдумуюсь в эту критику.

Не сомневаюсь, что содержанию книги в наибольшей степени отвечает ее название «Встречи на перекрестках» – встречи с событиями, людьми, судьбой не на ровной дороге, а на перекрестках долгой жизни.

Ведомый судьбой

Меня по жизни вела судьба, не только предопределяя тот или иной сдвиг, поворот, переход в другое качество, но отводя в сторону от различных капканов и западней. Вспоминая свое прошлое, особенно детство и юность, убеждаюсь в этом все больше. Как писал Сергей Есенин: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии».

Верю ли в божественное предначертание? Думаю, что существует Высшее начало у жизни. Высший интеллект, Высшая справедливость. Уверен, что тем, кто приносит добро, зачтется. Тому, кто поступает худо, жизнь отомстит.

Тбилиси, 1937 год. Вокруг повалились практически все, с кем моя мама – Примакова Анна Яковлевна, врач по специальности, – дружила, встречалась, водила знакомство. Маминого брата, тоже врача-гинеколога, арестовали в Баку и, как стало известно позже, этапировали в Тбилиси, где расстреляли. Он был далек от политики. Мне стало известно через много лет, что главным «вещественным доказательством» его принадлежности к «антисоветской группе» был найденный при обыске юнкерский кортик – Александр Яковлевич несколько месяцев перед революцией был

в юнкерах.

У мамы было много братьев и сестер, но все они, за исключением Александра Яковлевича и моей любимой тети Фани, умерли – один брат погиб в Русско-японскую войну, другой, вернувшись с фронта, умер от чахотки. Моя тетка стала женой известного доктора Д.А. Киршенבלата. Профессор, получивший степень в Берлинском университете, он был блестящим терапевтом – любимцем всего Тбилиси. У него было трое сыновей – двое старших от рано умершей жены. Один из них – Миша, тоже врач и пламенный большевик, – был директором Тбилисского института скорой помощи, одной из крупных больниц в городе. Однажды из Еревана привезли тело первого секретаря ЦК компартии Армении Ханджяна. От Михаила Давидовича потребовали дать заключение о самоубийстве. Он гневно отверг это предложение и был арестован, а затем расстрелян.

В гулкие тбилисские ночи шуршали шины автомобиля, останавливающегося у того или иного дома. Ленинградская улица, на которой мы жили, небольшая – длиной метров сто пятьдесят, всего 13 домов. Поэтому все трагедии происходили на глазах у всех. В доме номер 5 жил Лева Кулиджанов, ставший впоследствии большим кинорежиссером. Его кинофильмы «Дом, в котором я живу», «Когда деревья были

большими», экранизация Достоевского вошли в классический фонд советского кино. А тогда, в 1937 году, мы – пацаны (он был старше нас на пять лет толпились под его окном в бельэтаже. Ходили слухи (конечно, лишь слухи), что его мама при аресте отстреливалась. Из какого пистолета – нас интересовал главным образом этот вопрос, – из браунинга? «Что-то вроде этого», – отвечал уже не в первый раз Лева.

Я у матери единственный. Она родила меня уже в возрасте и жила мною. Трудно представить, как переломилась бы моя судьба, если бы ее арестовали.

Как я реагировал на происходившее? Некоторые представители моего поколения уверяют, что даже в «щенячьем возрасте» всё понимали. Я не принадлежал к числу «ясновидящих». Когда услышал, что арестовали заместителя председателя Совнаркома Грузии Илюшина, с женой которого мама сначала встречалась как с пациенткой, а потом сдружилась, взял ножницы и изрезал на мелкие куски кожаную кобуру и портупею, которую он мне подарил в день рождения.

Но все-таки маму косвенно задел трагический тридцать седьмой. Она работала в Железнодорожной больнице и была, как говорили, превосходным акушером-гинекологом. Но ее оттуда попросили, и она не без труда нашла работу в женской консультации Тбилисского прядильно-трикотажного комбината. Оста-

валась там единственным врачом непрерывно тридцать пять лет. Комбинат находился далеко от центра города, а во время войны мама еще взяла и вторую работу – в другом конце Тбилиси. Приходила домой вечером, изнуренная до предела. Она очень много работала ради того, чтобы я был накормлен и одет в то нелегкое для всех военное время.

Мама была далека от политики, никогда не состояла ни в каких партиях, не произносила зажигательных речей, не любила даже поддерживать разговор на политические темы. Но это вовсе не означало ее политической инфантильности.

Однако такой разговор с матерью был исключением. У нее, я уверен, был богатый внутренний мир, но именно внутренний. Она не делилась им ни с кем, в том числе со мной. Может быть, оберегала меня. Думаю даже, что не только оберегала, так как при всех своих сомнениях и неприязни ко многому происходившему страну любила однозначно и вне всякого сомнения. Она считалась с моим внутренним настроением. Во всяком случае, была довольна, когда я стал комсомольцем, а потом и членом партии.

Ее любили работницы, уважали и побаивались руководители комбината – она не стеснялась в выражениях, если беременных женщин не отпускали в положенный отпуск или ставили в третью смену. Я узнал

обо всем этом из прощальных слов на похоронах матери 19 декабря 1972 года – в последний путь ее провожал почти весь Тбилисский прядильно-трикотажный комбинат.

Жили мы в общей квартире без элементарных удобств, в четырнадцатиметровой комнате. Целыми днями я с ребятами пропадал на улице. Закончив семь классов, объявил не на шутку встревоженной матери: «Еду с друзьями поступать в Бакинское военно-морское подготовительное училище». На робкое мамино «может быть, передумаешь, ведь в Тбилиси есть Нахимовское училище» последовал ответ: «Я так решил. А Нахимовское училище подчиняется Наркомпросу, а не Министерству обороны. У них даже вместо ленточек на бескозырках куцый бант».

Сейчас, когда представляю себе во всей красе безапелляционность тогдашних своих поступков и при этом без стремления понять маму, становится грустно.

Учился я хорошо, больше всего любил математику, историю, литературу. Преподаватели в русских общеобразовательных школах в Тбилиси были очень сильные. Им, особенно моей доброй первой учительнице Ольге Вакуловне Прихня, математику – блестящему педагогу Пармену Засимовичу Кукаве, да и другим премного обязан. Выпускники тбилисских школ абсо-

лютно на равных и в то время без всякого блата выдерживали конкурсные экзамены в престижные московские институты. Среди них был и я, поступив в 1948 году в Московский институт востоковедения. Но об этом позже.

В военные годы, однако, ученики в школе далеко не все время отдавали учебе. В вечернюю третью смену не раз гасла лампочка (как правило, в классе она была одна). Секрет был прост – вкрученная нами в патрон с мокрой промокашкой лампочка переставала светить, как только промокашка высыхала. Урок прекращался, а нам было куда пойти. В кинотеатрах крутили кинофильмы – мы знали их наизусть, особенно киносборники, составленные в том числе из фронтовых лент. А песню, которую прекрасно исполняла Окуневская, со словами:

Ночь над Белградом тихая вышла на смену дня.
Помнишь, как ярко вспыхивал яростный луч огня...
Пламя гнева горит в груди.
Пламя гнева, в поход нас веди.
В бой, славяне, – заря впереди... —

пели на тбилисских улицах и русские, и грузины, и армяне, и евреи. Таким был Тбилиси.

Может быть, мама внутренне согласилась на мое поступление в Бакинское училище еще и потому, что

не успела остыть от пережитого. Я и трое моих друзей решили отомстить завучу Раисе Павловне, которая, по нашему мнению, совершила величайшую несправедливость, поставив многим двойки, «чтобы неповадно было шуметь на уроке». «Возмущенные», мы выбили стекла в окне ее дома. На следующий день были разоблачены – оказывается, нас видели прохаживающимися вечером около злополучного окна. Мы, как полагается, сначала осмотрели местность, а потом приступили к исполнению. Вызвали родителей. Мама редко бывала в школе, но по вызову явилась сразу – Раиса Павловна училась с ней в одной гимназии. У меня горело лицо от впервые полученной маминой пощечины. Мы с ребятами решили бежать на фронт, но нас поймали на вокзале. Всех четверых исключили из школы, и по разрешению городского отдела народного образования мы сдавали экзамены уже в другой школе.

После занятий мы, как правило, дефилировали по Плехановской – такое название проспекту дал Ной Жордания, когда в Грузии было меньшевистское правительство. Мало улиц носило имя Плеханова в Советском Союзе, и очень жаль, что в независимой Грузии ее переименовали – теперь она называется именем царя Давида Агмашенебели, что по-русски означает Давид-строитель.

Время было беспокойное. В городе распоясались уголовники, многие из которых «эвакуировались» в Тбилиси из Одессы и Ростова, но полно было и местных воров. Криминал захлестнул улицы, но никто из нашей компании не соскользнул на преступную дорожку.

В Баку поехали целой компанией – я, братья-боксеры Сергей и Жора Квелидзе, Толя Бажора. Все, кроме меня, вернулись домой через несколько месяцев. Я провел в училище два, скажем прямо, нелегких года, прошел практику на учебном корабле «Правда» и, когда уже казалось, что все трудности адаптации позади, был отчислен по состоянию здоровья – обнаружили начальную стадию туберкулеза легких. Тут же приехала в Баку моя дорогая мама, а я меньше всего думал о здоровье. В вагоне поезда Баку – Тбилиси стоял у окна, мимо проносились столбы, деревья, здания какие-то, а я ничего не видел. Глаза застилала слезы. В течение двух лет связывал свое будущее с флотом, а тут... Жизнь, считал, окончена.

Вспоминаю: был приглашен на семидесятипятилетие адмирала флота Чернавина, с которым мы вместе учились в БВМПУ. «А ведь мог тоже стать адмиралом», – бросил он в шутку. Я же никогда не шутил, когда касались этой темы. Через многие годы после моего окончания БВМПУ М.С. Горбачев, назначая ме-

ня руководителем внешней разведки, готовился подписать указ о присвоении мне звания генерал-полковника. Я отказался, сказав, что присвоение сразу этого звания мне, пришедшему со стороны, создаст ненужное напряжение с коллегами. Добавил, что, если стану генералом, все забудут, что я академик – к этому времени уже был действительным членом Академии наук Советского Союза. Моя жена Ирина Борисовна заметила: «А ведь если бы предложили адмирала, отказаться у тебя не было бы сил».

Приехав в Тбилиси, мамиными заботами вылечился и закончил одиннадцатый класс в 14-й мужской средней школе – тогда в Тбилиси было одиннадцатиклассное образование и раздельное обучение. Куда поступать? Решил держать экзамены в Московский институт востоковедения. Может быть, повлияло то, что туда нацелился мой друг Сурен Широян. Но сознаюсь, я не был одержим поступлением именно в этот вуз. Вообще я хотел вначале пойти на математический, но в физике был слаб, а мама умоляла: куда угодно поступай, но прошу – не в медицинский. Да я в него и не стремился.

Приехали в Москву. Хорошо сдали вступительные экзамены. В тот год была потребность в специалистах по Китаю. Не исключаю, что поддался бы на уговоры и выбрал бы китайское направление, но задели на со-

беседовании слова профессора Евгения Александровича Беляева: «Вы, должно быть, решили пойти на арабский, так как вам мерещатся караваны в пустыне, миражи, заунывные голоса муэдзинов?» И я ответил: прошу зачислить на арабский – баллов для этого у меня достаточно. Так стал арабистом.

В институте больше всего любил страноведческие и общеобразовательные предметы. Блестящие лекции по исламоведению профессора Беляева, по различным разделам истории – профессоров Турка, Шмидта, по политэкономии – профессора Брегеля были настоящими праздниками. Но гораздо меньше интереса я проявлял, к сожалению, к арабскому языку, что и сказалось: по всем предметам, кроме арабского, в дипломе были пятерки, а на госэкзамене по арабскому получил три¹.

Принимала экзамен чудесный преподаватель и исключительно хороший человек – палестинская христианка Клавдия Викторовна Одэ-Васильева. Она приехала в Россию перед Первой мировой войной, вышла замуж за русского врача Васильева, который погиб на фронте. После этого всю свою жизнь посвя-

¹ В результате плохого знания арабского языка переговоры на встречах с арабами, о которых пойдет речь в этой книге, велись на английском или с помощью переводчиков. Самым, пожалуй, выдающимся из них был Сергей Кирпиченко, в дальнейшем посол в ряде арабских стран. (Здесь и далее примем. авт.)

тила преподаванию. Ассистировали ей на выпускных экзаменах Беляев и Шмидт. Отвечал я хорошо, просто сумел сосредоточиться. На вопрос Клавдии Викторовны – какую отметку поставить – ассистенты ска-зали «пять». Это меня и погубило. «Как «пять»?!» – возмутилась Клавдия Викторовна. – Он часто пропускал занятия. Три». С тройками в дипломе тогда не да-вали рекомендации в аспирантуру, а я очень хотел продолжить в ней учебу и уже выбрал для этого эконо-мический факультет МГУ. Но что поделаешь – зна-чит, не всегда мечты не сбываются.

Вдруг неожиданно встречаю в институтском коридоре Клавдию Викторовну. «Как ты относишься к по-ставленной тебе тройке?» – спрашивает она. «Я боль-шего и не заслуживаю, это справедливая отметка», – ответил я. После этих слов Клавдия Викторовна по-шла к директору института и настояла на том, чтобы я все-таки получил рекомендацию в аспирантуру, при-грозив, что в случае отказа пойдет «на самый верх».

Заканчивали мы институт в 1953 году. В марте умер И.В. Сталин. Нас захлестнуло горе. На траурном ми-тинге плакали многие. Выступавшие искренне недо-умевали – сумеем ли жить без Сталина, не раздавят ли нас враги, уцелеем ли? Я чуть не поплатился жиз-нью, когда пытался через Трубную площадь пробиться к Колонному залу Дома союзов, чтобы проститься с

вождем. Была настоящая Ходынка, в страшной давке погибли десятки людей. Нас возмутили услышанные по радио абсолютно спокойные голоса Маленкова и Берию, выступавших с трибуны Мавзолея на похоронах Сталина. Наши симпатии были на стороне третьего выступавшего – Молотова, который еле сдерживал рыдания.

Те, кто считает, что со смертью Сталина сразу провалилась плотина и резко изменилось сознание всех граждан Советского Союза, глубоко ошибаются. Процесс зародился, потом, как говорится, пошел, но постепенно. И в этом была своя закономерность. Большинство моих соотечественников, и я среди них, понимало, что при всех трудностях, иногда даже перераставших в трагедии, было немало хорошего в жизни страны, народа.

Справедливый акцент на негативных, трагических сторонах нашей истории был сделан XX съездом партии, в речи Хрущева, которую не опубликовали, а зачитывали на собраниях коммунистов и комсомольцев. Для многих это прозвучало как гром среди ясного неба. Реакция большинства выражалась в возмущении по поводу скрытых от народа сторон жизни партии, страны и, естественно, в мучительном переосмыслении далеко, как оказалось, не однозначной роли Сталина. Но в разговорах между собой мы

нередко отдавали должное более сбалансированному документу китайской компартии о культе личности, хотя понимали, что на характер этого документа повлияло желание обойти критикой свой «культ» – Мао Цзэдуна.

Но так или иначе, XX съезд нас раскрепостил и оказал сильное влияние на формирование мировоззрения моего поколения. Конечно, впоследствии решающее воздействие оказывали и другие события, но первым импульсом, заставившим мыслить по-иному, чем в прошлом, можно считать XX съезд партии.

«Съездовское» время застало меня в аспирантуре Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Три года, проведенные в ней, прошли в упорной работе. Аспирантура экономфака МГУ давала очень многое: отличную теоретическую подготовку, учила работе с источниками, аналитическому осмыслению происходящего. Конечно, были там и профессора-догматики, да где их в то время не было. Но что самое главное – общая обстановка в аспирантуре подталкивала к самостоятельному мышлению.

Мы прошли в аспирантуре МГУ хорошую марксистскую школу. Позже многие из нас (и я в том числе), не порывая с марксизмом, стали отходить от представлений о нем как о единственной науке, чуть ли

не религии. Мы были хорошо теоретически подкованы и имели все основания считать, что нельзя «с водой выплескивать ребенка». Конечно, марксистские постулаты не могут применяться вне времени и пространства, но этот вывод ни в коей мере не относится к марксистской методологии, которая имеет историческую ценность.

Коллектив аспирантов был очень дружный. Ходили все вместе в театр, совершали вылазки на природу. Дружба с некоторыми из них, в первую очередь со Степаном Арамаисовичем Ситаряном, прошла через всю жизнь. Выдающийся профессионал, он стал в 1980-х годах заместителем председателя Госплана, а затем зампредом Совета министров СССР.

Большинство аспирантов были иногородними, но и москвичи проводили все время с нами, а часто и заночевывали в нашем общежитии МГУ, в высотном здании на Ленинских горах – мы стали первыми его «поселенцами». Моим соседом по блоку (две шестиметровые комнаты с общими «удобствами» был китайский аспирант Чжу Пэйсинь – скромный, деликатный, трудолюбивый, он занимался с раннего утра и до ночи, – умный парень. В одном блоке со Степаном Ситаряном жил кореец Чен, приехавший на учебу в Москву чуть ли не прямо с фронта корейской войны, не повидавшись даже с семьей.

Мы были все в одной компании, не отгораживались от «несоветских» и тогда, когда бурно обсуждали перипетии нашей действительности. Они, как правило, не участвовали в разговорах такого рода, но буквально впитывали их в себя. Это обернулось трагически. Чжу Пэйсинь после возвращения в Китай провел много лет в деревне, куда был послан «на исправление», – как он мне рассказал позже при встрече в Китае, голодал, с рассвета и до темноты занимался тяжелым физическим трудом, но, слава богу, выжил и после осуждения в Китае «культурной революции» вернулся в Пекин, где впоследствии стал профессором университета. Приехав в КНР в 1995 году, я попросил моих коллег (тогда я работал в СВР) найти Чжу. Мы сорок лет не виделись с ним. Обнялись и долго стояли так – не хотели, чтобы окружающие видели наши слезы. Чжу уже почти забыл русский. Объяснялись по-английски, вспоминая молодость. Это была грустная встреча, больше я с ним не виделся.

А судьба корейца Чена, судя по всему, сложилась трагически. Степан Ситарян узнал через несколько лет, что он после возвращения домой выступил на партсобрании с критикой культа личности Ким Ир Сена. После этого его никто не видел...

С нами вместе часто находилась, активно участвуя во всех разговорах, моя жена Лаура. Женился я на

Лауре Харадзе будучи студентом третьего курса. Она была тоже студенткой, училась на втором курсе Грузинского политехнического института. После замужества перевелась в Москву, в Менделеевский институт на электрохимический факультет. В наше время многие ранние браки распадаются. Я прожил с Лаурой тридцать шесть лет. Вначале нам вместе было очень нелегко. Свое собственное первое жилье, комнату в общей квартире, я получил в 1959 году, уже работая в Гостелерадио. Это было для нас настоящим счастьем: все годы до этого снимали, если повезет – комнату, если нет – угол. Особенно тяжело стало, когда в 1954 году родился сын, – многие хозяйки предпочитали сдавать жилье семьям без детей, и поиски места проживания становились настоящей мукой.

Мы вынуждены были отправить девятимесячного Сашеньку в Тбилиси, где до двух с половиной лет он жил у моей мамы. Когда позвонил ей по телефону и сказал, что у нас нет выхода, кроме как послать сына на время к ней, у нее вырвалось: «Но ведь я работаю». За этим последовала мамина телеграмма: «Немедленно привози ребенка, я все устрою».

В мои аспирантские времена Лаура разрывалась между учебой в институте и поездками в Тбилиси, а будучи в Москве, тайно жила в моей аспирантской комнате в МГУ. Мой сосед по блоку Чжу Пэйсинь ни

разу меня не упрекнул, никто не заложил. Всех связывало чувство товарищества.

Жили мы в зоне «Б» на четвертом этаже. Почему-то именно этот этаж был выделен администрацией университета в качестве показательного. Всех высоких гостей приводили к нам. Были у нас и Неру, и Тито, который в 1955 году, после долгой ссоры со Сталиным, был приглашен в Советский Союз. Мы собрались в зале нашего этажа. Тито поздоровался с нами, а потом начал внимательно слушать разъяснения министра высшего образования Елютина. «А как используется этот зал?» – спросил Тито. «Для коллективных мероприятий, например самодеятельности», – отвечал Елютин. «А это тоже самодеятельность?» Тито указал пальцем на висевшую на стене картину, изображающую Ленина и Сталина, которые сидели рядом на скамейке в Горках, где, как известно, больной Ленин, у которого в то время были неприязненные отношения со Сталиным, провел последние годы жизни.

Через много-много лет, уже после смерти Тито, я был в Белграде, в его доме. По моей просьбе меня повели туда югославские друзья. Каково было мое удивление, когда на книжной полке я увидел фотографию Сталина. Что это – всеядность человека, который бережно хранил фотографии своего врага, или дань уважения к противнику?

Закончил аспирантуру, подготовив диссертацию на тему о получении максимальных прибылей иностранными нефтяными компаниями, оперирующими на Аравийском полуострове. Работая над диссертацией, ознакомился в том числе и с технической литературой по нефти – это мне пригодилось в будущем. Но защитить диссертацию до окончания срока аспирантуры не смог. Тогда требовалась перед защитой публикация на диссертационную тему, издал небольшую монографию «Страны Аравии и колониализм», но вместе с тем исключалась защита в той организации, в которой подготовил диссертацию. Это положение ввели незадолго до окончания срока моего пребывания в аспирантуре, и я не мог себе позволить длительную, без работы, паузу, необходимую для вторичного обсуждения диссертации и выполнения по ней всех формальностей в другом учебном или исследовательском учреждении. В результате начал подыскивать себе место преподавателя политэкономии. Знал, что во многих городах Союза есть хорошие вузы, там, думал, и защищусь. Но судьба распорядилась и на этот раз иначе.

Сергей Николаевич Каверин – главный редактор арабской редакции иновещания, с которым познакомился, так как время от времени писал в его редакцию, чтобы подзаработать, предложил поступить к

нему. Так я стал профессиональным журналистом. За год последовательно прошел путь корреспондента, выпускающего редактора, ответственного редактора, заместителя главного редактора. После безвременной кончины Сергея Николаевича на должность главного назначили Андрея Васильевича Швакова – фронтовика-белоруса, очень честного, порядочного человека. Я был у него заместителем. Потом с его подачи (!) сделали рокировку: он стал заместителем, а я главным. Мы с ним дружили многие годы, вплоть до его смерти.

Работа на иновещании дала очень многое. Прежде всего – умение быстро и при любом шуме подготовить комментарий на происходящие события. Вместе с тем для меня это была первая школа руководителя. В свои двадцать шесть лет я возглавил коллектив в семьдесят человек, среди которых, пожалуй, был самым молодым.

В 1958 году я удостоился чести в качестве корреспондента Всесоюзного радио сопровождать Н.С. Хрущева, Н.А. Мухитдинова, маршала Р.Я. Малиновского и других членов партийно-правительственной делегации в Албанию. Кто предложил послать именно меня, не знаю. Может быть, «наверху» кто-то решил, что Албания – арабская страна. Ну а если не арабская, то все-таки «мусульманская». Командировка эта

запомнилась на всю жизнь. Увидел Хрущева вблизи, и это было очень любопытно.

Он умел в резкой форме заявлять о своей позиции, но и знал, как самортизировать недовольство собеседников, если хотел их расположить к себе. Не всегда, правда, это удавалось. Выслушав на аэродроме приветственную речь Энвера Ходжи – первого секретаря компартии Албании, которая изобиловала антиюгославскими выпадами, Хрущев при первой же встрече с Ходжой в присутствии журналистов сказал ему: «Я не хочу, чтобы вы превращали мой визит в антиюгославскую кампанию (шел процесс примирения с Тито), – и тут же добавил: – Мы с вами – настоящие ленинцы и можем постоять за чистоту марксизма-ленинизма в других формах».

Хрущеву не понравилась программа пребывания в Албании – «мало встреч с людьми», и он потребовал ее откорректировать уже во время визита. Албанцы подавили в себе возмущение и с этим тоже смирились. Без всякой дипломатии Хрущев гнул свою линию. «А это зачем?» – спросил он, ткнув указательным пальцем в скульптуру Сталина у входа в текстильный комбинат, построенный Советским Союзом. Молча выслушал разъяснения сопровождавшего его премьер-министра Мехмета Шеху: «Сталина чтут в Албании, так как он направил ультиматум Тито, ко-

гда тот уже был готов силой присоединить ее к Югославии, – мы с автоматами в руках ждали нападения. С его именем связано и строительство нашего промышленного первенца-комбината, которым мы гордимся». – «А чего гордиться? – сказал Хрущев. – Построили-то вам комбинат уже устаревший – в один этаж. За границей давно уже строят многоэтажные производственные здания».

В своей главной часовой речи, произнесенной на митинге без заранее подготовленного текста, Хрущев заявил: «Если США поставят свои ракеты в Греции и Италии, то мы разместим свои в Албании и Болгарии». Мне показалось, что албанцы были ошеломлены, но довольны, так как нуждались в гарантиях, и, таким образом, могли надеяться их получить. Одновременно прозвучало предложение Хрущева превратить Средиземноморье в зону мира.

В этой же речи он неожиданно выразил соболезнования Соединенным Штатам по поводу кончины Джона Фостера Даллеса – Государственного секретаря, известного своей, мягко говоря, антисоветской позицией. Это не помешало Никите Сергеевичу заявить, что в последние годы своей жизни Даллес изменился. Словом, в выступлении было много новых моментов – хоть отбавляй.

С этой речью была связана острая коллизия и для

меня. К моменту ее произнесения уже было ясно, что Хрущев будет все время выступать без текста, а его речи – стенографироваться, затем редактироваться двумя помощниками – Шуйским и Лебедевым и лишь после одобрения Хрущевым окончательного текста передаваться в ТАСС. На всю эту процедуру требовалось много часов. Албанцам сказали сразу, что они могут публиковать выступление Хрущева только по ТАССу. Они справедливо обиделись и по радио Тираны нарочито передавали: «Как сообщает ТАСС, выступая в Тиране, Н.С. Хрущев сказал то-то и то-то».

Или по неопытности, или потому, что ответственность за выполнение порученной мне столь важной миссии – освещать по радио визит советского лидера в Албанию – отодвинула на задний план все формальные моменты, я решил вторгнуться в «святыню святых» – в порядок опубликования выступлений генерального секретаря. Подошел к его помощникам и сказал: «Разрешите мне готовить для передачи на московское радио изложение основных идей, высказываемых Никитой Сергеевичем. Я буду, конечно, показывать вам, а потом срочно сообщать все в редакцию, иначе я не очень понимаю, для чего я здесь нужен – только для того, чтобы передавать «антураж»?» – «Если ты такой смелый, – сказал Шуйский, – пиши и передавай под свою ответственность». Я это и сде-

лал. Выдвинув главные идеи речи Хрущева на первый план, продиктовал корреспонденцию по телефону нашим стенографисткам в Москве, а сам, довольный собой, пошел пить пиво. Вдруг подходит ко мне корреспондент «Правды» Ткаченко, с которым у нас потом установились дружеские отношения, и говорит: «Иду из резиденции, там переполох, речь Хрущева решили не публиковать, но она улетучилась, и сейчас пошли на нее отклики во всем мире. Ищут, кто виноват в утечке». У меня сердце ушло в пятки. Я представил себе, как меня срочно отзывают в Москву, исключают из партии, снимают с работы. Кстати, все тогда так и могло получиться. Увидев мое побелевшее лицо, Ткаченко ухмыльнулся: «Я пошутил. Напротив, Никите показали зарубежные отклики, и он очень доволен оперативностью». Очевидно, все было именно так, потому что я с этого момента спокойно передавал свои корреспонденции в Москву и ни Шуйский, ни Лебедев мне не делали никаких замечаний. Правда, и не хвалили, просто не замечали.

На иновещании прошла реорганизация, укрупнили редакции, и меня повысили, назначив заместителем главного редактора редакции информации на все зарубежные страны. Все вроде шло хорошо. О диссертации даже перестал думать, но после моего выступления на одном из круглых столов (не помню уже, на

какую тему я выступал) ко мне подошел грузный, седой мужчина и представился: Ростислав Александрович Ульяновский, заместитель директора Института востоковедения Академии наук. Расспросив меня о моей работе, интересах, в том числе о том, думаю ли я написать диссертацию, и услышав в ответ, что она готова и ждет защиты, Ульяновский предложил мне защищаться в его институте. Это предложение было повторено мне по телефону. Не было бы этой встречи, не знаю – защитил бы я когда-нибудь кандидатскую диссертацию, а ведь это открыло мне дорогу в науку, в академическую жизнь. Опять судьба?

По-видимому, работал бы на инновационной еще многие годы, но весьма «осязуемо» прочувствовал скверное отношение ко мне заведующего сектором ЦК – он занимался радио. Возможно, ему не понравилось мое выступление на партсобрании, возможно, существовали какие-то другие причины, но в течение нескольких лет после сопровождения Н.С. Хрущева в его поездке по Албании я фактически был «невъездным». «Рубили» даже туристические поездки.

Тогда же была запущена легенда о моем происхождении. Мне даже приписали фамилию Киршенблат. Антисемитизм всегда был инструментом для травли у тупых партийных чиновников. Фамилия моего отца Немченко – об этом сказала мне мать. Я его никогда

не видел. Их пути с матерью разошлись, в 1937 году он был расстрелян. Я с рождения носил фамилию матери – Примаков. С моей бабушкой по материнской линии – еврейкой – связана романтическая история. Обладая своенравным характером, она вопреки воле моего прадеда – владельца мельницы – вышла замуж за простого работника, к тому же русского, отсюда и фамилия Примаковых. Позже они жили в Тифлисе, а ее муж – мой дед, ставший подрядчиком на дорожном строительстве в Турции, – погиб в схватке с грабителями-курдами.

В это время меня познакомил В.С. Зорин с заместителем главного редактора «Правды» Николаем Николаевичем Иноземцевым, отвечавшим в газете за международную тематику. От него я и получил приглашение перейти в «Правду» обозревателем отдела стран Азии и Африки. Я сказал Иноземцеву, что за мной тянется какой-то «хвост», так как с некоторого времени начали отказывать в выезде за рубеж. Николай Николаевич при мне вызвал заведующего отделом кадров и сказал ему: «Запросите соответствующие органы о возможности использовать Примакова в качестве собственного корреспондента «Правды» в одной из капиталистических стран». Я понял, что меня направляют на проверку по самому высшему разряду, и был этому рад.

Для проверки нужно было определенное время. Предположив, что на мой уход может негативно отреагировать руководство Гостелерадио (так и получилось), Иноземцев предложил мне «промежуточно» самому подать документы на конкурсное замещение (я уже был кандидатом экономических наук) должности старшего научного сотрудника в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО).

Мое четырехмесячное первое пребывание в ИМЭМО закончилось после ночного телефонного звонка от главного редактора «Правды» П.А. Сатюкова. Мне сказали, что он меня ждет и за мной уже выехала машина.

– Когда можете приступить к работе? – спросил Сатюков.

После того как мы вышли из кабинета главного – так в то время во всех газетах величали главного редактора, – Иноземцев передал мне, что получена информация из «соответствующих органов» об отсутствии возражений против моей поездки за рубеж в качестве собкора «Правды».

– А что касается этого деятеля из сектора ЦК, то «Правда» вне пределов его влияния, – добавил Николай Николаевич, улыбнувшись.

Проработав в редакции «Правды» три года, я был

назначен собственным корреспондентом этой газеты на Ближнем Востоке с постоянным пребыванием в Каире. «Правда» – орган ЦК КПСС, и, будучи ее корреспондентом, впервые начал выполнять ответственные поручения Центрального комитета, политбюро ЦК. Некоторые из них оформлялись в Особую папку, к которой мало кто имел доступ. В ней формулировалась задача, назывались исполнители. Как правило, меры безопасности и связь поручалось обеспечивать КГБ.

Мне довелось выполнить целый ряд таких поручений – много раз посещал север Ирака, где контактировал с руководителем курдских повстанцев Мустафой Барзани с целью сблизить его с Багдадом. Советский Союз хотел мира в Ираке. Мы симпатизировали освободительной борьбе курдов и в то же время стремились укрепить свои позиции в новом руководстве Ирака, которое пришло к власти в 1968 году. С багдадской стороны ответственным за переговоры с курдами был Саддам Хусейн. Я встретился с ним в 1969 году, тогда же познакомился с Тариком Азизом, который был главным редактором газеты «Ас-Саура». И у Саддама Хусейна, и у Тарика Азиза в углу кабинетов стояли автоматы. Время было тревожное. Я совершил много поездок на север Ирака – сначала во время боевых действий к зимней резиденции Барзани по тропам на

мулах, потом вертолетом. Соглашение о мире было подписано в 1970 году.

Другой эпизод – первое знакомство с левобаасистскими лидерами после переворота в Дамаске, который произошел 23 февраля 1966 года. В то время в Каире находился первый заместитель министра иностранных дел СССР Василий Васильевич Кузнецов. Он был у Насера, когда поступило сообщение о перевороте в Сирии. Донесение Насеру, которым он поделился с Кузнецовым, было однозначным: власть в Дамаске взяли правые, антинасеровские силы. Я получил указание редакции срочно вылететь в Дамаск.

Прилетел в Бейрут. Сухопутная ливано-сирийская граница оказалась закрытой, закрыт был и аэродром Дамаска, но все же правдами и неправдами удалось получить место на чешском самолете, который летел в Багдад с технической посадкой в Дамаске. Я попытался остаться там. Но меня хотели во что бы то ни стало выдворить. Помог телефонный звонок одному из руководителей левобаасистского движения, пришедшего к власти, Джунди. Была свежа в памяти недавняя встреча в Сирии с ним и его братом – профсоюзным лидером. Результатом полученных интервью стала статья в «Правде» под заголовком «Многоэтажный Дамаск». Заголовок был со смыслом. В Дамаске вплоть до недавнего времени запрещали стро-

ить здания выше мечетей, и поэтому, а может быть – из-за жаркого климата, здания уходили на несколько этажей в землю, и их окружали расположенные ниже поверхности небольшие садики. Издали определить число этажей в дамасских домах было невозможно. А статья моя была посвящена правящей баасистской партии, в отношении которой у нас господствовали однозначно негативные оценки, особенно в связи с ее антикоммунизмом. Однако в результате моих контактов выяснилось, что баасистская партия в Сирии отнюдь не однородна. Ее левое крыло не воспринимало антикоммунизм, придерживалось прогрессивных взглядов и идей. После моей публикации, которая наделала много шума в Сирии, братья Джунди чуть не лишились своих постов, а после переворота 23 февраля Абдель Керим Джунди возглавил спецслужбу. Ему я и позвонил, и мне было немедленно разрешено выехать из аэропорта в город.

Корреспондент «Правды» был первым иностранцем, который встретился с премьер-министром нового правительства Зуэйном. Рассказав ему о сомнениях Насера, я взял на себя смелость посоветовать собрать пресс-конференцию и заявить, что пришедшие к власти в Сирии люди не имеют ничего общего с правыми антинасеровскими группами. Пресс-конференция состоялась. Естественно, я все это доложил шиф-

ротелеграммой в Москву, а в Дамаске для меня открылись многие двери. 8 марта во время баасистской демонстрации я был приглашен на трибуну, где познакомился с Хафезом Асадом, в то время командующим военно-воздушными силами страны. Асада окружала группа прибывших с ним автоматчиков, которые напряженно вглядывались в шеренги проходивших мимо демонстрантов, – новая власть, судя по всему, еще не чувствовала себя в безопасности. Через много лет я спросил Хафеза Асада, узнаёт ли он во мне того относительно молодого корреспондента «Правды», который был представлен ему во время баасистского парада. Он был крайне удивлен, что тот человек и я – одно и то же лицо.

Был я первым иностранцем, который встретился и с генералом Нимейри, возглавившим переворот в Судане в 1969 году. Я привез генеральному секретарю суданской компартии послание ЦК КПСС, в котором говорилось о поддержке Советским Союзом революционных изменений в этой стране. К сожалению, нашим оптимистическим прогнозам не суждено было сбыться – сыграли свою роль в том числе и ошибки суданской компартии. Но столкновения между Нимейри и коммунистами начались позже. Огромное значение суданским событиям придавал и Египет. Послание Насера Нимейри привез мой знакомый египтянин

Хамруш, с которым мы летали в Хартум одним самолетом.

Мы прибыли в столицу Судана, когда еще не была восстановлена телефонная связь. Я вынужден был передавать первую корреспонденцию из посольства шифротелеграммой. Конечно, это стало нарушением всех канонов. Но это была первая информация о происходящем, да еще с изложением разговора с Нимейри. Позже узнал, что корреспонденция увидела свет, так как Суслов на доложенной ему моей телеграмме наложил резолюцию: «Опубликовать в «Правде».

В общем, многое что есть вспомнить. Я продолжал выполнять ответственные миссии по заданию советского руководства, уже не находясь на журналистском поприще, а перейдя на работу в академические институты. Среди этих миссий – конфиденциальный визит в Оман для установления дипломатических отношений СССР с этим аравийским княжеством. Визит, который по нашей просьбе подготовил король Иордании Хусейн, оказался успешным.

Особое значение имели, очевидно, строго конфиденциальные встречи с израильскими руководителями – Голдой Меир, Моше Даяном, Шимоном Пересом, Ицхаком Рабином, Менахемом Бегинем – он единственный из всех говорил по-русски: провел в ссылке у нас на севере около двух лет, написал об этом

позже книгу, был освобожден, поступил на службу в польскую армию Андерса. Целью всех этих контактов, осуществленных с воеводой Садата, который после Насера стал президентом Египта, был зондаж возможности установления всеобщего мира с арабами.

С Ясиром Арафатом, Абу Айядом, Абу Мазеном, Ясиром Абдраббо и другими палестинцами знаком, много беседовал, спорил, дружил с конца 1960-х – начала 1970-х годов. Степень дружеских отношений подчеркивает хотя бы то, что, совершая поездку в Багдад в 1990 году (их всего было три во время кризиса в зоне Персидского залива), я остановился в Аммане, где не только встретился с королем Хусейном, но и попросил прилететь туда из Туниса Ясира Арафата. Он прибыл в назначенное время со всем руководством Организации освобождения Палестины.

Сначала Арафат безоговорочно одобрял насильственное присоединение Кувейта к Ираку, говорил, что в поддержку Саддама выступают народные массы и в арабских странах создастся принципиально иная – революционная ситуация. Чувствовалось, что не все руководство, например Абу Айяд², Абу Ма-

² Абу Айяд – второй по значению лидер в ООП, руководивший военными операциями. За время многих встреч сложилось впечатление о нем как о человеке непрестом, эволюционирующем в сторону реализма. Он был убит в Тунисе при неизвестных обстоятельствах в 1992 году.

зен и некоторые другие, придерживалось аналогичных взглядов. Но по-видимому, окончательно охладили пыл Абу Аммара (так называли Я. Арафата его близкие) мои слова: «Помнишь, как мы сидели в маленькой комнате на твоей походной железной кровати в Дамаске накануне «черного сентября»³ 1970 года? Нарастала напряженность в Иордании, в воздухе витала угроза боевых действий, ты тогда мне тоже говорил, что совершенно не опасаясь, если события приведут к столкновению палестинцев в Иордании с королевской армией – офицеры в ней-де палестинцы, да и в арабских народных массах начнутся революционные процессы, «как во Вьетнаме», а те арабские режимы, которые не поддержат ООП, будут под «народным огнем». Что из этого получилось, хорошо известно».

После этих слов Арафат приказал подготовить свой самолет к вылету в Багдад и обещал, что проведет «нужную по тону» беседу с Саддамом Хусейном до

³ Черный сентябрь – такое название получили события, начавшиеся с захвата заложников и насильственной посадки террористами четырех самолетов на амманский аэродром с угрозой взорвать их с пассажирами, а затем широкомасштабными вооруженными столкновениями иорданской армии с палестинскими боевиками. Стремление Сирии прийти на помощь палестинцам было пресечено угрозой вторжения в Иорданию израильской армии. В результате столкновений палестинские вооруженные отряды, равно как и штабы их политических организаций, были вынуждены покинуть территорию Иордании.

моего приезда.

С ливанскими руководителями – и мусульманскими, и христианскими, разведенными гражданской войной по разные стороны баррикад, – был знаком практически со всеми: с Шамуном, Пьером Жмайелем, их сыновьями, Джумблатом – отцом и сыном, Рашидом Караме и другими.

Вместе с И.П. Беляевым проговорили три часа с Анваром Садатом в декабре 1975 года в его загородной резиденции на Барраже. Получив международную премию имени Насера за книгу о выдающемся египетском руководителе, мы были приглашены для откровенного разговора и практически стали последними советскими людьми, с которыми Садат встречался. Не из-за характера нашей дискуссии – напротив, она была весьма дружеской, – но Садат уже принял к этому времени решение повернуться спиной к Москве.

Три ночные продолжительные встречи (он обычно принимал гостей ночью) состоялись с саудовским королем Фахдом, который подарил мне свои четки, сопроводив это словами: «Я – хранитель двух главных мусульманских святынь, и смотри не передаривай эти четки никому». Я так и поступил. Король Фахд в 1991 году мне говорил, что любит смотреть по телевизору московскую программу «Время», которая, по его сло-

вам, правдиво освещает события на Ближнем Востоке, и спросил: «Нельзя ли организовать ежедневный перевод этой программы на арабский язык?»

В музей короля Фейсала я привез уникальную документальную киноплёнку. На ней был запечатлен приехавший в Москву в 1930 году тогда еще не король, а министр иностранных дел Саудовской Аравии, которого на железнодорожном вокзале встречал заместитель наркома иностранных дел Крестинский. За это меня благодарили сыновья покойного короля Фейсала, занимавшие в конце XX столетия высшие посты в саудовском правительстве.

Многokrатно встречался и всегда испытывал самые добрые чувства к иорданскому королю Хусейну. Можно считать, что обоюдная симпатия или – возьму на себя смелость сказать – дружеские отношения зародились, когда опоздал к нему на прием в 1970 году. Король встретил меня в цветастой рубашке с закатанными рукавами и засмеялся, когда я, объясняя причину опоздания, сказал: «Виноваты вы сами: Иордания – единственная арабская страна, где не проедешь на красный свет». О близости отношений свидетельствовал хотя бы такой факт: однажды я был у иорданского премьера, и Хусейн, узнав, что я у него, сам приехал на мотоцикле (он прекрасно водил и самолеты различных марок), а за ним примчались взбешенные,

безумно испуганные за своего по-настоящему любимого сюзерена черкесы из личной охраны.

С братом короля, Хасаном, я переписывался годами. В добрых отношениях был и с другим прямым наследником пророка Мухаммеда – марокканским королем Хасаном II, сыгравшим, особенно на «палестинском направлении», выдающуюся роль в попытках сблизить позиции сторон. К сожалению, уже нет в живых многих из упомянутых лидеров.

Откровенные и доверительные отношения установились у меня с президентом Египта Мубараком, начальником его канцелярии Усамой аль-Базом.

Да разве всех и все миссии перечислишь?

Работа в «Правде» была для меня очень важным этапом в моей жизни еще и потому, что в этот период я встретился и сблизился с людьми, которые внесли большой вклад в процесс реформирования нашего общества.

Диссиденты в системе

Трудное избавление от идеологических пут

У нас и за рубежом много писали и пишут о людях, раскачавших советскую систему. Их имена хорошо известны. Это и Андрей Сахаров, и Александр Солженицын, и Мстислав Ростропович, и многие другие. Но они никогда не были частью системы. Они критиковали ее, боролись с ней, требовали ее ликвидации, – но все это «извне», даже в то время, когда некоторые из них еще жили в СССР, до своего вынужденного выезда из страны.

Вместе с тем гораздо реже упоминаются те люди, в том числе занимавшие далеко не низкие официальные посты, те научные учреждения и некоторые газеты и журналы, которые выступали не только против преступной практики массовых репрессий, но и против господствующих идеологических догм, нелепых, анахроничных представлений в области официальных теоретических постулатов. Активность таких «внутрисистемных» сил весьма способствовала пе-

ременам, причем качественным, основательным.

Обычно упор делается на вторую половину 80-х годов, на время горбачевской перестройки. Между тем деятельность сил, пытавшихся изменить обстановку в СССР, серьезно откорректировать ее базовую коммунистическую идеологию, не только имела место и раньше, но фактически подготовила последовавшие перемены. Точкой реального отсчета их активности стал XX съезд КПСС.

Я хотел бы написать об этом подробнее. Примитивным выглядит представление о том, что в советском обществе были только те, кто за прошлое, и те, кто против него. Это во-первых.

Во-вторых, нельзя недооценивать роль и деятельность не просто честных и порядочных людей внутри государственных и партийных структур – как раз о таких писалось и говорилось немало, – но и тех, кто, не ограничиваясь защитой незаслуженно преследуемых товарищей, начинал выступать за перемены в теории и практике социалистического строительства. Без показа этого явления общественные процессы в СССР будут выглядеть однобоко, не соответствовать реальности.

В-третьих, такая внутрисистемная деятельность не должна и не может игнорироваться и в сегодняшней внутривнутриполитической обстановке в России. Ее недо-

оценка ведет в конечном итоге в пропасть коммунистическое движение. Внимательное и позитивное отношение к такой деятельности неизбежно будет подталкивать многих, кто не связал себя ни с государственным тоталитаризмом, ни с оголтелым антикоммунизмом, к выдержавшим проверку временем социал-демократическим ценностям.

Наконец, хотя книга, как уже говорилось, не автобиографична, я не мог пройти мимо описания внутрисистемных разночтений, противопоставлений и борьбы взглядов, так как именно в такой обстановке во мне формировались те черты политика, которые впоследствии вышли за рамки прежних представлений и во многом способствовали формированию моих позиций в последние десять лет нашего века.

Сталин извратил Ленина?

Можно говорить о двух взаимосвязанных направлениях деятельности «внутрисистемных диссидентов». Первое – стремление убедить общество в том, что Сталин извратил Ленина, создал нечто, противоречащее его идеалам, мыслям и устремлениям.

Конечно, главное, на что опирались при этом, было обвинение Сталина в репрессиях, унесших миллионы жизней ни в чем не повинных людей, в варварских ме-

тодах коллективизации, погубившей крестьянство. Но этим дело не ограничивалось. Начинаясь критика и другого рода, затрагивающая вопросы партийно-государственного строительства. Например, Л.А. Оников, консультант отдела пропаганды ЦК КПСС, справедливо выступал неоднократно на тему о том, что при Сталине кардинально изменились принципы партийной жизни: наступила эра аппарата, захватившего власть в выборных органах, члены которых практически отстранялись от руководства, не могли даже участвовать в заседаниях бюро без специального приглашения, пришло время всеобщей закрытости, секретности. Все решалось на уровне секретарей, заведующих отделами, секторами, инструкторов райкомов, обкомов, ЦК.

Еще в начале 60-х годов, задолго до перестройки, главный редактор газеты «Правда», в которой я в то время работал, академик А.М. Румянцев написал ко Дню печати статью, в которой настаивал на необходимости возвратиться к ленинским принципам: по его словам, при временном отказе от фракционности в партии возник дискуссионный «вакуум» и Ленин предполагал, а также предлагал заполнить его своеобразным двоецентрием – партийным комитетом и партийными газетами и журналами, которые призваны были критиковать не только нижестоящие организации, но

и тот комитет, печатным органом которого они являлись.

Алексей Матвеевич – человек, безусловно, незаурядный и очень, особенно по тем временам, смелый – настаивал на возобновлении этой «ленинской практики». Я дежурил в типографии, когда пришло от члена редколлегии, ведущего номер, указание статью снять. Позже выяснилось, что к А.М. Румянцеву приехал заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК и от имени Суслова, руководившего в ту пору всем идеологическим направлением работы партии, предложил исключить из статьи самую ее сердцевину. Румянцев наотрез отказался и вообще снял статью – мы поспешно «забывали» образовавшуюся «дыру» на полосу другими материалами.

А ведь Румянцев был далеко не рядовой партиец. Поэтому он смог противостоять «всемогущему» Суслову.

Второе направление объективного идеологического расшатывания существовавших порядков заключалось уже не только в показе отступничества Сталина от ленинских принципов, а в той или иной форме признания несоответствия догматических постулатов марксизма-ленинизма реальности. Давалось это нелегко – и потому, что встречало самое рьяное сопротивление «сверху», и потому, что «внутри-

системные диссиденты», поднявшие руку на идеологические догмы, опасаясь реакции начальства, да и по своим убеждениям, ссылались в выводах на того же В.И. Ленина.

Вновь обращаюсь к примеру Румянцева, которому принадлежали две «двухподвальные» статьи об интеллигенции, наделавшие много шума в стране, так как он, отказавшись от схемы, отводившей центральное место в обществе пролетариату, показал истинную роль интеллигенции. Как было принято, гранки статей такого рода рассылались членам политбюро, от которых поступали замечания. На статьи Румянцева комментарии поступили от одного из помощников генерального секретаря, на что Алексей Матвеевич отреагировал запиской в ЦК, в которой заявил, что, будучи членом выборного органа, не намерен получать замечания от партийных чиновников. Статьи были опубликованы, но ему этого не простили – через некоторое время Румянцев оказался в Академии наук, а в «Правду» пришел другой главный редактор.

А.М. Румянцев был одним из очень немногих высших должностных лиц в партии, который мог себе позволить такую манеру поведения. Когда он уже был в Академии наук, а мы с ним жили в одном доме и по вечерам нередко гуляли во дворе, я много часов проговорил с этим честнейшим, прямолинейным, но

несколько «зашоренным» человеком, которого уважал и любил. Он рассказал, как попал в аппарат ЦК. В 1951 году шла очередная дискуссия, на этот раз об экономических проблемах социализма. Сталин, не участвуя в бурных обсуждениях, сидел в своем кабинете и через наушники слушал выступавших. Ему очень понравилась идея, высказанная Румянцевым (впоследствии сам автор признал ее абсолютно бредовой), о том, что капитализм после потери колоний «развивается на суженной основе». После окончания дискуссии Румянцева, тогдашнего директора Института экономики в Харькове, вызвал секретарь ЦК Маленков, отвечавший за кадры, и со ссылкой на Сталина предложил пост заместителя заведующего управлением науки ЦК КПСС (тогда это было управлением, позже стало отделом). Румянцева отказался, сославшись на свою «провинциальность», неуверенность в том, что справится с такой ответственной и масштабной работой.

Через две недели последовал новый вызов к Маленкову, который, по словам Алексея Матвеевича, сказал ему следующее: «Товарищ Сталин просил передать, что, если Румянцева не хочет быть заместителем, назначьте его заведующим, разделив управление на две части – естественных⁴ и общественных на-

⁴ Заведующим этим управлением был назначен Ю. Жданов – сын из-

ук». Так и поступили.

Румянцев был избран членом президиума на XIX съезде партии, возглавлял идеологическую комиссию, его заместителем был Суслов – тогда еще не столь известный партийный руководитель. В дальнейшем Румянцев стал шеф-редактором журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге, организованного ЦК КПСС, но при членстве в редколлегии представителей ряда компартий. Этот журнал превратился в своеобразный партийный «центр инакомыслия». В журнале работала целая плеяда людей, которые в 70—80-х годах заняли ведущие позиции в международном отделе и в отделе соцстран ЦК КПСС. Не буду перечислять поименно, лишь скажу, что их активность постепенно, хоть и половинчато и далеко не последовательно – иначе в то время и быть не могло, – помогала приближать партию к реальному пониманию действительной, а не «марксистско-книжной» обстановки в мире, перспектив развития мирового сообщества. Их роль в этом трудно переоценить.

Вылетевшие из «румянцевского гнезда» пошли во многом дальше шеф-редактора. Но и они свои свежие, правильные идеи прикрывали подчас выдернутыми из контекста цитатами Ленина. Не думаю, что это был цинизм или попытки приспособиться, при-

крыться, хотя и это имело место. Была в ту пору уверенность в необходимости вернуться к «ленинскому пониманию», к «ленинским оценкам» происходивших и происходящих процессов.

Характерно, что в этом направлении эволюционировал и секретарь ЦК, занимавшийся соцстранами, Ю.В. Андропов после своего перевода с поста посла СССР в Венгрии. Он окружил себя одаренными людьми, набрав их в группу консультантов, в основном выходцами из журнала «Проблемы мира и социализма». Один из них, Н.В. Шишлин, рассказывал мне, что в начале такого общения Андропов часто раздражался, а потом уже не мог обходиться без откровенных и достаточно острых «внутренних» дискуссий. С Ю.В. Андроповым работала в то время целая группа партийных интеллектуалов – таких, как Г.А. Арбатов, Ф.М. Бурлацкий, А.Е. Бовин, Н.В. Шишлин и другие.

В эпицентре – ИМЭМО

В стремлении преодолеть догматическое мышление, навязываемое официальной идеологией, большую роль сыграл Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО).

Второй мой приход в ИМЭМО состоялся после того, как, будучи корреспондентом «Правды» на Ближнем

Востоке, я «умудрился» защитить докторскую диссертацию, тоже по экономике. «Главным» в «Правде» в то время был М.В. Зимянин⁵.

Он отнюдь не был сторонником моей научной деятельности, предоставив мне перед защитой отпуск на две недели без сохранения содержания. Но я его не виню в этом. Может быть, он знал, что перед защитой, которая проходила в ИМЭМО, я получил предложение от Н.Н. Иноземцева, в то время уже назначенного директором института после смерти А.А. Арзуманяна, перейти на работу его первым заместителем. Аналогичное предложение мне сделал Г.А. Арбатов – директор нового, отпочковавшегося от ИМЭМО Института США и Канады.

В это время Иноземцев и Арбатов очень тесно работали с генеральным секретарем ЦК Л.И. Брежневым. В группу, готовившую материалы пленумов, съездов партии, выступлений Брежнева, входили и другие, в том числе Зимянин. От Иноземцева и Арба-

⁵ Я многим обязан ему по-человечески. Например, хотя бы тем, что он категорически воспротивился уже подготовленной редакцией моей командировке на юг Аравии, в партизанский отряд в Дофаре, который вел вооруженную борьбу против англичан, все еще правивших в Адене. «Это слишком опасно, я дорожу тобой» – такие слова Михаила Васильевича меня тронули до глубины души, хотя по-журналистски ох как хотелось дать материал в «Правду» с места боев, тем более что очень хорошо были встречены читателями «Правды» – тогда она издавалась тиражом 11 млн экземпляров – мои репортажи из иракского Курдистана.

това я знал (вопреки тому, что пишут во многих СМИ, ни разу в то время не участвовал в таких группах, обычно собиравшихся на загородных дачах, и ни разу не виделся с Л.И. Брежневым), что между составителями этих материалов не было единства. К «прогрессистам», отстаивавшим необходимость отойти хотя бы от самых очевидных нежизненных догм, приблизиться к реальному пониманию действительности и внутри страны, и в международной жизни, принадлежали Иноземцев, Арбатов, Бовин и некоторые другие. К противоположной стороне относился Зимянин, несмотря на то что его нельзя было, во всяком случае однозначно, отнести к самому консервативному крылу партии. Однако, как мне кажется, он обладал большим «партийным опытом», чем два академика, и четко придерживался табу на любое инакомыслие.

Характерно, что обе группы выходили и сближались с различными людьми в высшем руководстве партии. Тогда уже Иноземцев, например, с воодушевлением рассказывал мне, как отреагировал М.С. Горбачев – в то время секретарь ЦК – на замечания некоторых членов политбюро, потребовавших исключить из готовившейся речи генсека ссылку на необходимость дать большую хозяйственную самостоятельность колхозам.

– Если это не пройдет, – с восторгом пересказал

Иноземцев слова Горбачева, – тогда народ сам все равно решит эту задачу.

Я понимал, что дискуссии в рабочих группах идут нешуточные и они давали определенный простор для новых идей. Но, опять-таки по словам Иноземцева, Брежнев, который был настроен на серьезную реформаторскую деятельность в партии и в обществе, коренным образом изменился после 1968 года – так его испугала Пражская весна.

– Николай, мы же с тобой фронтовики, неужели нам занимать мужества? – говорил он, прогуливаясь вдвоем с Иноземцевым во время работы на даче. За этим следовали рассуждения о необходимости радикальнейших перемен в стране, партии, кадрах. Такие разговоры прекратились после того, как советские танки вошли в Прагу. А потом к этому прибавились недомогание Брежнева и старческий склероз...

С постоянным нахождением Иноземцева в «брежневских группах», очевидно, было связано и сделанное мне предложение стать его первым замом в ИМЭМО – я оставался им с 1970 по 1977 год. Все серьезные, особенно кадровые, вопросы я решал только с Николаем Николаевичем, но повседневно практически руководил институтом.

Третий раз пришел в ИМЭМО уже в 1985 году, сменив на посту директора А.Н. Яковлева, который пере-

шел на работу в ЦК заведующим отделом пропаганды. На моей кандидатуре настаивал Александр Николаевич.

Я переходил с директорской должности в Институте востоковедения – тоже очень важного академического института, не уступающего по размерам ИМЭМО. И все-таки ИМЭМО был значимее в плане выработки новых идей, новых подходов, нового отношения к процессам, происходящим в мире. Да и занимал особое место среди других академических институтов гуманитарного профиля своей близостью к практике, к структурам, вырабатывавшим политическую линию.

ИМЭМО возник после XX съезда партии в эпоху «оттепели» как преемник закрытого при Сталине Института мирового хозяйства и мировой политики, руководимого академиком Е.С. Варгой. До сих пор непонятно, как этот известный ученый, да еще с коминтерновским прошлым, осмелившийся писать о новых качествах капитализма, точнее, об «организованном капитализме», включающем в себя элементы плановости, и раскритикованный за это в пух и прах «самим», мог избежать ареста и умер своей смертью в 1964 году.

Когорта крупных научных исследователей – соратников Евгения Самуиловича Варги влилась в ИМЭМО в 1956 году. Заслуга его первого директора, Анушава-

на Агафоновича Арзуманяна, заключалась не только в том, что он широко открыл двери для этой плеяды прекрасных ученых и привлек для работы в институт целый ряд талантливых молодых специалистов, в том числе с «подпорченными» для того времени биографиями, но и создал атмосферу творческого поиска. В 50-х и 60-х годах ему в немалой степени помогало то, что он и А.И. Микоян были женаты на родных сестрах, и в этих условиях партийным реакционерам было трудно помешать развернуться институту как учреждению новаторскому, творческому.

Арзуманян ненавидел Сталина. Помню, во время моего первого пребывания в институте в 1962 году я был определен в группу по национально-освободительному движению, возглавляемую прекрасным ученым и человеком, к сожалению так рано ушедшим из этой жизни, В.Л. Тягуненко. Мы писали тезисы для ЦК, которые потом были опубликованы как интервью Хрущева. Арзуманян «завернул» первый вариант со словами: «Вы замаскированно используете сталинскую методику в определении разницы между буржуазной и национально-освободительной революциями. Это неприемлемо».

Разглядел все-таки...

По-настоящему ИМЭМО расцвел в те годы, когда его директором стал академик Николай Николаевич

Иноземцев. У меня к нему особые чувства. Нас связывали, помимо служебных, дружеские и, что особенно важно, доверительные отношения. Это был, несомненно, выдающийся человек – образованный, глубокий, интеллигентный, смелый, – прошел всю войну офицером-артиллеристом, получив целый ряд боевых наград, и в то же время легкоранимый, главным образом тогда, когда приходилось решительно отбивать атаки своих личных противников, а таких было немало – злобных, завистливых.

Трудно было рассчитывать на то, что «старая гвардия» потеснится и уступит место тем, кто шел изнутри к обновлению системы. Противники ИМЭМО начали атаку на Иноземцева. Это было уже в то время, когда я стал директором Института востоковедения, но, что совершенно естественно, переживал за своих товарищей. Провокаторы пытались воспользоваться тем, что два молодых сотрудника ИМЭМО были арестованы по обвинению в связи с западной разведкой (позже обвинение не подтвердилось и они были с извинениями освобождены), затем последовали доносы на самого Иноземцева. В этой кампании активно участвовал член политбюро и секретарь Московского комитета партии Гришин, а также отдел науки ЦК. Подробности мне рассказал Ник Ник, которого я навел в больнице на Мичуринском проспекте – у него резко

ухудшилось здоровье. В.Н. Шенаев, в то время секретарь парткома ИМЭМО, несмотря на прямые угрозы высоких партийных боссов, занял жесткую, непримиримую позицию в защиту института и его директора. Особенно злило тех, кто занес руку над ИМЭМО, что в нем не оказалось предателей. Изнутри взорвать институт не удалось.

Все близкие советовали Ник Нику пойти к Брежневу – он наотрез отказывался. Тогда вместо него это сделали Арбатов и Бовин. Брежнев при них позвонил Гришину, и тот, будучи председателем специально созданной «по делу ИМЭМО» комиссии, не на шутку перепугавшись, на вопрос генсека, что там делается с Иноземцевым и его институтом, ответил: «Ничего об этом не знаю, Леонид Ильич, разберусь незамедлительно». Это означало конец открытой атаки. Противники нового затаились...

Нельзя не сказать и о том, что в самые застойные годы настоящим «островом свободомыслия» была Академия наук СССР. Парадокс заключался в том, что преобладающая часть ученых-естественников – а они задавали тон в академии – была так или иначе, прямо или косвенно связана с «оборонкой». Казалось бы, эта среда меньше всего подходила для политического протеста, больше всего должна была бы подчиняться диктуемой сверху дисциплине. А получилось

совсем не так. Я был избран членом-корреспондентом АН СССР в 1974 году, а в 1979-м – академиком. Естественно, посещал все общие собрания, и на моих глазах часто разворачивались события, отнюдь не характерные для тех времен. Помню, как все руководство чуть ли не «на ушах стояло», чтобы провести в академики заведующего отделом науки ЦК Трапезникова – одного из близких Брежневу людей. На отделении истории его избрали, а на общем собрании – прокатили. Не помогли ни заранее проведенная работа, ни выступления, в том числе и некоторых уважаемых академиков, с призывом избрать Трапезникова. Говорилось не только о его «научных достижениях», во что мало кто верил, – подкупающе звучали слова о том, как много пользы академия получает от его поддержки, что, очевидно, было правдой. Но при тайном голосовании все-таки провалили.

Срабатывал синдром негативного отношения, может быть даже не всегда справедливого, ученых к партийным и советским функционерам, претендующим на членство в академии. Еще в члены-корреспонденты могли кое-кого пропустить, но в академики – как правило, нет. Вспоминаю общее собрание, на котором голосовалась в действительные члены АН СССР кандидатура члена-корреспондента министра высшего образования Елютина. Представлявший его

академик – секретарь отделения – охарактеризовал Елютина как крупного ученого. Председательствующий, президент академии, спросил, есть ли замечания. Из зала потянулась рука и был задан вопрос: «Что сделал Елютин за тот период, который его отделяет от «членкорства», то есть за четыре года?» В ответ был приведен целый перечень работ, написанных претендентом и самостоятельно, и в соавторстве, и научным коллективом под его руководством. После этого академик, задавший вопрос, вышел на трибуну и сказал: «Если Елютин так много успел сделать по научной части, то, следовательно, он плохо работал министром – у него попросту на это не могло хватить времени. Или наоборот». В результате при тайном голосовании Елютина прокатили.

Были и другие причины отказа в избрании. Помню, как при обсуждении кандидатуры одного почтенного и достаточно известного юриста взял слово академик Глушко – дважды Герой Социалистического Труда, один из крупнейших конструкторов-ракетчиков, – и зачитал несколько выдержек из работ этого юриста – и старых, и не очень старых, – где тот высказывался в пользу так называемой презумпции виновности, то есть достаточности самопризнания для обвинения. Академик Глушко не только провел параллель этой позиции с трудами А.Я. Вышинского, но и

спросил, где работал соискатель в 1937 году. Последовавший ответ – «в генеральной прокуратуре» – был достаточным. Итоги голосования не смогли изменить объяснения коллег-юристов, что кандидат был тогда на низших ролях и никаких связей с генеральным прокурором Вышинским, прославившимся во время процессов 1937–1938 годов, у него не было. Проявилась неприязнь, а подчас и прямая ненависть к тем, кто так или иначе ассоциировался с массовыми репрессиями. Картина была бы неполной, если не упомянуть, что репрессии не обошли и многих ученых, конструкторов, увешанных теперь орденами, тех, кто сидел в зале и голосовал.

Характерна и эпопея с А.Д. Сахаровым. Несмотря на то что некоторые коллеги подписались под письмом в «Правду», его осуждающим⁶, при всем давле-

⁶ Президент академии М.В. Келдыш сказал нам, нескольким представителям общественных дисциплин, которых он пригласил для составления ответа американским ученым, выразившим протест против гонений на Сахарова: «Под письмом в «Правду» подписались не все, кому это было предложено. И вы, пожалуйста, не переусердствуйте. Сахаров – крупнейший ученый и сделал очень много для страны. Его высказывания и занятая им позиция – во многом не его личная вина». Академик Келдыш, а он мог себе это позволить, возмущенно говорил о том, что высшие руководители партии и государства с Сахаровым вообще не встречались, а должны были это делать с «такой величиной» регулярно и объяснять нашу линию, нашу политику, реальное положение дел и в стране и на международной арене.

нии сверху ни разу даже не пытались поставить вопрос об исключении А.Д. Сахарова из состава академии. Не было никаких сомнений, что тайное голосование по этому вопросу с треском бы провалилось.

Когда уже при Горбачеве Сахаров вернулся в Москву из своего вынужденного пребывания в Нижнем Новгороде (тогда г. Горький), все в академии, включая, я уверен, и «подписантов», вздохнули с глубоким облегчением.

Против «кривых зеркал»

Стараниями многих теоретиков партии марксизм, научный характер которого бесспорен, был превращен в своеобразную религию, заявлен как единственно правильное научное направление – все другие относились к «ереси». Утверждалось, что он универсален, сохраняя без всякой адаптации к меняющейся действительности правоту всех своих выводов, – попытки оспорить провозглашались отступничеством. Наконец, «классики» марксизма обожествлялись, превращались, по сути, в иконы. Не мешало бы добавить, что это органично сочеталось с гонениями на истинные религиозные воззрения людей.

Характерно, что все это оставалось неизменным даже после публикации материалов о миллионах

невинных жертв сталинских репрессий. Не могу сказать, что радикальный пересмотр отношения к Сталину произошел одномоментно и безболезненно. Нельзя недооценивать просталинских настроений, имевших широчайшее распространение в обществе, особенно после войны. Лишь единицы (естественно, из сохранившихся после репрессий) думали иначе. Одной из таких была моя мать – Анна Яковлевна, вокруг которой «попадали» все близкие и друзья в 1937 году, «уединившаяся» на тбилисском прядильно-трикотажном комбинате и проработавшая там врачом беспрерывно последние тридцать пять лет своей жизни.

Помню, как, будучи еще студентом, в самом начале 50-х годов я приехал на каникулы в Тбилиси и разговаривал с матерью на «сталинскую тему». Был взбешен ее словами о том, что Сталин – негодяй, примитивный душегуб. «Да как ты смеешь, ты хоть что-нибудь читала из трудов этого «примитивного человека»!» – полез я. Меня сразил ее спокойный ответ: «И читать не буду, а ты пойдешь и донеси – он это любит». Я покрылся потом и не возвращался больше к этой теме в беседах с матерью никогда.

Но после XX съезда отношение к Сталину менялось. И тем более удивительно, когда часть КПРФ, претендующая на одно из лидирующих положений в обществе, не переосмысливала догматические ком-

мунистические постулаты, а если и делала это, то как бы мимоходом. Однако любому объективно настроенному наблюдателю было понятно, что будущее у этой партии может быть в случае признания ею ценностей социал-демократии.

Сегодня, с расстояния пройденных лет, когда думаешь о том, какие идеи приходилось нам доказывать, пробивать через сопротивление, мягко говоря, консервативных элементов, иногда становится просто смешно. А тогда было совсем не до смеха – и еще задолго до массивной атаки на ИМЭМО, о чем писал выше.

Ну хотя бы такой курьезный случай из практики 70-х годов. ИМЭМО всерьез занимался долгосрочными прогнозами развития мировой экономики. Различные сценарии публиковались в нашем журнале. Один из его читателей – отставной генерал НКВД – пожаловался в ЦК на то, что во всех этих сценариях, содержащих прогнозные оценки до 2000 года, фигурирует «еще не отправленный на историческую свалку» капиталистический мир. Нас обвинили в ревизионизме, и пришлось по этому поводу писать объяснительную записку в отдел науки ЦК.

А сколько сил ушло, например, на то, чтобы доказать очевидное для нас, но не во всем совпадавшее с работами классиков марксизма-ленинизмаложе-

ние о существовании универсальных законов в отношении производительных сил вне зависимости от характера производственных отношений. Иными словами, что существует ряд одинаковых закономерностей независимо от того, где развивается производство – в социалистическом или капиталистическом обществе. А ведь противники этого очевидного положения практически захлопывали дверь для использования у нас опыта западных стран.

Нас обурежала гигантомания. Мы строили огромные заводы – чуть ли не единственных производителей той или иной продукции в стране, считая, что выигрываем на производительности труда, и ставили себе в заслугу отсутствие конкуренции, в то время как на Западе давно уже поняли преимущества мелкого и среднего производства, рассредоточенного по всей стране. Или многоотраслевая структура управления – около 95 процентов корпораций в США многоотраслевые, а это высшая форма организации производства, над которой уже не стоят ни министерства, ни ведомства. Такая же картина в Японии, Западной Европе. Или создание всех условий, вплоть до организации безлюдных третьих смен, для того, чтобы быстрее амортизировать передовое и дорогостоящее оборудование. Или создание «венчурных» предприятий, призванных решить определенную задачу на острие

научно-технического прогресса. Или оптимальная организация сбыта и утилизации сельскохозяйственной продукции. Этот список, конечно, можно было бы продолжать и продолжать.

Эти и многие другие проблемы становились содержанием записок, направляемых руководству страны. Щедро снабжал ими ИМЭМО и рабочие группы при Брежневле, а во времена Горбачева прорывался с такими записками на самый верх.

Но часто это происходило поистине в карикатурных формах. Уже в годы перестройки Николай Иванович Рыжков, тогдашний председатель Совета министров, понимая важность производственно-организационного преобразования подшипниковой промышленности для развития отечественного машиностроения, собрал у себя широкое совещание производителей и ученых. Мы в ИМЭМО серьезно подготовились к этой встрече, изучив опыт Швеции, ФРГ, провели несколько обсуждений, вовлекли в работу способных экономистов, в частности А.А. Дынкина и Р.Р. Симоняна. Были на совещании с ними в Кремле во всеоружии, предложив схему создания четырех научно-производственных объединений и подробно показав их структуру. На вопрос, как распределится между ними качественное производство подшипников, ответили, к удивлению многих присутствовавших, что

все четыре объединения будут выпускать однотипную продукцию – так мы обеспечим конкуренцию. Тогда взял слово министр автомобильного транспорта и, обращаясь к председателю Совмина, сказал: «Я обещаю прорыв в подшипниковой области другим путем – мне нужен еще один заместитель министра, вот его «объективка».

Будучи умным человеком, Николай Иванович прервал заседание, сказав министру: «Вы явно не готовы к обсуждению». Но и в Кремль по этому вопросу нас больше не вызывали...

Помню, как, еще во времена Брежнева, Иноземцев пригласил меня к себе домой поужинать. Он был явно взволнован. Сказал, что впервые предложили ему, тогда кандидату в члены ЦК КПСС, выступить на пленуме Центрального комитета. «Не будьте «белой вороной», напишите текст», – посоветовал я Ник Нику. «Не могу, буду выступать без бумажки».

Я оказался прав – уже одно это вызвало неудовольствие многих присутствовавших в зале. Еще больше покорило содержание выступления. Иноземцев возразил против монополии на внешнюю торговлю даже не государства, а, как он справедливо сказал, Министерства внешней торговли СССР. Кроме этого, Иноземцев говорил о необходимости целенаправленной работы для обеспечения наилучших резуль-

татов на прорывных направлениях научно-технического прогресса. И все бы ничего, но академик Иноземцев привел в пример капиталистическую Японию, которая концентрировала средства через министерство промышленности и торговли, чтобы помочь частному бизнесу вырваться вперед в производстве компьютеров. После успешного освоения этих средств и выхода на показатели нового поколения компьютерной техники компании снова «разбежались» по своим «квартирам» и продолжили конкуренцию за рынки.

Николай Николаевич был очень удручен, когда ему передали реплику одного из руководителей, сказавшего в своем «кругу»: «Вы разве не видите, он нас пытается поучать!» А бессменный помощник нескольких генеральных секретарей, безусловно очень остроумный, едкий человек, А.М. Александров-Агентов сказал Иноземцеву: «Николай Николаевич, после вашего выступления стало ясно, что мы стоим перед дилеммой: либо нужно выводить из ЦК интеллигентов, либо делать ЦК интеллигентным».

Кстати, когда я в единственном числе уже на XIX партконференции выступил против антиалкогольной кампании, которая осуществлялась чисто административными мерами и привела прямо-таки к плачевным результатам в экономике и нанесла вред здоровью людей (начала развиваться, пожалуй, впервые в

таких масштабах в России наркомания, токсикомания, исчез сахар – гнали самогон, вырубали виноградники и так далее и тому подобное), тот же А.М. Александров, который в то время еще оставался помощником теперь уже у М.С. Горбачева, отвел меня в сторону и спросил:

– Любите Гашека?

– Конечно, его герой Швейк – один из самых моих любимых.

– Так вот, – продолжал Александров, – помните, как в кабаках висели портреты Фердинанда, обсиженные мухами? Теперь и ваши портреты в таком же виде будут висеть во всех советских пивных.

После моего выступления многие подходили и пожимали руку. Конечно, оно было далеко не главным в прекращении этой бессмысленной, волюнтаристской и совершенно неподготовленной антиалкогольной кампании, но вскоре ее свернули, а повсеместно созданные антиалкогольные комитеты канули в Лету.

Много шишек набил себе ИМЭМО, доказывая изменившийся характер капитализма. Очень нелегко было вопреки совершенно очевидным вещам, в эпоху научно-технической революции, быстро меняющей облик всего мира, преодолеть сопротивление тех, кто все еще считал, что производственные отношения при капитализме выступают как тормоз развития произво-

дительных сил. В штыки встречались догматиками – а они верховодили во всяком случае в соответствующих секторах отделов науки и пропаганды ЦК КПСС – такие бесспорные теоретические положения, выдвигаемые сотрудниками ИМЭМО и некоторых других институтов, как способность производственных отношений меняться в рамках капитализма, приспособляясь к требованиям научно-технической революции. Писали, в том числе и я, что этот процесс затрагивает такую политэкономическую «святая святых», как собственность, причем меняются не только ее формы, но и содержание.

Мы показывали, насколько серьезных успехов добился современный капитализм в контроле инфляции, а подчас и в использовании ее для роста производства, вообще в регулировании на макро– и микроуровнях.

Известно, что Ленин, говоря об историческом месте капитализма, выстраивал следующую цепочку: свободная конкуренция способствует концентрации производства – концентрация в свою очередь приводит к монополии – монополия ограничивает и стесняет свободную конкуренцию. Конечно, и Ленин не считал, что монополии охватывают все, но главное все-таки заключалось в его выводе о том, что монополия является антиподом конкуренции, которая, как известно, вы-

полняет функцию силы, движущей технический прогресс. А как сложилась жизнь, особенно во второй половине XX века?

Во время моего директорства в ИМЭМО мы создали кафедру на экономическом факультете Московского государственного университета, которую на общественных началах я возглавил. На 1 сентября 1996 года в 9 часов утра была назначена моя лекция для студентов третьего курса. Я тщательно к ней готовился, но, несмотря на последовавшие положительные отзывы, не заблуждался – был далек от успеха. В аудитории сидели студенты, не видевшие друг друга несколько месяцев летних каникул, и им было куда интереснее поделиться друг с другом своими впечатлениями. В общем, такого состояния, когда «слышно, как муха пролетит», в аудитории не было. Но все-таки вопросы задавали, и в том числе недоуменные по той части моей лекции, где я сказал: «Требуется корректировки понятие монополии, которое так часто трактуется в научной и учебной литературе со ссылкой на Ленина. Во-первых, хотел бы обратить внимание на неустойчивость монополий в капиталистическом мире в современных условиях – возросшая зависимость от рынка поставила даже многие крупные компании на грань банкротства. При высоком научно-техническом уровне современного производ-

ства те, кто получает первыми новую технологию, могут ликвидировать монополию, выйдя на рынок с аналогичной продукцией. В таких условиях, приспособляясь к обстановке, преобладающее большинство монополий превращаются в многоотраслевые корпорации. Во-вторых, в капиталистическом мире происходит рост немонополизированного сектора. В 80-х годах на долю этого сектора в капиталистических странах приходилось более 40 процентов валового внутреннего продукта и 60 процентов численности занятых – и не только в наукоемких, но и в «традиционных» отраслях. В-третьих, конкуренция бурно развивается не только на национальном, но и на транснациональном уровне. Таким образом, можно сделать вывод, что концентрация и централизация капитала в новых условиях не вытесняет конкуренцию и не тормозит научно-технического прогресса».

Можно считать, что впервые в ИМЭМО вовсю заговорили об интеграционных процессах, о качественном сдвиге, связанном с созданием транснациональных компаний (ТНК).

Это кажется ныне забавным, но ИМЭМО не без причины считал тогда одним из своих несомненных достижений «идеологический прорыв», который заключался в том, что впервые было заявлено о необратимости и объективном характере экономической инте-

грации в Западной Европе.

А к каким только выкрутасам не прибегали, чтобы подтвердить «годную для всех времен» правоту Ленина, который «поверг ниц» Каутского, доказывая неизбежность абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме!.. Это была далеко не шуточная проблема. Ведь из этого постулата выводилась универсальная неизбежность революции, свергавшей капиталистический строй. Особенно трудно стало догматикам доказывать незыблемость представления об абсолютном обнищании рабочего класса, когда перестал существовать железный занавес и те, кто выезжал за границу – а их становилось немало, – убеждались, насколько улучшалась жизнь, поднимался ее материальный уровень за рубежом.

Для того чтобы отстоять вывод о том, что абсолютное обнищание рабочего имманентно капитализму во все времена, прибегали даже к такому «объяснению»: потребности трудящихся с развитием научно-технического прогресса растут быстрее, чем реальная возможность удовлетворять эти потребности. При этом игнорировался относительный, а не абсолютный характер обнищания даже в такой, тоже не соответствующей действительности, ситуации.

В ИМЭМО открыто дискутировались такие проблемы.

Новому осмыслению начало подвергаться и такое, казалось бы, «железобетонное» положение марксизма-ленинизма, как неизбежность циклических кризисов при капитализме, разрушающих производительные силы и отбрасывающих все общество назад. Этому противопоставлялось в виде несомненного преимущества бескризисное развитие при социализме. Вместе с тем становилось все очевиднее, что, во-первых, циклические кризисы в капиталистических странах теряли свою первоначальную остроту, видоизменялся сам цикл и, во-вторых, именно на время спада производства приходилась наиболее активная фаза его структурной перестройки в пользу наукоемких направлений и его модернизации, что позволяло делать очередную рывок.

Переосмысливалось отношение и к структурным кризисам капитализма. Я выступил с докладом на ученом совете ИМЭМО по энергетическому кризису, разразившемуся в середине 70-х годов. Стремился не только показать неизбежность его развития, но и способность капиталистических стран справиться с кризисом, возникшим после того, как энергетическая составляющая стоимости продукции и услуг взлетела чуть ли не до небес.

На Западе действительно успешно отреагировали на кризис, начиная с экономии энергии, но не в ба-

нальном понимании этого, а целенаправленно изготавливая изделия, орудия и средства производства, потребляющие значительно меньше энергии, а также развивая новые «нетрадиционные» источники энергии.

Вместо того чтобы действовать так, как на Западе, адаптируя к новым условиям все свое хозяйственное развитие, мы сделали ставку на то, чтобы получить в этих условиях максимальную выгоду от увеличения экспорта нефти и других энергоносителей, а на вырученные средства закупали, увы, далеко не высокотехнологичное оборудование. К чему это в конце концов привело – хорошо известно.

Но самым главным препятствием, мешавшим реальному представлению об окружающей нас действительности, было, пожалуй, отрицание конвергенции, то есть взаимовлияния двух систем – социалистической и капиталистической. Защита понятия конвергенции считалась полным отступничеством от марксизма-ленинизма. Впервые Ленин, а затем, в гораздо более отчетливой форме, Сталин утверждали, что, в отличие от всех других исторических формаций, социализм, как таковой, не возникает в недрах предшествовавшего ему капитализма. Материально – заводы, рудники, города, сельскохозяйственные угодья – да, это достается по наследству. Но ни одного эле-

мента, составляющего отношения к производительным силам. Отсюда и «весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем (лишь после полного разрушения. – *Е. П.*) мы наш, мы новый мир построим».

Отрицание конвергенции не укладывалось даже в систему самих марксистско-ленинских идеологических представлений, но это мало кого волновало. Утверждали же, что социализм оказывает влияние на все мировое развитие. Если так, то как можно абстрагироваться от того, что он влияет на капитализм, видоизменяя его хотя бы в определенных пределах? Но от признания этого – один шаг до признания и обратного воздействия. Открытых шагов ни в одном, ни в другом направлении сделано не было.

Но косвенное согласие с тезисом о взаимовлиянии двух систем содержалось во многих экономических работах академических институтов и в меньшей степени – в работах высших учебных заведений. Главный вывод, который отстаивали мы, состоял в тезисе о совместимости социализма с рынком, рыночными отношениями. По этому вопросу ученые ИМЭМО, ЦЭМИ, Института экономики и некоторых других «наглухо» разошлись со многими обществоведами, преподавателями политэкономии⁷. Сама жизнь подтал-

⁷ Конечно, я не хотел бы, чтобы у читателя сложилось впечатление об ИМЭМО и отпочковавшихся от него институтах как о единственных на-

кивала к этому выводу. Здесь сказывалось большое влияние практики, которая демонстрировала ряд преимуществ рыночных отношений.

Что касается влияния социализма на капитализм, то без понимания этого трудно объяснить те изменения, которые произошли в капиталистическом мире, особенно после Великой депрессии 1929–1930 годов.

В этом вопросе я разделяю взгляды Г.Х. Попова, изложенные в его интересной книге «Будет ли у России второе тысячелетие». Я так же, как и он, считаю, что в применении к сегодняшнему дню нет никаких оснований оперировать такими категориями, как социализм и капитализм. В чистом виде их попросту нет.

В работах ИМЭМО исподволь проглядывала эта идея. Были и «живые» примеры, ее подтверждающие. В середине 70-х годов я познакомился с Василием Васильевичем Леонтьевым – одним из крупнейших американских экономистов, получившим всемирное признание за разработку и внедрение в экономическую практику США линейного программирования. Леонтьев в 20-х годах работал в Госплане, в Москве, был направлен в торгпредство в Берлин, стал «невозвращенцем».

учных центрах, противодействовавших догматическим и консервативным силам, пытавшимся сохранить и укрепить свои позиции в партии и государстве. Но факт остается фактом: многие прогрессивно мыслящие ученые, работавшие в других НИИ или высших учебных заведениях, тяготели к ИМЭМО.

щенцем», а затем переселился в Соединенные Штаты, где смело и умно применил некоторые госплановские навыки и идеи.

В 70-х он был гостем ИМЭМО, и Иноземцев пригласил его поужинать к себе домой. Это, правда, не имело никакого отношения к теории конвергенции, но просто интересный эпизод. Незадолго до этого Ник Ник въехал в шикарную квартиру – построили дом для членов политбюро, но те в последний момент не захотели жить все вместе. Этот «нестандартный» дом отдали Академии наук, которая распределила квартиры среди ученых. Василий Васильевич обошел многочисленные «закоулки» – зимний сад, библиотеку, гардеробную, сервировочную комнату, холлы – и, прищурив глаз, спросил: «Николай Николаевич, вот смотрю и думаю, а может, мне и не стоило уезжать?»

Международные отношения: что за кадром

Следовало отходить от догматических представлений и во внешнеполитической и военно-политической областях. Задача эта становилась весьма актуальной, но, приступая к ее решению, мы в ту пору и здесь прикрывались... Лениным. Вспоминаю, как я отыскал цитату, где ранний Ленин говорил, что в ряде случа-

ев интересы всего общества могут стоять выше классовых интересов трудящихся, и переслал ее для использования Иноземцеву в то время, когда он трудился на даче. Цитата нашла свое применение.

«Свежему» прочтению подверглась и Декларация о мире – самый первый внешнеполитический документ Советской России – и, самое главное, ленинские комментарии к ней на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. Подчеркивались слова Ленина о том, что призыв к справедливому демократическому миру был адресован не только народам, но и правительствам, так как, по словам Ленина, игнорирование правительств (империалистических со стороны созданного в России народного правительства) может привести к затягиванию заключения мира. «Важно также отметить, что предложение о справедливом демократическом мире, иными словами, о внедрении в международную практику абсолютно новых принципов, ни в коей мере не означало в понимании советского руководства отказа от всего, что было в системе международных отношений до рождения советской власти в России», – писал я в одной из работ, ссылаясь опять-таки на ленинские слова о необходимости «разумно принимать все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические».

Через такие трактовки протаптывался и обосновывался путь к необходимым внешнеполитическим компромиссам, способным разрядить международную обстановку в условиях холодной войны.

В этой связи прежде всего встала проблема мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем. Традиционно оно рассматривалось как «передышка» в отношениях между социализмом и капитализмом на международной арене. С появлением ракетно-ядерного вооружения, способного уничтожить не только две сверхдержавы, но и весь остальной мир, стали относить мирное сосуществование к категории более или менее постоянной. Но при этом не забывали добавлять, что это не означает прекращения противостояния и не притупляет идеологическую борьбу. Такое видение отношений с Западом, умноженное на стремление достаточно сильных и авторитетных кругов в США и некоторых других западных странах расправиться с Советским Союзом⁸, порождало перманентную нестабиль-

⁸ Характерны воспоминания, относящиеся к 1946 году, личного врача У. Черчилля лорда Морана, который процитировал своего пациента: «Нам не следует ждать, пока Россия будет готова, – сказал бывший британский премьер. – Я полагаю, пройдет восемь лет, прежде чем она получит эти бомбы. Америка знает, что 52 процента машинной продукции России находится в Москве и может быть уничтожено одной бомбой. Это, возможно, будет означать гибель трех миллионов человек, но

ность, неустойчивость на мировой арене. Создавался замкнутый круг, в котором раскручивалась гонка вооружений.

В конце концов установилось ценой огромных усилий и жертв с нашей стороны необходимое на тот период ядерное равновесие. Но гонка вооружений продолжалась, приближая все более вероятный сценарий уничтожения всего человечества. В это время в ИМЭМО и некоторых других научных центрах, от него отпочковавшихся, – особенно в Институте США и Канады, а затем в Институте Европы, возглавляемом академиком В.В. Журкиным, – началась разработка новых внешнеполитических подходов с целью переломить тенденции, ведущие к термоядерной войне, и одновременно оптимизировать соотношение, с одной стороны, между средствами, выделяемыми в СССР на надежную оборону, и с другой – на рост гражданского производства и развитие социальной сферы. Появился термин «разумная достаточность».

Дело в том, что мы не только вынужденно наращивали свои вооружения, но отвечали США «зеркально». Между тем игнорирование принципа «достаточности» для сдерживания с учетом возможности нанесения «неприемлемого ущерба» для другой сторо-

для них (американцев) это ничего не значит (он улыбнулся). Они скорее будут озабочены уничтожением исторических зданий вроде Кремля.

ны стоило нам очень дорого: ВВП СССР был намного меньше американского, а на производство единицы национального дохода мы, по расчетам ИМЭМО, в 70-х годах тратили основных фондов больше почти в два раза, материалов – более чем в полтора раза, энергии – более чем вдвое.

Одновременно в ИМЭМО и ряде других институтов Академии наук серьезно анализировали деятельность Организации Объединенных Наций, которая, по нашему мнению, должна была сыграть самую активную роль в установлении нового миропорядка. Не скажу, что уже в то время мы всерьез задумывались над тем, что в конце 90-х годов США будут искать замену ООН в виде «натоцентристской модели», стремясь таким образом сохранить свою превалирующую роль при отходе от двуполюсного конфронтационного мира. Но уже в те времена, еще до отхода от глобальной конфронтации, мы в ИМЭМО и других институтах международного профиля просматривали варианты преобразований в ООН, которые позволили бы адаптировать эту организацию к реальностям будущего.

Основной фигурой в этих исследованиях был мой друг профессор Григорий Иосифович Морозов. Один из умнейших людей, с которыми я встречался, он прожил сложную жизнь, на которую тяжелым отпечатком легла его женитьба на дочери Сталина Светлане.

Брак закончился трагически: Сталин развел этих любивших друг друга людей, отец Морозова был арестован, Григория Иосифовича лишили возможности видеться с сыном, он был вынужден подрабатывать на жизнь, пописывая статьи чужими именами.

Когда Светлана эмигрировала, а затем с дочкой, родившейся в США, вернулась в Москву, Григорий Иосифович сделал все, что мог, чтобы помочь им войти в нашу жизнь, обустроиться. Возможно, Светлана рассчитывала на восстановление прежних отношений, но они стали к тому времени слишком разными людьми. В последние десять лет к Морозову наконец-то семейное счастье повернулось лицом – у него очаровательная, добрая и любящая его жена Оля, которая, будучи врачом, продлевает ему жизнь.

В 70-х и первой половине 80-х годов, когда у нас были лишь эпизодические контакты с США и другими западными странами по правительственной линии – разве сравнить с сегодняшними периодическими встречами на высшем и высоком уровнях, постоянными телефонными разговорами лидеров, заседаниями министров, регулярными обсуждениями на межправительственных комиссиях? – особое значение приобрели дискуссии по самым злободневным внешнеполитическим вопросам, так сказать, на организованно-общественном уровне. Если по линии Советского

комитета защиты мира (я был заместителем, а затем первым заместителем его председателя) мы главным образом пытались разъяснять нашу политику, приобрести друзей и единомышленников за рубежом, апеллируя, как правило, к интеллигенции, деятелям науки, культуры, то появились и другие каналы.

Вначале они решали такие же задачи, что и Советский комитет защиты мира. Но постепенно возник другой акцент – зондирующая возможность договориться по животрепещущим проблемам. Сыграли в этом свою роль связи ИМЭМО со Стратегическим центром одного из крупнейших в США научно-исследовательских институтов – Стэнфордского (SRY). Не обошлось без казусов. Так, на нашей встрече в Вашингтоне (другие проходили и в Москве, и в Калифорнии) представители Пентагона чуть ли не заплодировали профессору (впоследствии он заслуженно был избран действительным членом АН СССР) Револьту Михайловичу Энтову, который «разложил по полочкам» и доказал порочность и абсолютную непригодность методики подсчета советского военного бюджета, предложенную специалистами из Эс-ар-ай. Оказалось, что за эту методику военное ведомство США заплатило институту кругленькую сумму, – как было не порадоваться военным, когда «ученые-шпаки», получив деньги и, наверное, не раз подчеркнув при этом

свою значимость, оказались нокаутированными.

Торжествовали свою «маленькую победу» и мы. Сколько сил было потрачено на то, чтобы Энтова выпустили в США, да еще и в первую его поездку за границу! Хорошо, что в КГБ были толковые руководители и во втором главке, например В.К. Бояров, к которому я обратился, и он в конце концов решил вопрос. Помогал нам в этом плане и заместитель начальника Управления КГБ по Москве В.И. Новицкий.

Сопоставление методик подсчетов военных бюджетов подводило к началу сокращения вооружений. Большую роль в этом сыграли два движения – Пагуошское и советско-американские Дартмутские встречи. Первое объединяло ученых различных стран, в основном естественников. Особое место в нем занимали физики, в том числе выдающиеся. Много сил отдали этому движению с нашей стороны академики А.В. Топчиев, М.Д. Миллионщиков, Н.Н. Семенов, М.А. Марков, В.И. Гольданский, В.С. Емельянов. В недрах Пагуошского движения формировались общие идеи о смертельной опасности для всего человечества использования ядерного оружия. Участники движения провели расчеты, осуществили моделирование, доказав, что в случае ядерной войны в мире наступит «ядерная зима» – резкое понижение температуры, при котором нет шансов выжить не только лю-

дям, но и всему живому.

Немало сделали участники движения для того, чтобы запретить ядерные испытания в атмосфере, приблизиться к мораторию на испытания ядерного оружия во всех сферах.

Что касается Дартмутских встреч, то они регулярно проводились для того, чтобы обговаривать и сближать подходы двух супердержав по вопросам сокращения вооружений, поисков выхода из различных международных конфликтов, создания условий для экономического сотрудничества. Особую роль в организации таких встреч играли два института – ИМ-ЭМО и ИСКАН с нашей стороны, у американцев – группа политологов, отставных руководящих деятелей из Госдепартамента, Пентагона, администрации, ЦРУ, действующих банкиров, бизнесменов. Долгое время американскую группу возглавлял Дэвид Рокфеллер, с которым у меня сложились теплые отношения. У нас – сначала Н.Н. Иноземцев, а затем Г.А. Арбатов. Активно участвовали в Дартмутских встречах В.В. Журкин, М.А. Мильштейн, Г.И. Морозов. Я вместе с моим партнером Г. Сондерсом – бывшим заместителем госсекретаря США были сопредседателями рабочей группы по конфликтным ситуациям. Нужно сказать, что мы значительно продвинулись в выработке мер нормализации обстановки на Ближнем Востоке.

Естественно, что все разработки обе стороны докладывали на самый «верх».

Встречи происходили и у нас, и в Штатах. Появлялась столь необходимая и непросто достигаемая по тем временам человеческая общность. Так, во время проведения встречи в Тбилиси в 1975 году родилась идея пригласить американцев и наших в грузинскую семью. Я предложил пойти на ужин к тете моей жены Лауры Васильевны – Надежде Васильевне Харадзе. Профессор консерватории, в прошлом примадонна Тбилисского оперного театра, она жила, как настоящие грузинские интеллигенты, довольно скромно, поэтому одолжила у соседней сервис, и в результате весь дом, конечно, знал, что в гости к ней придет сам Рокфеллер. Кстати, там были и чета Скотт, который, будучи сенатором, выступил с инициативой импичмента президенту Никсону, и бывший представитель США в ООН Чарльз Йост, и главный редактор журнала «Тайм» Дановен. Спросили разрешения у Шеварднадзе, который был первым секретарем ЦК компартии Грузии, – в те времена это был далеко не жест вежливости – и, получив его согласие, двинулись в гости.

Квартира Надежды Васильевны на четвертом этаже, лифта в доме не было, стены подъезда городские власти не успели к нашему приезду побелить и на-

шли «оригинальный» выход, вывернув электрические лампочки. Мы поднимались во тьме, но подсвет был на каждом этаже – совсем как в итальянских кинокартинах, нас ждала одинаковая сцена: открывались двери каждой квартиры и нас молча рассматривало все ее население – от мала до велика.

Вечер удался. Прекрасный грузинский стол, пели русские, грузинские и американские песни. Д. Рокфеллер отложил вылет своего самолета и ушел вместе со всеми в три часа утра, после того как помог хозяйке вымыть посуду. Позже он мне много раз говорил, что этот вечер запомнился ему надолго, хоть вначале недооценил искренность хозяев и, может быть, считал все очередной «потемкинской деревней». Он подошел к портрету Хемингуэя, висевшему на стене над школьным столиком моего племянника Сандрика, и, отодвинув портрет, убедился, что стена под ним выцвела – значит, не повесили к его приходу.

В Тбилиси Рокфеллер пользовался особой популярностью. Тэд Кеннеди, который одновременно с нашей группой был в столице Грузии, жаловался, что стоило ему появиться на улице, как вокруг кричали: «Привет Рокфеллеру!»

Дэвид Рокфеллер старался много сделать для развития отношений между нашими странами. Этот незаурядный и обаятельный человек пригласил нашу

группу, в том числе меня с женой, во время одной из поездок в США в свой родовой дом, непринужденная, теплая обстановка которого способствовала продвижению к договоренности по самым сложным международным вопросам. Кое-что в этом отношении удавалось, так была создана своеобразная «лаборатория» для анализа проблем, часть из которых в дальнейшем нашли решение на официальном уровне.

Большой смысл приобрели встречи (организатор с нашей стороны ИМЭМО) с японским Советом по вопросам безопасности («Ампокен»). В первой половине 70-х годов по предложению бессменного инициатора таких встреч Суэцугу мы с Журкиным были в Токио и договорились о периодичности, составе группы и содержании диалога. Активно помимо Суэцугу в нем участвовали с японской стороны профессора Иноки, Сазэки и многие другие, пользовавшиеся большим авторитетом в стране, но, может быть, еще важнее – влиятельнейшие фигуры (как и весь «Ампокен» в целом) в правящей Либерально-демократической партии.

Вначале такие ежегодные круглые столы напоминали скорее разговор глухих. Каждая сторона высказывалась о важности развития отношений между СССР и Японией, но в то же время наши японские коллеги не переставая твердили, что это невозможно

без решения вопроса о северных территориях, а мы с не меньшим упорством отвечали, что такой проблемы не существует.

Но постепенно «лед трогался». Сказывалось, несомненно, и уважительное отношение друг к другу. Я, например, никогда не забуду того, как Суэцугу, узнав, что я потерял – это было в 1981 году – сына, всю ночь каллиграфически выводил иероглифы древнеяпонского изречения и подарил мне эту запись, смысл которой заключался в необходимости смиренно переносить все невзгоды, думая о Вечном. Конечно, японская мудрость не могла даже приглушить страшную боль от неожиданной смерти 27-летнего сына, но я высоко оценил и ценю по сегодняшний день этот порыв души японского коллеги.

Мне представляется, что именно наши встречи заложили основу продвижению в отношениях между двумя странами. Ведь дело не ограничивалось академическими по своему характеру презентациями их участников. Суэцугу делал все, чтобы вывести меня и других на самых крупных политических руководителей Японии. Одним из них был бывший премьер-министр, влиятельный политик Накасонэ. Встреча с ним – она была первой, но далеко не последней – проходила в старинном японском ресторане, приспособленном для иностранных посетителей. Туфли, есте-

ственно, снимали все при входе, сидели за низеньким столом вроде как на полу в креслах без ножек. Однако под столом было сделано углубление, куда опустили ноги и чувствовали себя комфортно.

– Господин премьер (обычно во всех странах так продолжают обращаться к «бывшим»), – сказал я, – давайте будем реалистами. Настрой вашего общественного мнения не позволяет вам отказаться от цели обрести суверенитет над островами. Не можем и мы отказаться от своего суверенитета над ними – никто в нашей стране этого тоже не поймет. Что делать в таких условиях?

Мы стоим перед дилеммой: или заморозить связи между двумя странами на долгий-долгий период, что противоречит и нашим и вашим интересам, или, отойдя от крайностей – мы в своем непризнании существования территориальной проблемы (как же нет проблемы, если они претендуют на острова, а мы не принимаем их претензий), а японцы в требовании передачи островов в качестве обязательного условия развития двусторонних связей, – начнем шаг за шагом взаимодействовать, особенно в экономической области. Это постепенно укрепит доверие и создаст основу для решения самых трудных вопросов.

К немалому удивлению, Накасонэ с такой логикой сразу согласился. Позже он разделил и вынашивае-

ую нами идею совместной хозяйственной деятельности на островах.

Накасонэ выдающийся политик. Я думаю, что равных ему нет в современной Японии. Может быть, именно поэтому мы и продирались без него (несмотря на несомненные успехи в середине и в конце 90-х годов) сквозь «дебри» наших отношений.

В немалой степени это происходило еще и потому, что в Японии очень трудно рассчитывать на конфиденциальность переговоров, особенно с представителями МИДа. Все тут же попадает в прессу. И что особенно неприятно, японская пресса очень вольготно обращается с такой информацией, зачастую переиначивая ее и даже придавая ей совершенно противоположный смысл. В последнее время, возможно, этого стало меньше, но тогда, когда диалог шел по линии «Ампокен», Суэцугу и другие японские участники, бывало, негодовали и извинялись за такие «казусы».

Так было, например, когда, по просьбе Суэцугу, я, находясь в Токио, в конце декабря 1985 года встретился с директором департамента Европы и Океании МИДа Японии Нисиямой. Во время непринужденной беседы за ланчем спросил – меня это действительно интересовало, – почему японское правительство упоминает только о заявлении Танаки и Брежнева в 1973 году. Что стоит за этим? Этот вопрос был весь-

ма своеобразно интерпретирован в японских газетах. «Асахи», «Санкэй», «Иомиури» 27 и 28 декабря на первых полосах со ссылкой на японский МИД приписали мне призыв вернуться к совместной японо-советской декларации 1956 года. Тут же был сделан вывод, что СССР предлагает урегулировать «территориальный вопрос», передав Японии два острова – Хабомаи и Шикотан (как известно, в названном заявлении с большими оговорками такая возможность не исключалась, но в дальнейшем мы от этой позиции отошли). Этот вывод, как следовало из «комментариев МИДа», приводимых в газетах, был сделан для того, чтобы не согласиться на «частичное решение» и возобновить требование о «возвращении» всех четырех островов.

В нашем посольстве подтвердили мою мысль, что вся эта дезинформация была затеяна ради того, чтобы показать твердую позицию МИДа и воспрепятствовать расколу японского общественного мнения – там просчитывали варианты и не исключали того, что в Москве может появиться идея возврата к заявлению 1956 года, кстати единственному из всех советско-японских документов к тому времени ратифицированному парламентом Японии.

Просматривая свои записи контактов с японскими коллегами тех лет, я и сейчас убежден в том, что единственное решение – совместная хозяйственная дея-

тельность на островах, которая постепенно сгладит прямую постановку вопроса о суверенитете. Этому будет способствовать, конечно, давно перезревшее подписание договора между двумя странами.

Переводил наши беседы и переговоры с японцами по линии «Ампокен» прекрасный специалист, свободно владеющий русским, японским и корейским, Рю Хаку, или, как мы его называли, Юрий Михайлович. Я был дружен с ним. По его просьбе взял его с собой сначала из ИМЭМО в Институт востоковедения, а затем снова в ИМЭМО. Рю Хаку прошел удивительную жизнь. Был солдатом в японской армии. Попал к нам в плен. Остался в Советском Союзе. Женился на русской. Защитил диссертацию. Во время одной из первых поездок в Японию он обратился ко мне с ошеломляющей просьбой разрешить ему позвонить в Южную Корею и поговорить с матерью, которая уже тридцать лет не знала, что он живой. Представляю счастье матери, услышавшей голос сына, которого считала давно погибшим. Об этом телефонном разговоре, естественно, мы в Москве не распространялись – была середина 70-х.

Потеряв жену, Рю уехал в Сеул, где снова женился, и опять на русской, преподававшей «по обмену» язык в местном университете. Уже в 90-х он переводил мою беседу с южнокорейским президентом, став

гражданином Южной Кореи, но навсегда оставшись нашим другом.

Все большему сближению ИМЭМО с практической деятельностью способствовало то, что мы начали развивать абсолютно новое направление исследовательской работы с прямым выходом на политику – ситуационные анализы. Я возглавил разработку методики «мозговой атаки». Особую роль здесь сыграли В.И. Любченко и В.И. Гантман. Методика включала целый комплекс: подбор «совместимых» экспертов – ученых и практиков, выступающих от собственного имени; сценарий обсуждения, состоящий из ряда взаимосвязанных блоков; «домашние задания» экспертам; правила дискуссии; виды формализации; подготовка документа «на выход».

Обычно ситанализ проводился в течение всего дня; помимо выступавшего, по заранее определенному вопросу имели право в течение нескольких минут высказаться только те, кто были с ним не согласны. Три момента приобретали особое значение: подготовка сценария, что могло быть осуществлено только профессионалами, глубоко разбирающимися в теме обсуждения (при этом имело большое значение определение системы «переменных» и их иерархическое расположение), само «дирижирование» при проведении ситанализа и подготовка документа с выводами.

Мне довелось руководить большинством таких обсуждений. Назову лишь несколько результатов: мы спрогнозировали бомбардировки американской авиацией Камбоджи во время вьетнамской войны за четыре месяца до их начала; после смерти Насера – поворот Садата в сторону Запада и отход от тесных отношений с СССР; наконец, после победы «исламской революции» в Иране – неизбежность войны между этой страной и Ираком, она началась через десять месяцев после проведения ситуационного анализа. Этот список можно было продолжить. Не последнее место в нем заняли сбывшиеся прогнозы экономических результатов энергетического кризиса, начало которому положил последовавший за войной в 1973 году на Ближнем Востоке резкий подъем цен на нефть.

За разработку и осуществление ситуационных анализов группа ученых под моим руководством получила в 1980 году Государственную премию СССР. Проходили мы вместе с оборонщиками по закрытому списку. Когда каждому из нас торжественно вручали значки лауреатов и дипломы, мы удивились тому, что в зале было не меньше награжденных, чем тех, которые становились лауреатами по открытому списку. Вручавшие награды – секретарь ЦК, заместитель председателя Совмина и заведующий оборонным отделом ЦК – отреагировали без тени юмора на мой во-

прос, следует ли значок лауреата носить с обратной стороны лацкана пиджака. «Вы можете носить его открыто», – последовал ответ.

Отказ от догм в контактах с США

«Новое политическое мышление» в СССР связывают в основном с «эрой Горбачева». Действительно, в это время было сделано много. Разрабатывались эти новые подходы на государственной даче в Лидзаве (Абхазия) в 1987 году. Главным автором был Александр Николаевич Яковлев.

Что действительно нового было предложено к осмыслению? Прежде всего идея о взаимозависимости двух противоположных систем и сохраняющемся при этом единстве мира. Такое единство рассматривалось в двух плоскостях: с точки зрения научнотехнической революции, охватывающей в той или иной степени весь мир, и общечеловеческих ценностей и интересов, выражающихся в стремлении всех избежать термоядерной войны. Проблема выживания теперь справедливо оценивалась как проблема выживания всей человеческой цивилизации.

Вместе с тем единство мира интерпретировалось как часть общей формулы: единство и борьба противоположностей. Акцент впервые стал делаться на

первой части этой формулы, а второй давалось ограниченное толкование, исключающее ядерное столкновение. Это уже было большим достижением, но, как представляется, гораздо устойчивее, органичнее и более последовательно выглядел бы вывод о единстве мира, если бы он базировался на признании конвергенции. Но этого тогда не сделали.

Новые подходы к международным делам проявились прежде всего в решении задач безопасности СССР. При сохранении оборонного потенциала страны на первый план были выдвинуты политические средства обеспечения безопасности нашего государства. Именно в это время было осознано – и не просто осознано, а легло в основу политики, – что при накоплении такого количества и такого качества средств массового поражения в случае термоядерной войны не может быть победителя.

В период после 1985 года мы пришли к важнейшему выводу: военные меры сдерживания – равновесие страха – ненадежны, особенно в условиях «подъема паритета» с вовлечением в сдерживание новых сфер и средств: космоса, «экзотического оружия». Не исключено, что в таких условиях принятие важнейших военных решений становится прерогативой техники.

Именно этот вывод подтолкнул к идее сохранения паритета, но на возможно более низком уровне.

Известно, что с 1979 года не было советско-американских встреч в верхах, а М.С. Горбачев встречался с президентом Р. Рейганом пять раз. Мне довелось в составе группы экспертов находиться в Женеве, Рейкьявике, Вашингтоне, был в этой группе и в Москве. Видел, можно сказать, с близкого расстояния, как трудно начинался диалог и каких усилий с советской стороны стоило отвести мир от опаснейшей черты.

В Женеву президент Рейган приехал со словами: сначала добиться доверия через решение проблем защиты прав человека, урегулирование региональных конфликтов и лишь затем приступить к сокращению вооружений. В конце концов после острой полемики согласились с тем, чтобы идти по всем направлениям одновременно. Но это, по сути, были лишь наметки на будущее.

В Женеве по-настоящему не были оценены американцами некоторые «домашние заготовки» советской делегации. Горбачев дал понять, что целью СССР является непрерывность движения к сокращению вооружений. При этом мы отбрасывали ту формулу, которой пользовались в прошлом, – «или все, или ничего». В такой постановке не было учтено реально существующее на Западе убеждение, что без сохранения какого-то количества ядерных боеголовок у Советского Союза и Соединенных Штатов не обойтись

в обозримом будущем – с учетом и накопившегося недоверия между СССР и США, и отсутствия гарантии нераспространения ядерного оружия, и даже возможности овладения им террористическими группами. Бывший министр обороны США Макнамара называл число таких «гарантирующих» боеголовок – 400, то есть на порядок меньше имевшихся на вооружении каждой из двух стран. У нас некоторые эксперты спорили с такими доводами, но в любом случае надо было считаться с распространенными на Западе взглядами.

Вообще нужно сказать, что мы впервые начали измерять свои внешнеполитические инициативы с общественным мнением на Западе – не отдельной его части, близкой нам по идеологическим убеждениям, а с господствующими, доминирующими в нем представлениями, в том числе и нелицеприятными. Еще одна внешнеполитическая догма, от которой мы отказывались, заключалась в том, что общественное мнение на Западе, «где у власти находятся представители монополистического капитала», не играет сколько-нибудь важной роли в выработке решений. Однозначно уверовав в это, мы в прошлом как-то не задавались вопросом: а почему в таком случае руководящие круги на Западе тратят так много энергии и средств, чтобы создавать общественное мнение в поддержку сво-

ей политики?

Наш новый подход с учетом общественного мнения проявился – что особенно важно – в отношении проблем контроля. Раньше мы соглашались на контроль за процессом сокращения вооружений только с помощью национальных средств. Помню встречу Горбачева с экспертами в Женеве. Нас неожиданно пригласили в «защищенный кабинет»⁹, где, помимо Горбачева, присутствовали Шеварднадзе, первый заместитель министра иностранных дел Корниенко и другие. И должен сказать, для нас, людей, профессионально занимающихся международными проблемами, но в общем «детей своего времени», довольно неожиданно прозвучали слова: нет, очевидно, смысла упорно держаться за прежнюю позицию по контролю. Дело даже не только в том, что национальные средства, как считают на Западе, не при всех случаях надежны, а в том, что своим отказом от других средств мы подыгрываем тем, кто говорит, будто наше общество закрытое, результаты соглашений непроверяемы и поэтому, дескать, с нами не стоит договариваться.

Известно, насколько мы выиграли в общественном мнении, как только приняли новую философию контроля: если подписываем соответствующее соглаше-

⁹ «Защищенный кабинет» – специально оборудованное помещение против прослушивания.

ние, то готовы на самый что ни на есть жесткий контроль, в том числе международный или инспекцию на месте, включая открытие лабораторий.

Услышав эти слова Горбачева, присутствовавший в «защищенном кабинете» академик Е.П. Велихов тут же спросил, относится ли все это к нашим оппонентам. Здесь мы все были единодушны – никто не собирался открываться в одностороннем порядке. К сожалению, время показало, что обе стороны сохранили стремление уж во всяком случае не открывать своих лабораторий. Не знаю, как для американцев, но для наших разработчиков – в этом я твердо уверен, общаясь с ними, – такое «затворничество» во многом было и остается продиктованным настойчивым стремлением их зарубежных коллег в целом ряде случаев прибегать к двойному стандарту: «Мы хотим знать, к чему готовитесь вы, что у вас делается, но это отнюдь не означает нашу готовность пустить вас к себе на «кухню».

Крайне неожиданно для западных политиков мы не исключали обсуждение вопроса о правах человека, но тоже на «обоюдоострой» основе. Это дало нам возможность превратиться из «подсудимого» в этой области, в чем не без успеха многие уверяли мировое общественное мнение, в равноправного партнера, обсуждающего один из самых животрепещущих вопро-

сов современности. И не просто обсуждающего, но и серьезно озабоченного необходимостью найти соответствующие решения.

В общем, накапливался позитивный материал для перелома в лучшую сторону в советско-американских отношениях. Так мы подошли к октябрю 1986 года, когда состоялась встреча на высшем уровне в столице Исландии Рейкьявике. Могу засвидетельствовать, что это была уже совсем иная атмосфера: широкий диапазон обсуждаемых вопросов, интенсивные переговоры, во время которых не исключались компромиссы. Впервые Горбачев пошел на то, чтобы несколько «разбавить» мидовцев непосредственно в переговорных рабочих группах. Этому не сопротивлялся, во всяком случае в открытую, Шеварднадзе – наверное, потому, что сам еще полностью не контролировал свой аппарат, но в дальнейшем престиж МИДа для него играл подчас самодовлеющую роль.

Я с советской стороны возглавлял подгруппу по конфликтным ситуациям. Моим партнером с американской стороны была заместитель госсекретаря Розалин Риджуэй – женщина с сильным характером и прекрасно подготовленная в профессиональном плане. И было вдвойне важно, что мы пришли к взаимопониманию по целому ряду проблем, согласовали многие формулировки совместного документа. Прав-

да, на это понадобилось почти тридцать шесть часов непрерывной работы. Но все в конце концов зависело от того, договорятся ли в основной – разоруженческой группе. Не договорились, хотя были близки к этому. Поэтому не был подписан и наш документ.

Горбачев очень стремился к результативности встречи. Когда он вышел провожать Рейгана, то даже при открытой дверце лимузина президента США предложил ему вернуться и подписать соглашение о сокращении вооружений. Рейган не проявил готовности к этому.

Но тем не менее сближение сторон продолжалось, чему в немалой степени способствовало то, что мы впервые стали признавать свои ошибки. Одна из них, очевидно, заключалась в размещении в Европе наших ракет средней дальности (по американской маркировке, СС-20). США в ответ решили размещать в Западной Европе «Першинги-2» с подлетным временем до Москвы 6–8 минут. Если наши СС-20 не могли рассматриваться для США как стратегическое оружие, так как не достигали их территории, то «Першинги-2» именно таковым для СССР и стали. Специалисты-ученые, среди которых были люди моего поколения, например О.Н. Быков, и молодые – А.Г. Арбатов, С.А. Караганов и другие, писали об этом, резко критикуя тех, кто подсчитывал чисто арифметически и

выражал свое неудовлетворение, что мы уничтожаем боеголовок больше, нежели американцы по договору, подписанному в Вашингтоне в 1987 году, о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

В этом еще раз проявился наш устоявшийся менталитет. Значительная, если не большая часть специалистов, занимавшихся военно-политическими вопросами, главным образом изыскивала аргументы в поддержку принимаемых решений на высшем уровне в СССР – некоторые это делали более рьяно, другие менее. Конечно, далеко не все такие внешнеполитические решения были со знаком «минус» или ущербными по своей сути. Многие из них не могли не учитывать шаги, которые делались или предполагались с другой стороны. Но главное в том, что процесс предварительного осмысления перед принятием решения с привлечением специалистов со стороны, а не просто сотрудников аппарата, да и то лишь в лучшем случае тех, кто профессионально знал проблему, как правило, был довольно редким.

В этой связи особое значение имело решение в 1980 году о вводе советских войск в Афганистан. Вывод наших солдат из этой страны был поддержан преобладающим большинством населения СССР. Может быть, лишь небольшая горстка людей сетовала по поводу того, что мы «бросаем своих друзей на про-

извол судьбы». Этот мотив, как мне кажется, имел право на существование, но только в том плане, что следовало бы больше сделать для укрепления позиций группы, возглавляемой Наджибуллой, которая имела потенциал, чтобы в союзе с другими оставаться одной из влиятельных сил в стране. Может быть, это предотвратило бы трагическое развитие событий в Афганистане, погруженном в многолетнюю перманентную войну. Но тогда в Москве все сосредоточились на главном для нас – исправлении исторической ошибки, стоившей жизни и здоровья многим тысячам наших ребят.

Так уж ли все сразу прозрели, или решение о вводе «ограниченного военного контингента в Афганистан» с самого начала резко осуждалось внутрисистемными диссидентами? Ни то и ни другое. Нужно сказать, что журналисты, ученые (к их числу принадлежал и автор этих строк), поставленные перед фактом ввода войск, не выступали публично против этого, что не относится к небольшому числу закрытых обсуждений, об одном из которых пишу ниже. Руководствовались главным образом устоявшейся привычкой безоговорочно поддерживать все принятые наверху решения. Сказывался и привычный для того времени образ мышления, сформировавшийся в условиях жесткой конфронтации с Соединенными Штатами,

осложнением отношений с Китаем.

Это все было характерно для реакции на ввод войск. И я не знаю исключений, несмотря на ретроспективные «пассажи» некоторых авторов, утверждавших, что с самого начала боролись против направления наших ребят в Афганистан. Такую борьбу – это нужно признать – вели те, кто порвал с советской системой, а не те, кто ощущал себя ее частью. Но реакция на афганские события все-таки стала меняться даже среди «аппаратчиков», когда «временная мера пребывания ограниченного контингента» растягивалась на годы, да к тому же привела к негативным последствиям. Незабываем героический подвиг наших ребят, сражавшихся в Афганистане. Но это не должно уводить от трезвого анализа решения о вводе войск, и того, как они там застряли на долгое-долгое время, и деятельности наших многочисленных советников, подчас далеких от понимания реальной обстановки в этой стране.

Признавая все это, вместе с тем нельзя закрывать глаза на действия Соединенных Штатов и их союзников, направленные на изоляцию СССР, создание для нас труднейших ситуаций в различных регионах мира. Поэтому иногда даже американские оппоненты – я имею в виду, конечно, наиболее объективных и, если хотите, интеллигентных из них – удивляются, когда

некоторые наши участники многочисленных встреч за круглым столом, дискуссий на симпозиумах, семинарах так сосредоточенно посыпают голову пеплом, что забывают об оценке действий противоположной стороны. Позже, работая во внешней разведке, я знакомился с тем, что делалось по линии спецслужб США для «удержания» нас в Афганистане. Так мы знали и о поставках наисовременнейшего оружия, «стингеров», афганским моджахедам для нанесения максимального урона советским вооруженным силам в Афганистане. Такие уж были «правила поведения» во время холодной войны.

Кстати, скорее не по инерции, а в ведомственных или даже «общеглобальных» интересах американская поддержка отдельных групп в Афганистане продолжалась и после вывода наших войск. Когда Кабул захватили и установили контроль над большей частью территории Афганистана талибаны, или талибы (мы хорошо знали, что это движение создавалось пакистанскими военными и спецслужбами, да и американцы, особенно на первых порах, не остались безучастными), я говорил госсекретарю США Мадлен Олбрайт: если вы хотите мира и стабильности в Афганистане, то достичь этого можно лишь на коалиционной основе. Одна какая-то сила, этническая или политическая, а талибаны – только пуштуны, не сможет кон-

тролировать ситуацию во всей стране. Думаю, что Вашингтон убедился в этом, и не только в этом, – Афганистан превратился в место подготовки террористических групп, протягивающих свои щупальца в другие страны и даже на другие континенты.

Думаю, что не все пакистанцы были вдохновлены деятельностью «Талибана». Во всяком случае, в середине 90-х годов премьер-министр Бхутто в разговоре со мной сетовала на то, что трудно, если вообще возможно, «загнать назад джинна, вылезшего из бутылки».

Но вернемся к концу 80-х. Когда в Белый дом пришел новый президент, наши надежды на то, что Буш в гораздо меньшей степени, чем Рейган, «идеалист» и в гораздо большей «прагматик», в целом оправдались. Немалое значение имел и тот факт, что за спиной Буша уже был накопленный в результате обоюдных советско-американских усилий потенциал стабилизации международной обстановки. Прагматик Буш, как представляется, оказался больше, чем Рейган, восприимчивым к процессу деидеологизации межгосударственных отношений, несколько отошел от типичных для американских политиков представлений: если мы, дескать, выходим в своих внешнеполитических акциях за советско-американские рамки, сосредоточиваемся на улучшении отношений со странами

Западной Европы, с Китаем, то мы делаем это для того, чтобы расколоть НАТО или «разыграть» против США какую-нибудь очередную «карту».

Индийская и китайская «карты»?

Между тем накануне прихода к власти президента Буша состоялся визит М.С. Горбачева в Индию, а после – в Китай. Оба визита имели первостепенное значение.

К этому времени в практику поездок главы государства за рубеж стала внедряться новая форма подготовки визитов: за несколько дней до их начала в страну направлялась группа экспертов, состоявшая из ученых, практиков-международников. Участники группы встречались с коллегами, давали интервью, выступали перед серьезными аудиториями. Все это создавало отличную «пищу» для «свежего» восприятия обстановки и ложилось в основу тех рекомендаций, которые высказывались Горбачеву. Все начиналось с мимолетных реплик еще на аэродроме, где по прибытии он, здороваясь с нами, часто задавал вопросы, а затем все мы – а я принимал участие практически в каждой из таких экспертных групп – собирались в посольстве и в присутствии главы и членов делегации делились своими наблюдениями и соображениями.

Такая «подзарядка» до начала переговоров, очевидно, была бесполезной. Нужно сказать, что в практику Горбачева плотно вошел обмен мнениями с экспертами и в ходе переговоров, а некоторых из нас он включал в группу, сопровождавшую его при встречах с руководителями посещаемой страны.

Большое впечатление произвела на нас Индия. Естественно, поразили и древнейшие памятники культуры, зодчества, масштабы страны. Но, пожалуй, главное, что для некоторых членов советской делегации, ранее незнакомых с Индией, было полной неожиданностью, – это высокий уровень научно-технического прогресса. В условиях, благоприятствующих политическому сближению, развитию многосторонних экономических связей СССР с Индией, обоюдной заинтересованности в военно-техническом сотрудничестве, это создавало абсолютно новую перспективу взаимодействия двух стран. Об этом мы говорили в резиденции Горбачева в посольстве, но без наших дипломатов, работающих на месте.

На встречу мы ехали в машине, за рулем которой сидел советник нашего посольства. Разговорились. Он – я думаю, что это не было характерным для нашего посольства в целом – очень неуклюже высказался в адрес индийцев. Я резко прервал его: «Да как вы можете здесь работать, если так неуважительно говори-

те о людях этой страны?» Он что-то вяло промямлил в ответ. Когда пошел разговор в присутствии Горбачева и Шеварднадзе о перспективах наших взаимоотношений с Индией, я сказал, что для этого здесь в основном должны находиться другие люди. Меня поддержали, напирая на то, что представители СССР в Индии должны по-настоящему понимать стратегическую ценность наших отношений с этой страной. Я рассказываю об этом так подробно, потому что произошедший разговор чуть не повлиял на мою судьбу. Но об этом потом.

Визит в Китай был не менее важен. Горбачев с «сопровождающими лицами», как они назывались во всех официальных документах, прибыл туда в то время, когда КНР была на распутье. С одной стороны, под патронажем Дэн Сяопина начались экономические преобразования – основательные, переводящие из ресурсного потенциала в реальность огромные возможности этого великого народа. С другой – китайское руководство было максимально заинтересовано в сохранении политической надстройки, в том числе партии, способной обеспечить стабильность и активно руководить преобразованиями в экономике. Конечно, в какой-то степени это создавало своеобразное раздвоение: определенная и осязаемая демократизация в экономической сфере не подкреплялась сразу

столь же действенной демократизацией в политической области.

Я не берусь судить сегодня о том, была ли заложена «житейская правота» в таком дисбалансе, продиктованная, кроме прочего, учетом исторического опыта и традиционной специфики Китая. Но такая двойственность сложилась и по отношению к визиту Горбачева. Его принимали как лидера обновления социализма, вставшего на путь, ведущий к рыночным отношениям, к новым нормам, которые могут, как считали тогда мы, да и в Китае, наконец-то показать преимущества социалистического способа производства. В то же время китайское руководство опасалось, как бы этот визит не «раскачал» страну, не подпитал ту часть населения, главным образом интеллигенцию и особенно студентов, которых явно вдохновлял советский пример внедрения гласности.

Студенты обратились к Горбачеву с просьбой выступить перед ними на митинге. Мы – я был среди самых активных в этом отношении – категорически не советовали ему делать этого. И может быть, оказались правы.

При любых обстоятельствах, выступи Горбачев перед студентами, навряд ли оказалась бы столь дружественной и плодотворной встреча с Дэн Сяопином, на которой я присутствовал. Дэн всячески демонстри-

ровал свое уважение к СССР, подчеркивал громадное значение для Китая оказанной ему в прошлом советской помощи и поддержки. Он говорил о чрезвычайной важности не только для наших двух стран, но для всего мира в целом развития китайско-советского сотрудничества.

Дэн сидел в большом кресле рядом с восседавшим в таком же большом кресле Горбачевым. Обращался к нему по-дружески, как мне показалось, демонстрируя свое уважительное отношение. Горбачев тоже был максимально дружелюбен. Нашел формулу, которая, по его словам, показывает наши различия, но не разделяет СССР и КНР: «Мы начали перестраиваться с политики, а вы с экономики, но придем к одним результатам». Дэн в ответ молча кивал.

Даже по этой беседе, длившейся более часа, можно было представить, насколько светлым умом обладал этот уже очень пожилой человек и с каким огромным уважением относились к нему все присутствовавшие.

А «на дворе» бушевали страсти. Студенты демонстрировали на площади Тяньаньмэнь и блокировали «правительственный островок», где на многих гектарах располагались дома руководящего состава Китая и гостевые дачи. «Островок» этот был живописнейшим местом: лужайки, пруды с причудливыми мости-

ками, деревья и кусты, заботливо пересаженные чуть ли не из всех концов Китая, и прекрасные, построенные в старокитайском стиле, но вполне комфортабельные дома с вышколенной, улыбчивой и доброжелательной прислугой. Когда каждый из нас подъезжал к выделенному ему для проживания дому, обслуживающий персонал – молодые ребята и девушки (на мой вопрос ответили, что их набирают из провинции и они здесь проходят хорошую школу) выстраивались в шеренгу в красивой китайской одежде и в обязательных белых перчатках и все разом кланялись. Это же повторилось при нашем отъезде.

Как-то Михаил Сергеевич пригласил меня прогуляться с ним по территории резиденции. Говорили обо всем, и, конечно, о чрезвычайной важности отношений с КНР. Это выходит далеко за двусторонние рамки. Сила нашей внешней политики, заметил я, в максимальном охвате различных государств, и особенно в развитии отношений с азиатскими странами. При такой конфигурации нам будет легче иметь дело и с Западом. Горбачев соглашался и неожиданно сказал, что у него связаны со мной некоторые планы.

Визит прошел хорошо, хотя обстановка была нелегкой. Сотрудник посольства Миша Медведев, который впоследствии работал в моих секретариатах и в Министерстве иностранных дел и в правительстве, ре-

шил прокатить меня по городу. И как раз в это время разгорелись студенческие демонстрации. Возгласы: «Горби!» – и на русском языке: «Дружба!», «Товарищ!», машину со всех сторон обступила толпа. Мы проехали один километр в течение часа – так трудно было пробиться сквозь людскую массу, несомненно доброжелательную, более того, восторженно-дружескую. Узнавая нас, обращались к нам и по-русски. Было удивительно, как многие молодые, уже не те, которые учились или работали у нас, произносили русские слова, изливая свои чувства.

Результаты визитов в Индию и Китай сказались и в том, что мы переставали рассматривать советско-американские отношения изолированно.

Но означало ли это, что мы разыгрываем так называемые китайскую и индийскую «карты»? Я уже писал, что подобное мнение было широко распространено в США. Оно – просто примитивно, так как исходит из незыблемости «американоцентризма» (все прочее «вращается» вокруг США, и только). Такие суждения примитивны вдвойне, так как не учитывают заинтересованности СССР, а затем России в активном развитии отношений с этими быстро растущими азиатскими гигантами, население которых составляет половину всего человечества. Вместе с тем мы не могли и не можем не учитывать, что диверсификация

связей, безусловно, укрепляет нашу роль как великой мировой державы, в том числе и в отношениях с США.

Но главным образом советско-американское будущее зависело – и это стало совершенно ясно – от способности или неспособности нового президента Буша или американского истеблишмента в целом отказаться от разговора с нами с «позиции силы». Не открыто, предъявляя ультимативные требования – мы понимали, что опытный Буш, по-видимому, осознает непродуктивность этого, – а наращивая опережающими темпами вооружения.

Две наибольшие опасности в этом плане виделись в следующем: во-первых, даже при договоренностях о сокращении вооружений – в тенденции на «компенсацию» таких их видов, которые выбывают из арсенала (например, модернизация тактических ракет после подписания договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности), и, во-вторых, в упорном нежелании вводить даже в сферу переговоров некоторые из вооружений, создающих асимметрию в пользу США. Такой «священной коровой» для Соединенных Штатов является военно-морской флот. Американские политики утверждали, что это диктуется особым положением «сверхморской» державы, которым якобы обладают исключительно США. Даже не споря с этим аргументом, можно было бы по той же логике утвер-

ждать, что СССР, будучи «сверхсухопутной» державой, имеет право на сохранение асимметрии в области сухопутных сил. Как известно, мы на этот путь не встали.

Превратности судьбы

Вслед за поездкой в Нью-Дели меня пригласили выступить перед сотрудниками отдела заграничных ЦК. После выступления заведующий отделом С. Червоненко проявил ко мне особое внимание: он даже проводил меня до лифта, что было не принято в те времена. Его заместитель, с которым у меня сложились хорошие отношения, позвонил мне в институт и сказал: «Вы на меня не ссылайтесь, но уже в принципе решено – Горбачев это одобрил, – вы едете послом в Индию». Я встревожился не на шутку. Я знал, насколько важен пост посла в этой стране, но дело в том, что уже тогда резко ухудшилось здоровье моей жены, и я понимал, что индийский климат, очевидно, не пойдет ей на пользу. Позвонил А.Н. Яковлеву. Он находился в Завидове.

– Но ты ведь сам говорил, что нужны новые люди в Дели? Ну хорошо, – заключил Яковлев. – Ты позвони обязательно Шеварднадзе, и не откладывай.

Эдуард Амвросиевич в ответ на мои разъяснения

причин отказа от «столь заманчивого предложения», как-то сразу потеплев, сказал: «Я не знал, что Лаура Васильевна больна; не волнуйтесь, конечно, не будем настаивать». Так я не стал послом в Индии. А вскоре я был избран кандидатом в члены ЦК КПСС, затем членом ЦК. Так что индийский «трамплин» не понадобился. Но жену потерял – она скончалась в 1987 году, и кто знает, может быть, индийский климат и был бы не столь уж плохим для ее больного сердца?

Потерю жены я переживал очень тяжело. Она была частью моей жизни. Прожили вместе 36 лет. До сих пор ловлю себя на мысли о том, что она принесла в жертву мне, детям свой разносторонний, незаурядный талант. Широко эрудированная, прекрасно разбирающаяся в искусстве, сама блестящий пианист, а по образованию инженер-электрохимик, прямолинейная, никогда не кривящая душой, неспособная соглашаться с ложью или лицемерием, в том числе и в официальной политике, интернационалист по своим убеждениям, но в то же время искренне восхищавшаяся Россией и Грузией, очаровательная женщина – именно такой видели мою жену и я, и все те, кто был рядом со мной и с ней.

Публикация в «Новом мире» солженицынского «Одного дня Ивана Денисовича», а затем «Матренина двора» была огромным событием для всей нашей

семьи. Но жена восхищалась ими особенно, по-своему агрессивно, не терпя и не пропуская ни одного критического замечания, которые кое-кем инициировались в то время.

Когда умер Твардовский, то один из моих знакомых, работавших в КГБ, сказал мне, что похороны, несомненно, приобретут политический характер и будут зафиксированы все, кто примет в них участие. Об этом я не рассказал Лауре, зная заранее, что она обязательно пойдет на похороны. И не потому, что была знакома с Твардовским, – нет, но присутствие на проводах в последний путь этого выдающегося человека считала своим долгом. И уверен, что ее ничто не могло остановить. Чувства гражданственности и справедливости были у нее неистребимы, и, что очень важно, она руководствовалась этими чувствами сугубо «для себя», а не демонстрируя их другим, – смотрите, мол, какая я.

Лаура прекрасно писала. У нее был обостренно зоркий взгляд. Она могла достичь определенных высот в творчестве, но посчитала меня главной фигурой в семье. В этом, конечно, заключалось мое счастье, однако, как я понял «с высоты прожитых лет», счастье с эгоистическим оттенком.

Мы любили друг друга, но это не мешало нам нередко спорить до хрипоты. Я всегда знал и ценил

ее неспособность приспособливаться. Домой, например, не мог пригласить людей, которых она внутренне заслуженно не принимала. Я знал, что, поступив иначе, мог бы остаться в какой-то момент беседы с ними без «гостеприимной хозяйки», которой срочно вдруг нужно будет куда-то уйти. Вместе с тем хорошо знал и не раз убеждался в том, что она буквально «глотку перегрызет» тому, кто отзовется обо мне дурно. Здесь Лаура становилась бескомпромиссной, даже с близкими подругами.

Лаура была равнодушна к моей карьере. Когда переходил из Гостелерадио в «Правду», спросила: «Зачем, ты же любишь свою работу в иновещании?» Когда защищал докторскую и уже «созрел» для перехода в Академию наук, сказала: «Ты же прекрасно чувствуешь себя в журналистике, к чему перемены?» Единственный раз, уже находясь в больнице, поинтересовалась: «А почему не надеваешь значок депутата Верховного Совета, мне хочется, чтобы ты его носил...»

Через семь лет после смерти Лауры женился второй раз. Судьба оказалась ко мне после моих потерь благосклонной. Ирина Борисовна – прекрасная женщина, друг. Ее любят и уважают все мои близкие; кстати, дочь Нана активно поддержала этот брак. Ира многими чертами своего характера напоминает мне

Лауру, которую не знала, но с исключительной теплотой относится к ее светлой памяти.

После смерти Лауры с головой ушел в работу, которая в ИМЭМО меня удовлетворяла по всем статьям. И не только в ИМЭМО. Особое место занял только что созданный Советский национальный комитет азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, первым председателем которого я был избран.

Формально комитет был образован как национальная ячейка, призванная способствовать приему нашей страны в АТЭС – Азиатско-Тихоокеанский экономический совет, – один из важных механизмов, способствующих развитию стран этого обширнейшего (включая тихоокеанские прибрежные государства Латинской Америки) и, пожалуй, самого перспективного по экономической динамике региона мира. В АТЭС вошли США, Япония, Китай и другие страны.

Вместе с тем для нас активность по линии Советского комитета имела и другой, не менее важный смысл. Комитет должен был способствовать ускорению развития нашего Дальнего Востока и Восточной Сибири – не только за счет более органичного их вписывания в мирохозяйственные связи АТР (конечно, не во вред единству нашей страны, однако, с учетом гигантских расстояний, несомненно более выгодными были и остаются непосредственные экономические

отношения с расположенными вблизи от него азиатско-тихоокеанскими странами), но и внутренней перегруппировки финансово-экономических возможностей Советского Союза в их пользу.

Не было никакого сомнения ни тогда, ни сейчас, что будущее России во многом зависит от того, сумеем ли мы поднять эту громадную, богатейшую, но чрезвычайно малонаселенную часть нашей страны.

С группой экспертов Советского комитета совершил поездку по Приморскому, Хабаровскому краям, Амурской и Сахалинской областям. Встречался и разговаривал с сотнями людей – патриотами, умными, энергичными, готовыми к делам на благо развития своих территорий. Запомнил слова, сказанные одним из них – инженером по специальности: «США стали великими только после освоения своего тихоокеанского Запада. Это произошло не за такой уж большой период – после Второй мировой войны. Неужели это ничему никого не учит? А мы лишь принимаем постановления и их не выполняем».

Вернувшись в Москву, я прочел целый ряд материалов, статей, ознакомился со статистическими данными. Написал записку М.С. Горбачеву и отправил ее 12 августа 1988 года.

Так что занимался тогда делами интересными и перспективными. Но опять подступали перемены в

моей жизни.

Хорошо помню тот майский день. Сидел за столом в своем кабинете в ИМЭМО на 16-м этаже и правил записку, подготовленную сотрудниками о малом и среднем бизнесе в США. Вдруг зазвенела «вертушка», и в трубке раздался совершенно неожиданно для меня – он мне никогда не звонил до этого – голос Михаила Сергеевича Горбачева:

– Евгений Максимович, помнишь наш разговор в Пекине? Я тогда сказал, что есть планы в отношении тебя. Теперь предстоит их осуществить. Речь идет о твоей работе в Верховном Совете СССР.

– Ну что ж, Михаил Сергеевич, нужно так нужно, – ответил я, не сомневаясь, что мне, как депутату, предложат, пожалуй, возглавить комитет по международным делам.

– Хорошо отреагировал, – прозвучало в ответ. – Как ты отнесешься к предложению стать во главе одной из палат Верховного Совета?

Меня это предложение огорошило.

– Я ведь занимаюсь наукой.

– Ну и что, – сказал Горбачев, – дело требует, чтобы занялся другим.

– Но как быть с институтом?

– Обещаю, что ты примешь участие в подборе своего преемника.

Преемником стал мой первый заместитель, впоследствии избранный академиком, В.А. Мартынов, который достойно возглавил институт. Что касается меня, то во время представления моей кандидатуры депутатам, отвечая на вопрос: а как Примаков совместит свою работу председателя Совета Союза с работой в Академии наук (помимо директорства в ИМ-ЭМО, я еще был академиком-секретарем Отделения мировой экономики и международных отношений, куда входили все научно-исследовательские академические институты международного профиля, и членом Президиума АН СССР), – М.С. Горбачев заявил: «Он уходит со всех своих постов в академии». Следует отметить, что такой «поворот» со мной не оговаривался. Более того, когда несколько позже заместителем председателя Совета министров СССР назначили академика Л.И. Абалкина, он обусловил свое согласие сохранением за ним директорского поста в Институте экономики. Я же был поставлен перед фактом вынужденной отставки со всех академических должностей.

Сразу почувствовал себя неуютно на новом поприще. Страна в это время буквально жила сессиями Верховного Совета. Все было непривычно. И выступления, в которых звучали острые мотивы. И столкновения мнений, иногда переходящие в нелюбезности.

ный спор. И самое главное: все это транслировалось без всяких купюр. Сначала «живьем», в прямом эфире. Потом, когда стало ясно, что люди просто-напросто перестали работать, собираясь перед телевизорами, решили передавать заседания Верховного Совета в записи по вечерам с переходом на ночное время, но все равно «по требованию трудящихся» полностью.

До работы в Верховном Совете я много раз руководил различными научными обсуждениями и в определенной степени уже выработался стиль: после очередного выступления в нескольких словах фиксируешь его главные, наиболее важные идеи, привлекаешь к ним внимание и предлагаешь остальным высказаться по тем или иным поднятым вопросам. Такой стиль руководства обсуждениями помогает «не растекаться мыслью по древу», дисциплинирует участников дискуссии, приближает ее к целенаправленному обмену мнениями. Попробовал, конечно без всякой навязчивости, прибегнуть к такой практике и на заседании палаты. В ответ тут же услышал: а кто, собственно, вы такой, чтобы комментировать наши выступления? Ваше дело предоставлять нам слово – и только.

Глазок телекамеры был нацелен на трибуну для выступавших, а ракурс был такой, что державший речь

оставался все время на моем фоне. Выступления были разные. Некоторые очень интересные. Но сидеть с утра до вечера, зная, что ты перед глазами многомиллионной аудитории телезрителей, – занятие не просто неприятное, но иногда и опасное. О неприятной стороне дела жаловался своим близким: «Это то же самое по времени, как ежедневно летать в самолете из Москвы в Токио. Но там и кресло поудобнее, откидывается, да и можно выпить водки или виски». Что касается «опасности» от столь долгого и постоянного нахождения на экранах телевизоров, то вспомнил модную в то время песню: «Поручик Голицын, раздайте патроны. Корнет Оболенский, надеть ордена». Слова песни переиначили и даже исполняли в телепрограмме: «Поручик Нишанов¹⁰, ведите собрание. А ну-ка, проснитесь, корнет Примаков».

Естественно, что работа в качестве руководителя Совета Союза Верховного Совета СССР не ограничивалась предоставлением слова тому или иному депутату. Внутренне это была содержательная подготовка и серьезная деятельность, нацеленная на принятие тех или иных законов, по которым, как мы считали, должна начинать жить страна. А в целом мы все принимали – некоторые целенаправленно, а другие даже

¹⁰ Рафик Нишанович Нишанов был председателем второй палаты Верховного Совета – Совета национальностей.

не ведая этого – участие в процессах, которым суждено было определить будущее устройство СССР, путь нашего государства на перспективу.

Парадоксы перестройки

Горбачев-Ельцин: роль партии

В конце 80-х годов дело шло к «президентскому правлению». И М.С. Горбачев вел к этому, может быть искренне, как и многие в его окружении, считая, что это – единственный путь преодоления консерватизма партийной верхушки, не только, да и не столько в центре, сколько на местах сопротивлявшейся перестроенным сдвигам в стране. На самом деле речь шла о том, удастся ли отодвинуть партию от прямого – я хочу подчеркнуть это слово – прямого – руководства государством, так как вопрос об устранении КПСС из этой сферы вообще, по сути, не ставился даже большинством из тех, кто голосовал против 6-й статьи Конституции, утверждавшей руководящую роль партии в СССР.

Горбачев, как это позже сделал Ельцин, не выходил за такие ограниченные рамки. Модель президентской республики разрабатывалась не с целью ликвидации лидирующей роли КПСС. Именно поэтому Горбачев стремился не к тому, чтобы перейти с поста генсекретаря партии на пост президента СССР. Речь шла об

объединении этих двух должностей в одном лице.

Характерно, что на XIX партконференции в докладе генерального секретаря говорилось о необходимости разделить функции: партии отводилась авангардная политическая роль в обществе и в подборе и работе с кадрами. Экономика, социальная сфера вроде передавались Советам. Но тут же была дана рекомендация: избирать во главе этих Советов первых секретарей соответствующих партийных комитетов.

Возможно, это имело целью не антагонизировать партийных руководителей. Но такая на первый взгляд компромиссная позиция отнюдь не вела к сплочению в обществе и не создавала лучших условий для отхода от командно-административной системы и развития реформ, так как заложенная в этой позиции некоторая перегруппировка сил у власти не сопровождалась ни упором на партийно-политический плюрализм, ни на демократизацию в самой КПСС. Дело ограничивалось чрезвычайно важным, но далеко не «компенсирующим» эти два направления развитием гласности, в рамках которой и решили на том этапе проблему плюрализма – не партий, а мнений.

Естественно, с расстояния прожитых лет легче видеть и недостатки и ошибки, абстрагируясь и от инерции мышления всех (хотя бы на первых порах) лидеров государства в этот реформаторский период, и от

реального соотношения сил в стране, выбирающей новый путь развития. Но факт остается фактом: первое противоречие, которое не было преодолено, что и обусловило неудачи перестроечного процесса, заключалось в том, что экономическое реформирование и демократизация общества не могли быть осуществлены при сохранении главенствующей роли мало измененного ЦК КПСС.

Половинчатость принимаемых решений привела к фактическому расколу в партии, который, однако, опасались закрепить организационно.

С одной стороны, партийные руководители, особенно на местах, самым активным образом сопротивлялись тому, чтобы их значение было понижено. Это принимало форму выступлений на общесоюзных форумах с резкой критикой «антисоциалистической» сущности перестройки. В большинстве случаев за такой критикой скрывались личные мотивы или чисто догматическое представление о социализме, но у части выступавших проявлялось искреннее несогласие с тем, что линия перестройки оказалась отнюдь не выверенной, особенно в хозяйственно-экономическом плане, не была развернута столь необходимая борьба с преступностью, поднявшей голову, против сепаратистских элементов, раскачивающих страну.

Я слышал много таких выступлений и на пленумах

ЦК, и на заседаниях съездов народных депутатов, и в Верховном Совете СССР. Горбачев и целый ряд лиц из его окружения воспринимали их болезненно. Я принадлежал к тем, кто считал, что нужно взять на вооружение рациональное зерно из некоторых таких выступлений, но только в том случае, если ясно, что их авторы – за радикальные изменения в нашей общественной и экономической жизни. Вместе с тем если в них звучали идеи возврата к прошлому, то это еще раз ставило во весь рост вопрос о демократизации партии, органично связанный с ее ролью в обществе и государстве. Лишь процесс демократизации позволил бы изолировать деструктивные, догматические элементы и идеи в партии. В противном случае мог встать вопрос об организационном ее расколе. К здоровой части, несомненно, могли бы отойти те, кто, не принимая тоталитарную систему, в то же время критиковал Горбачева и его окружение за серьезные ошибки в экономическом и государственном строительстве.

С другой стороны, можно было бы рассчитывать на то, что к здоровой части партии отойдет и уже отколовшаяся от нее и набирающая вес прослойка, состоящая главным образом из представителей интеллигенции, которая начинала сильно критиковать Горбачева за нерешительность в реформах, в демократизации страны. Именно отколовшиеся от партии, а не

те, кто накачивал мускулы, изначально находясь вне ее.

Так Горбачев оказался между «молотом и наковальней». Примкнуть к одной из этих сил он не мог — это было совершенно ясно. Оставалось решительно менять свое отношение к обеим, на что он не пошел.

Борьба, развернувшаяся вокруг роли партии и степени ее воздействия на все государственные системы, отразилась и на работе Верховного Совета СССР. Было ясно, что нужны серьезные перемены в функциях и деятельности аппарата. Раньше все было более чем просто. Аппарат Верховного Совета получал указания из ЦК и проводил заданную линию. Депутаты выполняли в решении поставленных задач вспомогательную роль. Все готовилось в аппарате, все «ранжировалось» аппаратом, предусматривалось все, вплоть до последовательности выступлений, не говоря уже о том, что сами эти выступления, во всяком случае в своей основе, аппаратом и готовились.

Не думаю, что предложение избрать меня председателем Совета Союза было продиктовано стремлением изменить обстановку, повысить роль депутатов, многие из которых, кстати, уже сами выходили из предназначенного им «амплуа», и весь парламент становился, хотел кто-либо этого или нет, другим. Но,

став председателем верхней палаты, я показал свою приверженность линии на самостоятельность Верховного Совета, считая, что лишь такой курс сможет превратить его в важный инструмент эволюционного перехода от командно-административной системы к новому обществу.

В аппарате ЦК, особенно в отделе оргпартрabоты, были другие настроения. Там ни за что не хотели терять власть над Верховным Советом и, опираясь на часть его руководителей, думали все сохранить по-старому. Так или иначе, но, когда заместитель заведующего этим отделом, курирующий Верховный Совет, пришел ко мне с готовым списком руководителей всех комитетов Совета Союза, которых «следовало избрать», и услышал в ответ, что кандидатуры я буду подбирать сам, он оказался совершенно неготовым к такому повороту событий.

– Список уже согласован с секретарем ЦК, – выдвинул он «бронейбойный» аргумент.

– Ну и что? Надо было предварительно узнать мое мнение.

Позже мне позвонил этот секретарь ЦК, кстати гораздо лучше понимавший новую обстановку, чем в отделе, «надзирающем» над Верховным Советом, и извинился за «несогласованность действий». В результате подбирал кандидатуры я сам. Среди них, напри-

мер, была Валентина Ивановна Матвиенко, которой я предложил пост председателя комитета, занимавшегося вопросами семьи, женщин, и не согласился с ее отрицательным отношением к этому. После того как она все-таки приняла мое предложение, начались наши дружеские отношения, сохранившиеся много лет.

Хорошо помню и партсобрание аппарата Верховного Совета, на котором я выступал с докладом. Позже мне сказали, что он был непривычен и по тональности и по форме – я не зачитывал заранее подготовленный текст. Смысл сказанного заключался в необходимости коренной перестройки работы аппарата. Только помогая депутатам, понимая их первостепенную роль, исходя из того, что депутатов «не подстрижешь под одну гребенку», можно и нужно было менять всю систему работы. В этих выводах я опирался на своих единомышленников, а их было немало. Знаю, что подобных взглядов придерживался и председатель другой палаты – Совета национальностей – Р.Н. Нишанов.

Но существовало и иное направление. Возможно, его выразителем стал выступивший в прениях партсобрания первый заместитель председателя Верховного Совета А.И. Лукьянов – человек образованный, неординарный, близкий в то время к Горбачеву, о чем он мне не раз говорил, добавляя при этом, что это он предложил мою кандидатуру на пост руководителя

Совета Союза и советовался с А.Н. Яковлевым, с которым, «не афишируя, находится в близких отношениях». С Лукьяновым у меня складывались неплохие рабочие контакты. Но его непредусмотренное выступление в прениях, очевидно, было вызвано несогласием с «крамольными» идеями моего доклада.

Вначале предполагалось, что я откажусь от заключительного слова. Но положение изменилось, и я решил еще раз повторить те мысли, ради которых выступал.

В сентябре 1989 года меня избрали кандидатом в члены политбюро ЦК КПСС. Думаю, что это тоже было показателем того, что Горбачев и в новых условиях сделал ставку на укрепление роли партии в союзных органах. Перед XXVIII съездом Горбачев спросил, кто из нас хотел бы остаться в политбюро. Преобладающее большинство, в том числе и я, ответили, что считаем несовместимым вхождение в ЦК при занятии государственных постов. С этим согласились. Тем не менее на съезде настояли, чтобы министры обороны, иностранных дел, председатель КГБ все-таки стали членами ЦК. Все занимавшие эти посты такую позицию приняли.

В это время в стране стал расти рейтинг Б.Н. Ельцина, который динамично выдвигался в лидеры. Без «ельцинского фактора» уже нельзя было ни оцени-

вать обстановку, ни делать прогнозы ее развития.

В отношении роли и места партии в обществе Ельцин начал с позиции, которая в общем не отличалась радикально от позиции Горбачева. Работая первым секретарем Московского городского комитета КПСС и будучи кандидатом в члены политбюро, Ельцин отнюдь не выступал против руководящей роли партии. Но уже на том этапе – а я присутствовал на пленуме ЦК, когда Борис Николаевич неожиданно для большинства находившихся в зале подал в отставку с поста кандидата в члены политбюро, – он открыто выступил против порядков, существовавших в высшем партийном органе. По сути дела, это выступление служило идее демократизации партии. Ельцин очень волновался. Было ясно, что такое беспрецедентное выступление стоило ему многих сил. Но что хотелось бы отметить: он не просил отставки с поста первого секретаря Московской парторганизации.

Дальше расклад был вполне ожидаемым. Все выступавшие осудили – кто резче, кто мягче – «проступок» Ельцина. Ни один не выступил в его поддержку. Создавалось впечатление, что Горбачев в тот момент хотел ну если не вывести его из-под удара, то, во всяком случае, смягчить этот удар.

Просьбу Ельцина удовлетворили. Но сразу пошли дальше – через несколько дней освободили его и с

поста первого секретаря МГК. Причем сделали это через хорошо подготовленную, главным образом отделом оргпартрботы ЦК, антиельцинскую кампанию в Москве. Мне представляется, что в тот момент Горбачев не занимал крайних позиций, он даже пытался «оставить дверь приоткрытой», но тон в отношении Ельцина уже задавали другие, а Горбачев им не противодействовал, возможно опасаясь усиления в партии «антиперестроечного ядра».

Но все это еще не привело Ельцина к отрицанию лидирующей роли партии. Об этом свидетельствовало его выступление на XIX партконференции, где он отстаивал линию на демократизацию ЦК, но вместе с тем признавал и свои ошибки. Лишь после этого «не услышанного» партией выступления Ельцин начал политически дрейфовать в сторону отказа от модели партийного руководства, ставя это условием демократизации общества, а затем, после путча ГКЧП, перешел на антикоммунистические позиции.

Как-то один из моих друзей-политологов сказал мне: «А знаешь, если б Ельцин был избран генеральным секретарем партии, она сохранила бы свое значение и место в обществе». Думаю, что он был прав для первого периода, закончившегося XIX партконференцией. А после этого развитие событий приобрело собственную логику. Я бы выделил в ней

два основных элемента: во-первых, набравшую силу неприязнь, соперничество и борьбу между Горбачевым и Ельциным и, во-вторых, все большее влияние, которое оказывала на Бориса Николаевича координирующая свои действия, обладающая значительным интеллектуальным потенциалом Межрегиональная группа, явно подталкивавшая его к лидерству в стране.

Не думаю, что можно было бы однозначно с самого начала расценить отношения между Горбачевым и его «перестроечным» близким окружением и межрегиональщиками как «неприемлемо конфронтационные». В конце лета 1988 года некоторые видные фигуры этой группы даже хотели выйти из нее и конструктивно работать с теми в партии и правительстве, кто отторгал тоталитарное прошлое. Но в конце концов взяла верх тенденция на противостояние – в немалой степени этому способствовали экстремистские взгляды с двух сторон.

В 1989 году появился еще один «фронт» противостояния Горбачев – Ельцин: борьба с привилегиями. Была создана специальная парламентская комиссия, председателем которой я был назначен. Считал своей задачей прежде всего не дать превратить комиссию в орудие политической борьбы, а к этому дело шло, особенно после того, как ряд членов

Межрегиональной группы начал в чем-то справедливую, а в чем-то чисто конъюнктурную атаку на льготы и привилегии государственного аппарата. Нужно было прислушаться к справедливым интонациям: действительно, государственная служба не должна быть «кормушкой» для «аппаратчиков», пользовавшихся незаслуженными льготами. Вместе с тем упор в работе комиссии был сделан на то, чтобы ни в коей мере не скатиться к уравниловке. Комиссия предложила Совету министров СССР выработать четкий статус руководителя любого ранга и в соответствии с этим рангом создать узаконенные условия, благоприятствующие его плодотворной деятельности. По рекомендации комиссии были приняты и конкретные меры, в частности переданы в общее пользование ранее находившиеся в так называемом IV управлении Минздрава, созданном для медицинского обслуживания высшего слоя государственных и партийных чиновников, все детские учреждения – санатории, дома отдыха, лагеря.

Бурное обсуждение моего доклада происходило на съезде народных депутатов СССР. Секретарь комиссии, много сил отдавшая ее успешной деятельности, Э.А. Памфилова говорила, в унисон докладу, о том, что нельзя поверхностно подходить к проблеме. В условиях постоянного дефицита, сложной экономиче-

ской обстановки мы только загоним болезнь вглубь. А образовавшийся в результате ликвидации привилегий одной группы «вакуум» быстро заполнится другой – может быть, и представителями «теневой экономики». Все 28 депутатов, входивших в комиссию, были в общем солидарны с такой постановкой вопроса.

Постепенно ажиотаж вокруг борьбы с привилегиями спал, а в 90-х годах эта столь острая тема вообще сошла на нет. Расправились с незаконными льготами? Просто произошли глобальные перемены – во властные структуры пришли совсем другие люди...

Горбачев-Ельцин: проблемы союза

1990-й и первая половина 1991 года знаменовали собой резкое обострение внутрисоюзных отношений, что сказалось и по линии Горбачев – Ельцин. Именно в это время усилились процессы, которые привели в конце концов к развалу Советского Союза. Сказались, безусловно, различные и далеко не одномоментные причины.

В.И. Ленин в последние годы перед своей смертельной болезнью, когда он мог руководить строительством страны или, позже, хотя бы принимать активное участие в этом процессе, явно находился на стороне тех, кто противился созданию унитарного го-

сударства. Это видно и по его письмам, в которых не просто содержались обвинения ряда руководящих работников Центра (причем, как правило, нерусских) в шовинистических настроениях в отношении «националов», но и был сделан явный акцент в пользу федерализма.

В дальнейшем победила линия на «показной», «витринный» федерализм, отражаемый в сменявших друг друга конституциях. Однако, по сути, было создано абсолютно централизованное, унитарное государство. Союзные республики лишь провозглашались суверенными, самоуправляемыми. На самом деле все в главном предписывалось Москвой.

Нельзя отрицать того, что создавались условия для развития национальных литературы, искусства, кинематографа, театра, образования, здравоохранения. Самым положительным образом сказывалось необходимое для этого тесное общение интеллигенции различных республик. На местах развивалась наука, промышленность. Но всем руководили из Центра. Даже вопросы строительства тех или иных предприятий в республиках часто решались не на основе экономической целесообразности, а по политическим мотивам. Характерно в этом плане сооружение металлургического комбината в Рустави, куда издалека поставлялись и руда, и коксующийся уголь. Но зато комби-

нат должен был способствовать созданию и укреплению настоящего рабочего класса в преимущественно «мелкобуржуазной» республике.

Из Центра диктовалась для неукоснительного выполнения и кадровая политика. Додумались до «наместников», направляемых из Москвы, в виде вторых секретарей ЦК республиканских компартий. С учетом того, что партийные органы практически руководили всем и вся, из Москвы подчас направлялись и первые секретари ЦК – Каганович, а затем Мельников на Украину, Брежнев в Молдавию, а затем в Казахстан и так далее. Как сейчас говорят, лица «титულიной» национальности обычно не занимали постов руководителей республиканских КГБ. Между тем понятно, что парторганы и КГБ были фактическими хозяевами в республиках. Да что и говорить, в республиканские правительства, даже на посты руководителей некоторых областей, тоже направлялись люди из Центра.

А как на деле осуществлялась «федеральная вертикаль» по парламентской линии? Каждая республика имела разрядку из отдела парторгработы ЦК КПСС на замещение работниками из Москвы целого ряда мест кандидатов от республик в депутаты Верховного Совета СССР (считай, депутатов, так как назначение кандидатов было идентично выборам в депутаты, которые происходили чисто формально). Ко-

гда, например, решили, что директор Института мировой экономики и международных отношений Академии наук должен стать депутатом Верховного Совета СССР, то меня выбрали от Киргизии. Вполне понятно, что альтернативных кандидатур не было, я провел ряд встреч с избирателями, которые живо интересовались главным образом тем, смогу ли я помочь тому или иному району, чтобы удовлетворили его заявки на стройматериалы, строительство школы или поставили местному колхозу давно обещанные комбайны и грузовые автомобили.

В середине 90-х годов положение стало меняться. В республиках начали брать верх силы, делающие ставку на самостоятельность, суверенитет. Однако в жизни это происходило на фоне роста настроений против «русского центра». При этом широкое распространение получила точка зрения, что в предшествовавшие годы якобы происходила своеобразная «перекачка» из «богатейших союзных республик» в РСФСР.

В 1990 году у меня взяло интервью грузинское телевидение, и после его показа многие мои тбилисские знакомые выражали искреннее недоумение и даже осуждали меня за слова: «Знаю, что у вас есть превосходные экономисты, – пусть они спрогнозируют торговый и платежный баланс суверенной Грузии,

подытожат ее потребности в основных видах энергоносителей, сырья, металлов, продовольствия, посмотрят, насколько эти потребности покрываются за счет внутренних ресурсов и сколько будет необходимо затратить на их приобретение за рубежом. А если к этому добавить средства на содержание вооруженных сил, чиновничьего аппарата, заграничных учреждений, наконец, необходимые затраты на образование, культуру, развитие социальной сферы?»

Многие тогда уповали на доходы от курортов, которыми славится Грузия. Но ведь трудно было представить себе конкурентоспособность этих курортов без гигантских вложений, да еще в условиях полной доступности для граждан бывшего СССР всех других мест отдыха.

Пусть не упрекнут меня в том, что я был или в настоящее время выступаю против самостоятельности Грузии. Речь лишь шла о трезвой оценке плюсов ее существования в едином экономическом пространстве, на котором центральную роль играла Россия. Будучи в то время членом Президентского совета, я располагал такой цифрой: при пересчете межреспубликанских поставок на мировые цены у РСФСР в 1988 году образовался бы положительный баланс в сумме 28,5 млрд инвалютных рублей, а у всех без исключения остальных республик – отрицательный.

Глаза на реальные направления потоков «перекачки» открылись позже, когда после развала единого экономического пространства в отделившихся республиках жизненный уровень стал значительно ниже, чем в России. Конечно, сказались и изнурительные межнациональные конфликты в некоторых бывших республиках СССР. Вместе с тем проявилась безосновательность обвинений в том, что РСФСР получала в прошлом больше от других республик, чем они от нее.

Закономерно, что настроения в пользу суверенитета стали быстро развиваться и в России. Они подпитывались стремлением консолидироваться на своей территории, раз и навсегда отойти от того положения, когда Россия командовала, но во многом растворялась в СССР. В немалой степени сказывалось и недовольство тем, что Россия оставалась донором в то время, когда приходили к экономическому запустению, упадку огромные ее территории – Нечерноземье, Зауралье, Дальний Восток.

В таких сложных условиях многое зависело от правильной, выверенной политики Центра, а такой линии выработано практически не было.

Хорошо помню обсуждение этих вопросов в политбюро. В первую очередь звучала тревога по поводу того, что обособление России приведет к ослаблению,

а возможно, и сломает тот «российский стержень», на котором держался Советский Союз. Это была реальная угроза. Но реальными были и те настроения, которые, подстегиваемые «суверенизацией» национальных республик, небывало быстро распространялись в русских областях, среди не только русского, но вообще российского населения. Одним из центральных стал вопрос о создании компартии России. Как известно, все союзные республики, хоть и формально, имели свои партии, входящие в КПСС, а Россия была лишена этого, и можно прямо сказать, по причине того, что союзные партийные руководители всегда опасались – и не без основания – создания мощного российского партийного центра, который, несомненно, мог бы выступать на равных или вообще отодвинуть ЦК КПСС на второй план.

Движение в пользу создания компартии Российской Федерации ширилось и начало приобретать организационные формы. Что было делать в таких условиях? Противодействовать этому – и бесполезно, и контрпродуктивно. На заседании политбюро значительная часть его членов, кандидатов и секретарей ЦК, в том числе и я (об этом позже писал избранный первым секретарем ЦК И.К. Полозков), выступили за то, чтобы ЦК КПСС официально поддержал эту идею. Были и те, кто с этим не согласился, но линия на под-

держку создания КП РФ победила.

Что это дало? Политбюро ЦК не пошло против воли значительной части партийных масс, но объективно это не укрепило центростремительные тенденции в Советском Союзе. Однако иного решения на тот период попросту не было.

В это время возник другой российский центр – во главе с Б.Н. Ельциным, который уже внутренне отошел от признания авангардной роли компартии. Ельцин выиграл борьбу за Верховный Совет РСФСР, а затем стал первым президентом России.

С этого момента, с учетом истинного места России в экономике и политике СССР, можно было реально говорить о двоецентрии. Личные отношения Горбачева и Ельцина, слегка сглаженные отдельными «доверительными контактами», оказывали все более негативное влияние. Неприязнь подогревалась влиятельными людьми из их окружения.

Реальная сила и власть постепенно переходили к Ельцину. Процесс, конечно, был непростой. У всесоюзного руководства в руках оставались важнейшие рычаги управления. Но дело было в том, что они использовались все менее активно и здраво на благо развития экономики, сохранения союзного государства, преодоления и реальных, и во многом наносных противоречий с ельцинским Центром. Не происходи-

ло и встречного движения.

Точку поставил так называемый ГКЧП. Горбачев, кто бы что ни говорил впоследствии, однозначно признал решающую роль Ельцина в ликвидации путча. В Форосе, куда я вместе с другими прилетал за Горбачевым (об этом – дальше), он при мне и Бакатине резко бросил А.И. Лукьянову: «Если ты не смог сразу собрать Верховный Совет СССР, чтобы разделаться с путчистами, почему не встал рядом с Ельциным?» Но выбор был сделан. Об этом свидетельствовала и унижительная сцена на заседании Верховного Совета РСФСР, куда вызвали президента Горбачева после его возвращения из Фороса.

Вместе с тем мне представляется, что такого финала могло бы не быть при успехах союзных властей в решении основных задач, стоявших перед страной.

Одним из наиболее актуальных и важных было совмещение неумолимого процесса обретения республиками суверенитета с сохранением единого экономического пространства в рамках бывшего Союза и всеобщим переходом к рыночным отношениям. Я бы даже назвал это главной задачей. На успех можно было бы рассчитывать лишь в случае согласованных и взаимообусловленных решений союзного руководства и руководства Российской Федерации. Их, к сожалению, не было.

В моем архиве сохранились записи с совещания экономистов у М.С. Горбачева 16 марта 1991 года. Среди участвовавших был эстонский экономист, несомненно влиятельный в балтийских депутатских группах, М.Л. Бронштейн.

– Главная причина трудностей, – сказал он, – резко растущее противостояние Центра и республик. Нужно разграничить во времени подписание экономического и политического союзного договора.

Эта мысль высказывалась не впервые. Я был среди тех, кто предлагал М.С. Горбачеву сначала подписать экономический договор, который – был уверен, так как предварительно проговаривал со многими руководителями союзных республик, – подписали бы все, в том числе и прибалты.

Наиболее отчетливо прозвучало это в ноябре 1990 года накануне Четвертого съезда народных депутатов. Мы сидели на даче в Волынском и готовили доклад президента СССР «О положении страны и мерах по преодолению сложившейся кризисной социально-экономической и политической ситуации» – А.Н. Яковлев, С.С. Шаталин, В.А. Медведев, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров, Е.Г. Ясин и другие. Думаю, что большинство из них поддерживали идею о первоначальности экономического договора. Мое на этот счет предложение сначала было воспринято М.С. Горбачевым

не скажу, что с большим энтузиазмом, но отвергнуто с ходу не было. На следующий день, однако, он сказал:

– Не пойдет.

– Почему? – спросил я. – Ведь это проходной вариант, причем все республики согласны с тем, что при подписании экономического договора они возьмут на себя определенные обязательства, без которых не сможет функционировать единое экономическое пространство.

– Если мы подпишем экономический договор, – ответил Горбачев, – то многие остановятся на нем и не захотят подписать союзный, который уже готов, и все заявили о своей согласии присоединиться к нему.

– Да, но ведь и экономический договор подразумевает создание наднациональных структур. Нужно начать с экономики, а затем наращивать политические структуры Союза.

М.С. Горбачев отверг эту идею. Думаю, что ему «помогли» оказаться в плену представлений о реальности союзного договора и он искренне верил в возможность его подписания. Так или иначе, но развести по времени экономический договор, приемлемый для всех, от политического не удалось.

Стало еще сложнее оттого, что вместо создания общесоюзной рыночной инфраструктуры ставку сделали на так называемый «региональный хозрасчет». В

республики передавалась государственная собственность. В некоторых из них решалось, отчислять ли средства в союзный бюджет. Провозглашался приоритет республиканских законов над союзными.

Республики, в том числе РСФСР, приступили к подписанию «горизонтальных» соглашений друг с другом. Сама по себе такая практика, очевидно, была полезной. Но в то же время в соглашениях фиксировались взаимные поставки. Это подводило к мысли, что через такие соглашения будут осуществляться хозяйственные связи между предприятиями, расположенными на территории той или иной республики. Совершенно ясно, что такой порядок являлся антиподом рынку. Другое дело, если бы в таких соглашениях были дополнительно зафиксированы договорные обязательства предприятий, но, к сожалению, не на этом делался акцент.

В общем, дело шло к распаду не только Союза, но и единого экономического пространства.

Иногда можно было услышать: «Давайте действовать как в Западной Европе, где самостоятельные государства с самостоятельными экономиками вошли в единый интеграционный поток». Такое сопоставление было абсолютно несостоятельным. Советский Союз представлял собой единое государство (я здесь не говорю о недостатках, а констатирую то, что государ-

ство было единым со всеми вытекающими из этого последствиями). Следовательно, лозунг «Сначала размежевание, а потом интеграция» означал разрыв тысяч устоявшихся производственных связей. Нож размежевания не мог не резать по живому – так и получилось.

Преобразования в тупике

На XXVIII съезде партии, как уже писал выше, я отказался баллотироваться в ЦК, так же как и некоторые другие члены политбюро. Для меня такое решение диктовалось вполне определенной позицией – в своем выступлении на съезде я, в частности, заявил: «Я считаю твердо, что члены Президентского совета, например, не должны входить в политбюро, и буду действовать на основе этого убеждения». В этом же выступлении, касаясь роли партии, подчеркнул, что одной из главных причин осложнения обстановки в стране был тот факт, что мы не действовали «опережающими темпами» в области обновления партии, которая после отказа от конституционно гарантированной ведущей роли в обществе должна встать на путь завоевания места ведущей силы.

Партия, по сути, на этот путь не встала. Оказалась не готовой действовать в тот момент демокра-

тическим путем, согласиться с существованием в ней «разномыслящих, но равно ответственных за перестройку сил», политическим плюрализмом в стране. Негативно сказалось и отсутствие новой идеологической основы деятельности. Ее не могли заменить сентенции типа «социализма с демократическим лицом». Необходим был крутой идеологический перелом, заключающийся не просто в отказе от несостоявшихся догм, но, да простит меня читатель за «навязчивую идею», в признании взаимовлияния социализма и капитализма, конвергенции как столбовой дороги развития всего человечества.

После XXVIII съезда я всецело сделал упор на работе в Президентском совете. Занимался не только внешнеэкономической деятельностью, но и вопросами, выходящими за ее рамки. Отношения с Михаилом Сергеевичем были хорошими, и я мог ставить перед ним проблемы довольно острые, решение которых, на мой взгляд, было необходимо. Но постановка этих вопросов вызывала определенную напряженность. Сознаю, главное, что меня волновало, даже возмущало, – это недостаточная решительность в укреплении власти Закона. Нельзя было не слышать, как на волне широкого недовольства бездействием государственных органов, падением порядка и дисциплины все громче звучали голоса, призывающие по-

ложить конец «демократическим играм» и вернуться к «жесткой руке». Опасность многократно усугублялась тем, что эти голоса были порождены не только ностальгией консервативных сил по прошлому. Они исходили и от тех, кто разочаровывался в способности властных структур в новых условиях перехода к демократии организовать дело и добиться результатов.

Горбачев, могу смело сказать, понимал такую опасность, но действовал крайне нерешительно. Когда 15 января 1991 года я ему сказал об этом, он мне ответил, что хочет избежать в тяжелые времена перехода к другому обществу гражданских столкновений – их могли бы спровоцировать решительные меры по наведению порядка в стране в целом. Но, как мне представляется, в словах Горбачева была только частичная справедливость. Скорее даже справедливость намерений, а не возможных результатов отказа от такой активности, что в конце концов подтвердилось путчем, организованным ГКЧП.

Телефонный разговор проходил далеко не гладко и закончился фразой МС: «Я чувствую, что ты не вписываешься в механизм». На следующий день я передал Горбачеву личное письмо, в котором говорилось: «После вчерашнего разговора я твердо решил уйти в отставку. Это – не сиюминутная реакция и, уж во всяком случае, не поступок, вызванный капризностью

или слабонервностью. Ни тем ни другим – думаю, Вы не сомневаетесь в этом, – никогда не отличался. Но в последние месяц-полтора явно почувствовал, что либо Вы ко мне стали относиться иначе, либо я теперь объективно меньше нужен делу. И то и другое несовместимо даже с мыслью о продолжении прежней работы». К письму было приложено формальное заявление с просьбой разрешить мой переход в Академию наук СССР.

Не спорю, мое решение подать в отставку подтолкнуло и то, что я связал первый раз проявившуюся в мой адрес раздраженность и неприязнь с упразднением Президентского совета. В этом, пожалуй, я был не прав. Горбачев решительно отказал мне в отставке, сказав, чтобы я даже не думал об этом. Его желание оставить меня в «активной команде» подтвердилось в начале марта во время выборов членов Совета безопасности. Не знаю точно, кто работал в Верховном Совете против меня, но работа велась, и результат голосования был крайне неожиданным и обескураживающим – из всего списка не прошли я и В.И. Болдин. Думаю, что это было неожиданным и для многих других. Взволнованно, искренне, горячо выступил Горбачев, подчеркнувший, что мое членство в Совете безопасности будет служить делу и он ставит вопрос о переголосовании. Я подошел к микрофону и сказал,

что прошу не переголосовывать. Затем начались выступления. В такую минуту особую благодарность испытал к тем, кто поднялся в защиту, – все депутаты, попросившие слова по итогам голосования, вне зависимости от своей политической ориентации выступили в мою поддержку. Председательствующий Лукьянов обратился ко мне с вопросом, не изменил ли я свою точку зрения. «Не изменил», – ответил я.

Этот ответ был вознагражден хотя бы тем, что во время объявленного тут же перерыва ко мне подошла депутат Сажи Умалатова и назвала меня «настоящим мужчиной, каких мало в Верховном Совете». Все-таки состоялось переголосование, и на этот раз я был избран.

Совет безопасности был в ту пору конституционным органом, и это предполагало его большое значение в государстве. Многие считали, что, по существу, он берет на себя функции политбюро, которое продолжало существовать, но уже строилось совсем по другому принципу – наряду с несколькими «освобожденными» членами в него вошли по должности все первые секретари ЦК союзных республик. Создание Совета безопасности означало смещение от оси федеральной власти в сторону государственных структур. Вместе с тем он так и не стал, за редким исключением, коллегиальным органом для откровенного об-

мена мнениями и конкретными рекомендациями по многим животрепещущим вопросам. Больше действовали по линии контактов отдельного члена СБ, отвечающего за ту или иную сферу, с Горбачевым или с другим членом Совета безопасности.

Забегая вперед, скажу, что аморфность в работе Совета безопасности наблюдалась и после того, как он был возрожден в 1992 году. А ведь начиналось совсем не так. По моим записям, 20 мая 1992 года на Совете безопасности, в состав которого я вошел как директор Службы внешней разведки, выступил Б.Н. Ельцин и сказал: «Давайте создадим такую обстановку, когда кто-нибудь, выражая свое мнение, не опасался бы за свою безопасность». Ельцин нацеливал на регулярную коллективную деятельность: собираться не реже одного раза в месяц (была даже названа каждая вторая среда в 11 часов); раздача документов для обсуждения утром за два дня до заседания; вопросов – не более трех; их обсуждение не формальное; упростить аппарат; все нацелить на помощь в осуществлении курса на реформы.

На первых порах Совет безопасности действительно формировался как важный инструмент президентской власти во внутренней и внешней политике. Много сделал для этого его секретарь Ю.В. Скоков. Потом последовала череда других секретарей и Со-

вет безопасности практически перестал функционировать. Работал аппарат, но не выполнял своих прямых функций – подготовки заседаний СБ, а фактически дублировал и просто пересказывал оценки и выводы других органов исполнительной власти.

Вернемся, однако, к деятельности членов Совета безопасности при Горбачеве. Я упорно пытался навести порядок в первую очередь в сфере внешнеэкономической деятельности, за которую нес в этом органе ответственность. Проблемы затрагивались широко, распространяясь на отношения союзного центра с республиками СССР, с другими странами СЭВ. Внимание заострялось на необходимости исключить из внешнеэкономической деятельности несогласованность, безответственность, коррупцию.

Вот несколько примеров.

Апрель 1991 года. Доложил президенту СССР о конфиденциальном письме, поступившем от заместителя председателя правительства Чехословакии, который утверждал, что принятая нами система, предусматривающая обмен между предприятиями стран СЭВ лишь через валютные отношения, с учетом реального положения в СССР и странах-партнерах практически прекращает существовавшие кооперационные связи. Одновременно это ведет к прекращению товарооборота со странами СЭВ в децентрали-

зованной его части.

Исходя из содержания письма и получив подтверждение от С.А. Ситаряна – одного из наиболее компетентных и знающих экономистов – о том, что эта практика установилась после развала СЭВ, предложил срочно пойти на разрешение товарообменных операций в 1991 году для предприятий перерабатывающих отраслей. Опасались, что это уменьшит отчисления в Фонд погашения внешнего долга и Союзно-республиканский валютный фонд. Но если оставить все по-старому, то вообще не будет реального экспорта и не из чего будет делать эти отчисления. Я писал это, зная, что за первые два месяца 1991 года взаимные поставки (кроме нефти) составили менее чем 2 процента от годовых.

К сожалению, наши связи со странами СЭВ после его распада не стали предметом специального обсуждения на Совете безопасности, и мы в дальнейшем потеряли годами отработанные экономические отношения.

Апрель 1991 года. Получив материалы от Комитета народного контроля СССР и Госплана, я поднял вопрос о совершенствовании работы по закупке и использованию импортного оборудования. Выяснилось, что министерства и ведомства, осуществляя эти закупки, предварительно не прорабатывали вопросов с

местными органами власти. Проверки показали, что многие дорогостоящие станки, машины, автоматические линии и другая техника годами не вводились в эксплуатацию, выходили из строя, разукомплектовывались, подчас и расхищались. Что было особенно чувствительно, в период нехватки продовольствия в стране и его валютных закупок за рубежом на складах предприятий и строек агропромышленного комплекса на 1 января 1991 года находилось 29 тысяч единиц оборудования молочной и маслосыродельной промышленности, почти 15 тысяч – мясоперерабатывающей, 4 тысячи – кондитерской и 11 тысяч единиц оборудования плодоовощной и консервной промышленности. В результате из 39 пусковых объектов, которые должны были быть введены в эксплуатацию в 1990 году на базе импортного оборудования, было запущено лишь пять.

Как мне напоминает это ситуацию, с которой я столкнулся, уже став в 1998 году председателем правительства России! Условия изменились вроде коренным образом. Закупки оборудования осуществлялись уже не государственными объединениями МВЭС, а главным образом самими предприятиями. Но тем не менее на складах оказалось запломбированным таможенной службой, не получившей причитающихся за импорт платежей, станков и технических линий –

высокотехнологичных, остро необходимых – на сумму около 1,5 млрд долларов!

Апрель 1991 года. Направил руководству материал, свидетельствующий о нескоординированности нашей экономической деятельности за рубежом, о коррупции, внедрившейся во внешнюю торговлю. В качестве примера приводилась работа делегации, во главе с министром торговли посетившей Италию. Значительное время было затрачено на всевозможные развлечения. А между ними закуплено обуви на 300 млн долларов, в то время как у нас стояли шесть ранее приобретенных в той же Италии обувных фабрик из-за отсутствия подошв из синтетического материала, импорт которых обошелся бы в десять раз дешевле. Или приобрели колготок почти на 30 млн долларов в то время, когда у нас в Башкирии уже находилось оборудование стоимостью 200 млн долларов и нужно было затратить именно 30 млн, чтобы ввести в строй предприятие, которое могло бы покрыть потребности в этой продукции.

«Мне кажется, – писал я, – что очень желательны резкие решения, в том числе и персонального характера, создание комиссии, которая расследует все и накажет виновных». К сожалению, этого сделано не было.

К этому же времени относится совещание, на ко-

торое были приглашены два главных в то время банкира: В.В. Геращенко, возглавлявший Центральный банк, и Ю.С. Московский – председатель правления Внешэкономбанка СССР. Мы все были встревожены тем, что начался отток валюты за границу.

– Неужели нельзя сделать так, чтобы вклады осуществлялись в ваши банки? – спросил я. – Нужно для этого установить, может быть, чуть больший процент, чем в зарубежных банках, дать государственную гарантию по востребованности и создать механизм, обеспечивающий быстрый перевод депозитов по желанию вкладчиков.

– Последнее сделать не можем, – отвечали банкиры. – У нас нет необходимых технических возможностей.

Но кто-нибудь об этом должен думать?

Май 1991 года. В записке на имя президента СССР я остро поставил вопрос о том, что, несмотря на меры по линии МВД и КГБ, резко возрастает число криминогенных проявлений в аэропорту Шереметьево, в том числе отмечается сращивание сотрудников правоохранительных органов с преступным миром. Предлагались конкретные меры по ликвидации «серьезного не только экономического, но и политического ущерба нашей стране».

Июнь 1991 года. По моему поручению в Западную

группу войск вылетел консультант члена Совета безопасности Ю.А. Зубаков. Были установлены грубые нарушения при реализации имущества в связи с выводом советских войск из Германии, хищения валютных средств и другие злоупотребления.

Июль 1991 года. На имя президента СССР была направлена записка, подписанная не только мною, но и заместителями председателя Совета министров СССР В. Щербаковым, Ю. Маслюковым, С. Ситаряном, министром МВЭС К. Катушевым, в которой, в частности, поднимался важнейший вопрос о неминуемых тяжелых последствиях возрастающей финансовой зависимости СССР. Привлечение финансовых и товарных кредитов стало основным источником финансирования расходов по погашению задолженности и приобретению импортных товаров. Подчеркивалось, что это заметно повлияет на валютное положение страны в ближайшие годы, тем более что сокращалось производство, в частности, в сырьевых отраслях и, следовательно, уменьшался объем экспорта.

Список этот можно было бы продолжить.

Далеко не по всем поднятым вопросам были приняты решительные действия. Больше думали и спорили о стратегических направлениях изменений экономической системы в стране, меньше – о борьбе с коррупцией и экономической преступностью, которые

уже тогда подняли голову. Многие не понимали, что без этого не может быть перехода к цивилизованному рынку.

Целый ряд выявленных недостатков, ошибок, преступлений был характерен именно для периода, когда превалировала централизация, а предприятия не имели достаточной свободы действий. Но тем не менее многое из того, что приходилось делать в то время, актуально и для сегодняшнего дня.

Запад не спешит помочь

Вообще, конечно, не приходилось рассчитывать на то, что нам радикально помогут извне обезболить или, во всяком случае, сократить трудности переходного периода. Главное заключалось в нашей способности преодолеть эти трудности при отказе от административно-командной системы. Ждать второго «плана Маршалла» не приходилось. И все-таки...

Я сидел в своем кабинете в Кремле (раньше он принадлежал В.М. Молотову, затем Г.А. Алиеву) и обсуждал не помню уж какую проблему с моим старым, еще со времени совместной учебы в аспирантуре экономического факультета МГУ, испытанным другом академиком Степаном Арамаисовичем Ситаряном. Секретарша сказала, что пришел Г.А. Явлинский. Это бы-

ла первая наша встреча.

Григорий Алексеевич рассказал, что получил приглашение принять участие в семинаре в Гарвардском университете, семинар этот – он уверен – будет иметь продолжение, речь идет о выработке конкретных мер экономической помощи Советскому Союзу, ее размер – он тоже в этом уверен – не менее 30 млрд долларов, но главное заключается в том, что помощь – целевая: каждая ее часть будет ответом на тот или иной наш шаг по пути реформ. Например, мы отпускаем цены – за этим следует товарная интервенция в СССР с Запада; мы делаем свой рубль конвертируемым – Западом создается стабилизационный фонд.

– Можете ли вы со мной подписать письмо о нашем согласии на такую схему? – спросил Явлинский. – Вторая моя просьба – устройте мне встречу с Горбачевым.

Я ответил утвердительно. На следующий день у меня на квартире мы отредактировали письмо – Григорий Алексеевич был искренне удивлен, что я, не согласовав ни с кем содержание этого письма, подписал его. Затем его принял Михаил Сергеевич.

Это было незадолго до поездки советской экономической делегации, которую мне поручили возглавить, в Соединенные Штаты. Многое из нашего пребывания в США обросло сплетнями, домыслами. В дей-

ствительности вкратце дело обстояло так. Мы вместе с В.И. Щербаковым – в то время заместителем председателя правительства СССР – приехали в Вашингтон, чтобы разъяснить американскому руководству суть экономической политики нашего правительства. Горбачев попросил включить в делегацию и Явлинского. Американцы проявили к Григорию Алексеевичу особый интерес, настаивая, чтобы он был с нами не только у госсекретаря Бейкера, но и у президента Буша. Создавалось впечатление, что они хотели более выпукло показать наличие оппозиции выработаемому экономическому курсу в СССР и найти таким путем аргументы для оправдания своей «сдержанности» в поддержке этого «половинчатого» курса.

При всех разногласиях, нужно сказать, Явлинский в общем оставался в команде, хотя на встречах стремился продемонстрировать «превосходство в интеллектуальном плане» над остальными членами делегации. Мы к этому относились в меру снисходительно.

После окончания официальных встреч 31 мая меня пригласил президент Буш на рабочий ланч. Присутствовал его помощник по вопросам национальной безопасности Скоукрофт и переводчик Афанасенко. Атмосфера была дружеской. Я сказал президенту, что он отлично выглядит. Это было хорошо воспринято, тем более что Буш незадолго до нашей встречи, бу-

дучи в Токио, потерял сознание во время приема. Питер Афанасенко позже рассказал, что один из наших генералов, принятый Бушем, начал разговор с ним со слов: «Вы что-то не очень сегодня хорошо выглядите, господин президент». Беседа, запланированная на полчаса, закончилась в пять минут.

Буш больше расспрашивал. Сам говорил о чем угодно, но без какой-либо конкретики. После ланча повел меня в «личный кабинет», где показал свою гордость – новый компьютер. Напечатал на нем письмо Горбачеву. Позвал свою секретаршу, попросив по моей просьбе снять копию для меня. Старая леди пробрюзжала: «Господин президент должен был знать, что ему следовало нажать вот эту кнопку и сам компьютер выдаст необходимое число копий».

В общем, впечатлений было хоть отбавляй. Но никакого серьезного разговора об экономической поддержке наших реформ не было.

Фактически безрезультатно окончилась и столь многообещающая работа советско-американской группы в Бостоне. Во всяком случае, ни при каких условиях нам никто не предложил 30 млрд долларов. У участников группы – Аллисона, Явлинского и других – были разные объяснения неудачи. Но факт оставался фактом.

В это время я стал «шерпой» – так называют мест-

ных проводников – носильщиков, помогающих иностранцам взбираться на Гималайские вершины. По одному такому помощнику полагается и каждому главе государства, входящего в «семерку», а затем в «восьмерку». У нас, хоть мы в то время еще не были членами этого клуба, тоже появился «шерпа». В мои обязанности входили предварительные встречи с коллегами с целью подготовки саммита «семерки» в Лондоне. На 17 июля 1991 года была назначена встреча глав государств «семерки» с М.С. Горбачевым.

Я прибыл в Лондон раньше. Нужно было обговорить кое-какие детали с британским «шерпой», с которым условились встретиться после окончания заседания «семерки». Меня остановил полицейский в ожидании того, когда главы государств рассядутся по своим машинам. На пороге стояли Буш, Бейкер и другие. Площадь была пуста – журналисты, главным образом с телекамерами, сгрудились метрах в пятидесяти. Ближе их не подпускали. Вдруг президент Буш приветливо помахал рукой: «Примаков!» Я, естественно, подошел – пропустили. Рукопожатия, приветствия, вопросы – когда прибывает Горбачев? Бейкер, понизив голос, спросил, не привез ли я с собой тархуновой водки – он хорошо запомнил тот напиток, которым нас потчевал Зураб Церетели на своей квар-

тире в Москве. Я ответил, в шутку, что, если это будет способствовать успеху завтрашних переговоров с Горбачевым, достану тархуновую водку и в Лондоне.

Телевизионщики и фоторепортеры, не слыша, о чем мы говорили, активно снимали нас с расстояния. Через считанные минуты разнеслось: американское руководство что-то живо обсуждало с советским «шерпой».

– О чем это вы беседовали? – был первый вопрос, с которым ко мне обратился Горбачев на аэродроме, где я его встречал через пару часов.

На следующий день состоялся долгожданный разговор руководителей семи государств с президентом СССР. С советской стороны в зале были Горбачев и я. Остальные, в том числе В.И. Щербаков, С.А. Ситарян, министр иностранных дел А.А. Бессмертных, помощник президента А.С. Черняев, советник В.В. Загладин, были в другой комнате. Связаться с ними я мог по факсу, но воспользовался им единственный раз, передав, что обсуждение началось, – надо же было хоть как-то задействовать этот механизм после того, как мне долго объясняли, как им пользоваться.

Все главы государств заблаговременно получили послание Горбачева, в котором излагались основные направления предпринятых и предполагаемых действий по преобразованиям в стране – в экономике,

развитии федерализма, вписывании в мировое хозяйство, создании условий для привлечения иностранных инвестиций. Явлинский позже резко критиковал это изложение. Не со всем был согласен и я, считая, что над посланием «семерке» могли бы поработать люди, более профессионально разбирающиеся не только в наших экономических делах, но лучше понимающие, какие направления наших реформ, их темпы, последовательность преобразований в наибольшей степени интересуют глав семи самых крупных индустриальных государств мира.

Горбачев выступил с разъяснениями в начале встречи, выступал и вторично, в конце остановившись на некоторых аспектах реформирования в связи с вопросами, поставленными уже во время обсуждения. Но само это обсуждение со стороны глав «семерки» все-таки казалось запрограммированным заранее. Доброжелательность несомненная. Восторги в связи с завершением работы над Договором по СНВ и поздравления в этой связи Горбачеву и Бушу. Сопереживания тем трудностям, которые стоят на пути обновления в СССР, были высказаны практически всеми. Все отдавали должное роли Горбачева. Не было недостатка в хвалебных эпитетах. Но серьезный разговор о широкомасштабной экономической поддержке СССР не состоялся, да он, судя по всему, и не

предусматривался.

Я вел подробную запись, и вот что мне удалось «выудить» из всех выступлений по проблеме экономической помощи СССР.

«Дж. Мейджор. Мы полагаем, что в наибольшей степени в состоянии помочь вам на макроэкономическом уровне, оказывая консультативное содействие, а на микроэкономическом уровне – по некоторым конкретным направлениям, особенно в области энергетики. Но ключевое значение имеет общий инвестиционный климат. Помощь не может быть эффективной, если реформа не будет необратимой. Мы хотим помочь, осознавая в то же время, что главное бремя будете нести вы сами. Мы надеемся, что вы сможете плодотворно воспользоваться также помощью и содействием международных экономических организаций.

Дж. Буш. Энергичные усилия председателя Мейджора, его поездка в Москву, проведение там консультаций, а затем доклад «семерке» – это подход, который оставляет для *отдельных стран* достаточную гибкость для действий на *двустороннем уровне*.

Вопрос, который у меня возникает, касается распределения ответственности в рамках союзного договора. Наши эксперты подчеркивают необходимость четкого и детализированного решения этого вопроса.

Я не без колебаний обращаю внимание на это – ведь мы не хотели бы, чтобы другие вмешивались в дела нашей федерации. Но данный вопрос важен с точки зрения капиталовложений. Предприниматели должны знать, с кем они имеют дело, например в плане налогообложения.

Перспективная сфера нашего сотрудничества с СССР – распределение продовольствия. Но и здесь, как подчеркивают наши эксперты, для того, чтобы оказать Советскому Союзу содействие, мы должны иметь четкое представление о распределении полномочий и ответственности внутри Союза.

Г. Коль. Было бы очень хорошо, если бы нам была предоставлена дополнительная конкретная информация о ваших проблемах и планах. Этому способствовало бы посещение Москвы нашими министрами финансов. В то же время необходимо отдавать себе отчет, что ни один из них не сидит на ящике с деньгами.

Хотелось бы иметь активную поддержку со стороны президента СССР предложениям по созданию западных консорциумов в области добычи нефти и газа, а также предложениям Международного энергетического агентства о содействии в усовершенствовании советских АЭС. Это связано с сохраняющимися опасениями после чернобыльской аварии. Немцы хотели

бы помочь в этом.

Ж. Делор (председатель Евросоюза). К сожалению, за последние полтора года кредиты иностранных банков Советскому Союзу сократились на 8 млрд долларов. Наверное, мы должны сегодня послать сигнал, который помог бы преодолеть это недоверие.

Мы пытаемся откликнуться на две ваши основные потребности. Во-первых, наполнение рынка, что важно для социального согласия и предотвращения социальной напряженности в процессе оздоровления экономики. Вопрос состоит в том, как это сделать. Видимо, нужно стремиться лучше организовать этот процесс, чтобы помощь действительно поступала в нужный момент, давала эффект. И второе – техническая помощь, содействие в подготовке кадров, помощь в налаживании системы распределения продовольствия.

На Украине идет разговор о собственной валюте. Хочу подчеркнуть: без единой денежной системы невозможно разговаривать с МВФ и Всемирным банком, невозможно конвертировать рубль, а это важнейший шаг к рынку.

На финансовом уровне важное значение имеет внешняя платежеспособность. Верно, что Советский Союз выплачивает государственные долги. В то же время вам пришлось сократить закупки в Восточной

Европе. Думаю, вам необходимо обсудить этот вопрос с министрами финансов, МВФ, дать информацию. Невозможно создать здоровую экономику без пространства для маневра.

Еще вопрос: есть ли связь между внешнеполитическими соображениями и сокращением вашего импорта из Польши, Чехословакии и т. д.? Мы могли бы подумать о механизме в целях восстановления ваших экономических связей с ними.

И наконец, мы обсуждали с премьер-министром Павловым вопрос о том, чтобы кредит в 400 млн экю шел через единый союзно-республиканский механизм. Можете ли вы подтвердить, что этот механизм будет действовать и впредь? Для банка и других международных экономических институтов очень важно иметь дело с единым партнером, разумеется не слишком бюрократизированным.

Все эти вопросы важны для того, чтобы преодолеть дефицит уверенности.

Ф. Миттеран. Я полагаю, что наша помощь в оздоровлении экономики СССР действительно нужна. Какого рода помощь, какого рода гарантии и т. д. — все это нужно конкретно уточнить. Вам необходимо вступить в члены международных экономических организаций. Это мощный канал консультативно-технической помощи. Плюс конкретная помощь по конкрет-

ным направлениям и проектам – в области энергетики, конверсии.

Есть четыре ведущие организации – МВФ, МБРР, ОЭСР, ЕБРР¹¹. Я считаю, что ориентироваться надо прежде всего на них. Очень хорошая идея – пригласить в Москву министров финансов. Господин Мейджор имеет от всех нас мандат координатора.

Т. Кайфу. Хотел бы задать некоторые вопросы. В своем послании вы (М.С. Горбачев. – *Е. П.*) говорите, что необходимо избегать чрезмерного риска, указываете на трудности движения вперед. Однако полумеры в конечном счете обойдутся дороже. Как вы на это реагируете?

Второй вопрос касается финансово-бюджетного дефицита. Вы говорите, что пойдете на сокращение военных и других государственных расходов. Я приветствую это и считаю, что эти меры срочно необходимы. Однако в какие сроки вы намерены осуществить эти меры?

По таким вопросам, как бюджетная, налоговая, энергетическая политика и т. д., необходимо иметь большую ясность. Что касается двустороннего аспекта, то Япония готова оказать содействие и будет это

¹¹ Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития, Организация экономического сотрудничества и развития, Европейский банк реконструкции и развития.

делать, как я писал вам в своем послании.

Б. Малруни. Мы приветствуем акцент на частные капиталовложения. Весь вопрос в том, как привлечь частный капитал, чтобы он работал на удовлетворение растущих потребностей рынка. На днях я попросил приехать ко мне ведущих канадских политиков, предпринимателей. Я спросил их: что нужно, чтобы вы пошли на советский рынок? Ответ такой: во-первых, политическая стабильность, ясность относительно юрисдикции над ресурсами; во-вторых, финансовая реформа, твердый рубль; в-третьих, реформа собственности, свобода предпринимательства.

Относительно рекомендаций. Я посоветовал бы г-ну Мейджору организовать поездки в Москву помимо министров финансов еще и министров, отвечающих за развитие малого бизнеса.

По двусторонней линии все здесь находящиеся согласны, что упор надо сделать на таких сферах, как продовольствие, энергетика, безопасность АЭС. У Канады имеется ряд конкретных соображений по техническому содействию в этих областях на двусторонней основе.

Дж. Андреотти. Я поддерживаю мысль о том, чтобы в Москву направились наши министры финансов с задачей разработать рамки для нового типа сотрудничества. Я не сомневаюсь, что сегодня поворотный

день – отношения, прежде сфокусированные на военных проблемах, теперь переходят в экономическую плоскость. И в этой связи я хочу поддержать мысль о необходимости четкого распределения ответственности между Центром и республиками в СССР».

В некоторых выступлениях прозвучали интересные размышления по поводу происходящего в СССР и ценные предложения, не потерявшие своей злободневности. Приведу в этой связи слова президента Франции Миттерана:

«Я не советовал бы вам приватизировать все и вся. Суть в синтезе частного предпринимательства, конкуренции и в то же время роли государства. Во всех наших странах государство действует, различия – вопрос степени. Но есть нечто общее у нас – частная собственность и гарантии для иностранных владельцев, в том числе гарантии вывоза прибыли.

Мы не можем вам говорить: сделайте так или иначе. Надо уважать традиции Советского Союза. У вас в стране есть традиции коллективной собственности. И вам надо найти средний путь. Что-то будет между нами общее, что-то нет. Но именно общее сделает вас восприимчивыми к помощи. За остальное несете ответственность вы сами, ответственность перед настоящим и перед будущим. Ресурсы вашей страны огромны, но вам не всегда удавалось приращи-

вать богатство. Ваши главные технические достижения были в непродуктивных сферах, а система распределения продовольствия сделала ваше сельское хозяйство неэффективным».

Правда, в словах Б. Малруни прозвучали несколько иные нотки. В то же время были и весьма интересные замечания:

«В Америке фермер является владельцем земли, может передавать ее по наследству. Можете не сомневаться, если бы я отобрал землю в коллективную собственность, то производительность упала бы. Я понимаю ваши сложности, но все же ключ к рынку – частная собственность, а еще один ключевой фактор – правительство не может держать под контролем цены. Я понимаю, что для этого необходима психологическая перестройка.

И разумеется, при этом на территории страны должна быть одна валюта, один центральный банк, инструменты фискальной и денежной политики в одних руках. И это не должно никем оспариваться, ибо это – инструменты создания равных экономических возможностей на территории всего государства».

Председательствующий Дж. Мейджор следующим образом резюмировал дискуссию, прежде чем выйти к изнемогавшей в ожидании прессе. По его словам, участники обсуждения договорились:

«Во-первых, о желательности предоставления Советскому Союзу особого ассоциированного статуса в международных экономических организациях в качестве шага к интеграции в эти структуры.

Во-вторых, как предложил президент Миттеран, мы просим все международные экономические организации наладить тесное сотрудничество с Советским Союзом и предоставлять ему консультативную и экспертную помощь в переходе к рыночной экономике.

В-третьих, мы намерены оказывать Советскому Союзу различную техническую помощь и интенсифицировать сотрудничество в осуществлении проектов в области энергетики, конверсии, продовольствия, транспорта.

В-четвертых, отдавая себе отчет в том, что, как отметил президент Горбачев, произошло разрушение экономических связей между Советским Союзом и его соседями, мы будем содействовать восстановлению этих связей, доступу на советский рынок товаров и услуг из этих стран.

В-пятых, вопрос о последующих действиях. Данная встреча не является однократным событием. Это начало процесса. Поэтому мы создадим своего рода механизм, в рамках которого председатель от имени «семерки» будет поддерживать тесный контакт с советской стороной. При этом участники считают целе-

сообразным, чтобы до конца года я в качестве председателя посетил Советский Союз и затем доложил «семерке» о том, как идут дела. В будущем году эту функцию будет выполнять канцлер Коль.

И наконец, мы договорились о том, что в нынешнем году наши министры финансов и малого бизнеса посетят Советский Союз и обсудят конкретные вопросы, связанные с экономическими преобразованиями в СССР и нашим содействием Советскому Союзу в процессе его полной интеграции в мировое сообщество».

Все главы государств утвердили этот перечень в качестве итогов «исторической» первой встречи «семерки» с главой Советского государства.

Было совершенно ясно, что Запад не собирался спешить поддержать СССР. Может быть, уже имелась информация о чем-то готовившемся наподобие ГКЧП – встреча в Лондоне действительно была накануне путча. Но скорее всего, все-таки сказалась неготовность и нежелание Запада помочь «подняться» Советскому Союзу, войти *на равных* в мировое сообщество. Это была грубая ошибка.

19 августа 1991 года произошел путч. Я находился в это время с внуком Женей в санатории «Южный» километрах в восьми – десяти от дачи в Форосе, где отдыхал Горбачев с семьей. Со мной вместе в этом

санатории были Р.Н. Нишанов, П.К. Лучинский, бывший в то время секретарем ЦК, министр внутренних дел Б.К. Пуго с женой Валентиной и другие. Здесь же жили помощники президента А.С. Черняев и Г.Х. Шахназаров, которые ежедневно ездили к Горбачеву.

В воздухе пахло грозой. 17-го вечером мы с Шахназаровым прогуливались по территории санатория и говорили о том, что предстоящее через несколько дней в Огареве (под Москвой) подписание уже готового Союзного договора, предоставлявшего большие права республикам, может быть сорвано просто потому, что его активных сторонников арестуют.

Прошло уже две недели, как я находился вблизи Фороса, но Михаил Сергеевич ни разу мне не позвонил. Год назад при том же расположении – в Форосе он, в санатории я – все было по-другому. Что случилось? Толя Черняев, чувствуя какую-то неловкость, тем более что Горбачев по нескольку раз на день говорил с Нишановым, Лучинским, Пуго, уверял меня, что «шеф собирается пригласить перед отъездом». Скажу честно, мне такая «пауза» в отношениях – я не нахожу ей объяснения по сей день – не мешала прекрасно отдыхать. 16-го чета Пуго, с которыми я был в очень хороших отношениях, мой старый приятель Лучинский и я были приглашены председателем Крымского облисполкома Багровым в горы. В горах мы все

отравились, думаю, что съели арбуз с нитратной начинкой. Когда 18-го Пуго с женой, еще далеко не оправившись, вылетали в Москву, я сказал ему: «Борис, куда торопишься, побудь еще несколько дней!» Улыбнувшись, он ответил: «Не могу, нужно быть в Москве» – и больше ни слова.

18 августа, во второй половине дня, у меня и других отдохавших в санатории «ответственных работников» перестали работать телефоны спецсвязи и городской. На недоуменные вопросы разъяснили, что произошла поломка, починят. Не придавая случившемуся значения, поехал на ужин к только что прибывшему на отдых моему другу – в другой санаторий. Вернулся поздно.

В 7 утра 19 августа меня разбудил встревоженный донельзя голос: «Быстро включайте телевизор!» Передавали обращение ГКЧП. Тут же запросил срочно билеты на самолет в Москву. После первого ответа, что постараются, но все билеты уже проданы, сказал: «Как депутат Верховного Совета, имею право полететь первым же самолетом».

Вылетели днем – я с внуком вместе с ребятами из охраны. Проводили со всеми «почестями» – впереди до аэродрома шла автомашина ГАИ, а замыкала кортеж «Волга» «девятки»¹². С аэродрома позвонили в

¹² Девятое управление КГБ занималось охраной руководящего состава

Москву секретарше. Она передала моим друзьям, и меня встретили В.И. Бураковский, Н.В. Шишлин, В.А. Кузнецов, А.Н. Медведев и другие. Был рад этому – информации мало, ничто не следовало исключать: например, арестовывают в аэропорту, а я с внуком. Но все оказалось абсолютно спокойно.

Поехали ко мне домой. На улице Щусева¹³, недалеко от дома, где я жил, стоял танк. Очевидно, прикрывал «с тыла» студию грамзаписи на параллельной улице Качалова. Один из моих помощников, побеседовав с офицером-танкистом, сказал мне: «Да они выпившие!» Дома к нам присоединился Л.А. Оников, а ночью ко мне зашел живший со мной в одном доме А.С. Дзасохов. Все были единодушны в оценке: ГК-ЧП – заговор обреченных. Поспорил с Колей Шишлиным. Он отводил путчистам два-три дня, я – на два дня больше.

На следующий день в 8 утра поехал в Кремль. Пропустили, как всегда, без задержки. Через полчаса зашел к Г. Янаеву, кабинет которого находился метрах в тридцати от моего. Спросил:

– Ты что, в своем уме?

ва государства.

¹³ Название улиц дается на момент описываемых событий – позже им вернули (по-моему, не во всех случаях оправданно) старомосковские названия.

Янаев был растерян.

– Если бы отказался, как тогда в апреле (?!), – ответил он, – то... – и выразительно указательным пальцем постучал по лбу. – Что делать сейчас?

– Пойди и выступи по телевидению, отказавшись от ГКЧП.

– Женя, поверь, все уладится. Михаил Сергеевич вернется, и мы будем работать вместе.

– Что-то не верится. Нужно немедленно убрать танки с улиц Москвы, – сказал я.

Создалось впечатление – да так и было на самом деле, – что Янаев, объявленный ГКЧП исполняющим обязанности президента, то есть первым лицом в государстве, был далеко не «первой скрипкой» заговора и искренне хотел, чтобы все случившееся оказалось дурным сном. Может быть, ему становилось легче от постоянного в то время общения с бутылкой?

Николай Шишлин в споре со мной оказался прав. Пutschисты не продержались и трех дней.

Подробно говорить о том, как это произошло, нет смысла – основные события хорошо известны. Сорвать заговор удалось только потому, что страна уже стала другой. Заслуга в первую очередь принадлежала населению Москвы, Ленинграда, России. Большую роль сыграло личное мужество Ельцина. Проявилась, к счастью, и полная бездарность руководи-

телей путча.

Закончился период, в котором существовали «диссиденты в системе», и теперь система становилась другой, и диссиденты появились иные.

В службе внешней разведки

Пошел в разведку

Случайно и неслучайно

Через некоторое время после подавления путча моя судьба вновь изменилась – стал главой внешней разведки сначала Советского Союза, а после распада СССР – России. Можно ли считать это случайностью? И да и нет.

Инициатором моего перехода в разведку был В. Бакатин. Вместе с ним я работал в составе Совета безопасности. Оба выступили против переворота, устроенного ГКЧП. 20 августа утром ко мне приехал А.И. Вольский – руководитель влиятельного Промышленного союза, бывший помощник Ю.В. Андропова и мой старый добрый товарищ. Настроения в отношении путча у нас были одинаковыми. Вольский подал идею мне вместе с Бакатиным выступить с заявлением. Тут же договорились с Вадимом, и в 11.30 по каналам Интерфакса, а затем многократно по радио «Эхо Москвы» было передано за нашими двумя подписями сле-

дующее:

«Считаем антиконституционным введение чрезвычайного положения и передачу власти в стране группе лиц. По имеющимся у нас данным, президент СССР М.С. Горбачев здоров.

Ответственность, лежащая на нас как на членах Совета безопасности, обязывает потребовать незамедлительно вывести с улиц городов бронетехнику, сделать все, чтобы не допустить кровопролития. Мы также требуем гарантировать личную безопасность М.С. Горбачева, дать возможность ему незамедлительно выступить публично».

21 августа давали пресс-конференцию в помещении Промышленного союза, когда туда позвонил И. Силаев – председатель Совета министров РСФСР – и спросил, согласны ли мы с Бакатиным полететь вместе с российской группой в Форос. Сразу же ответили утвердительно, но все-таки я решил спросить по телефону мнение Б.Н. Ельцина. Он без всяких колебаний подтвердил предложение Силаева.

Нужно было спешить. В Крым уже вылетела группа, принимавшая участие в ГКЧП, и некоторые считали, что они могут посадить на борт Горбачева и увезти в неизвестном направлении. Сразу же выехали на аэродром Внуково-1. По дороге миновали уходящие из Москвы танки – поступил приказ из Министерства

обороны, фактически означавший конец попыток заговорщиков решить вопрос силой. Дорога повреждена, грязь, машины заносило. В первой ехали В. Бакатин и Н. Столяров¹⁴, во второй – я. Уже «под парами» стоял Ту-134. Нас окружили кольцом офицеры, потому что самолет штурмовала группа корреспондентов, которые требовали взять и их, но из переполненного самолета пришлось даже высадить несколько охранников.

На борту уже были И. Силаев, А. Руцкой, Н. Федоров, министр юстиции РСФСР, и группа омоновцев, в гражданской одежде, с автоматами. С нами также летели поверенный в делах Франции, несколько иностранных журналистов, корреспонденты «Известий», «Комсомольской правды», телевидения.

В самолете я предложил сделать старшим А. Руцкого. Во-первых, он единственный из нас был военным. Во-вторых, под мышкой у него на ремне висела кобура со стечкиным. В-третьих, слишком много было претендующих на начальство.

Поднялись в воздух и не знали, куда садиться. Нам сообщили, что база «Бальбек», находящаяся вблизи дачи Горбачева в Форосе, не принимает – на летную

¹⁴ Н. Столяров – депутат Госдумы, генерал-майор авиации, политический и общественный деятель, придерживающийся демократических взглядов.

полосу выкатили самолет. Позже узнали, что командующий Черноморским флотом дал команду сбить нас на подлете, а когда все-таки расчистили посадочную полосу и разрешили посадку на «Бальбек» – стрелять на поражение. Но обо всем этом узнали позже. А в самолете Руцкой распорядился: «Первые высадятся автоматчики, они образуют каре, внутри которого расположимся мы».

На военной базе «Бальбек», куда приземлились часов в восемь вечера, было подозрительно тихо. Ни души. К этому моменту Горбачеву – это тоже выяснилось позже – восстановили связь, и он дал команду о беспрепятственной посадке нашего самолета. Сразу же на двух машинах Силаев, Руцкой, Бакатин и я (по два автоматчика сидели рядом с водителями) выехали в Форос на так называемый объект «Заря». Горбачев и его семья были рады встрече. В Москву вернулись вместе.

Через несколько дней, по согласованию Горбачева и Ельцина, Бакатин стал председателем КГБ. Спустя некоторое время он мне и предложил, как я уже писал, возглавить внешнюю разведку – причем тогда уже было достоверно известно, что она выделяется в самостоятельную службу.

Вначале я настолько не был готов к такой крутой перемене в своей жизни, что вообще несерьезно отнес-

ся к этому предложению. Начисто забыл о нем во время сентябрьской поездки по Ближнему Востоку, куда полетел с большой группой представителей союзных и российских органов власти, дабы получить столь необходимые стране кредиты. Нам тогда это неплохо удалось сделать – сумма полученных только несвященных займов составила более 3 млрд долларов.

Прилетел в Москву окрыленный успехом. Во время поездок в Саудовскую Аравию, Кувейт, Арабские Эмираты, Египет, Иран, Турцию в полной мере использовал и свои связи, но главное, конечно, было не в них, а в высоком авторитете нашей страны в арабском мире. Однако для личного доклада меня никто не вызывал. Позвонил по телефону Горбачев и, не спросив ни слова о результатах поездки, предложил в условиях ликвидации Совета безопасности стать его советником по внешнеэкономическим вопросам. Я понимал, что мне «подыскивается место». Может быть, сказала в какой-то степени и обида – предложение делалось как бы мимоходом, по телефону. Так или иначе, я ответил:

– Михаил Сергеевич, мне как-то уже надоело советовать.

– Тогда соглашайся на работу руководителем разведки, мне Бакатин говорил об этом.

– Хорошо, – с ходу ответил я.

Прошло несколько дней – никто не возвращался к этой теме. Бакатин позже мне объяснил причину. Тогда уже ни одно назначение на сколько-нибудь крупный государственный пост не проходило без Б. Ельцина, который отдыхал на юге. Бакатин позвонил ему – Ельцин вначале колебался, но, по словам Вадима, он его уговорил.

Борис Николаевич к этому времени знал меня неплохо. Будучи председателем Совета Союза, я отвечал за международную деятельность Верховного Совета. Он контактировал со мной в связи со своими зарубежными поездками в качестве депутата. Однажды, например, я передал Борису Николаевичу, что его поездку в Бонн хотят использовать в антигорбачевских целях.

– Откуда вам это известно? – последовал вопрос.

– Об этом написал в телеграмме наш посол, могу вам показать.

– Не надо, – ответил Ельцин. – Я не поеду.

Я был искренне против противопоставления или, точнее, «сталкивания лбами» Горбачева и Ельцина. А это делали многие, причем с обеих сторон, и не думаю, что за этим стояли в тот период «идеологические мотивы». Исходя из убеждения в контрпродуктивности для страны противостояния Горбачев – Ельцин, я выступил перед Межрегиональной группой, со-

зданной в Верховном Совете, к которой принадлежал Борис Николаевич. Выступил и на Верховном Совете РСФСР. Поводом были слухи о том, что на союзном уровне сопротивляются созданию Российского телевидения. Это не соответствовало действительности. Пришел к Ельцину и попросил предоставить мне слово на сессии руководимого им российского парламента. Находясь на трибуне, сказал: «Хватит наводить тень на плетень».

Говорил о необходимости налаживания отношений между двумя лидерами и Г. Бурбулису, в то время очень близкому Ельцину человеку, когда он однажды зашел ко мне в Кремль, где находился кабинет председателя Совета Союза.

У меня не было никаких оснований считать, что Борис Николаевич ко мне относится негативно, но причину его колебаний в связи с назначением руководителем внешней разведки я понимал – был в «команде Горбачева», не принадлежал к окружению Ельцина, а в то время на ведущие посты расставлялись люди, которые работали с ним раньше.

Так как разведка еще не была выведена из состава КГБ, меня назначили начальником ПГУ – первым заместителем председателя КГБ. От генеральского звания отказался и нисколько в последующем не жалел об этом. Это было хорошо оценено и в коллективе,

где оперативные работники много лет дослуживались до высших офицерских званий. Да и вообще, стал бы генералом, никто бы не вспомнил, что я – академик.

Через месяц после назначения разведку выделили из Комитета госбезопасности, и она стала называться Центральной службой разведки (ЦСР). Так что пробыл первым заместителем председателя КГБ один месяц, но это отнюдь не мешает во всех моих биографических справках, опубликованных на Западе да и у нас, «жирно» подчеркивать этот период моей «карьеры».

После ликвидации союзных органов власти вышел указ Б.Н. Ельцина о создании на базе ЦСР Службы внешней разведки Российской Федерации (СВР). Сразу же позвонил Борису Николаевичу и задал далеко не праздный для меня вопрос: кто будет осуществлять этот указ?

– Это не телефонный разговор, – ответил он. – Приходите, поговорим.

В назначенный срок был на Старой площади. Тогда кабинет Б. Ельцина находился там.

– Я вам доверяю, пусть у вас не будет на этот счет сомнений, но в коллективе к вам относятся очень по-разному.

– Знаете, Борис Николаевич, если б вы сказали, что не доверяете, разговор, естественно, на этом бы и за-

кончился. Ни главе государства не нужен такой руководитель разведки, которому он не верит, ни службе, да и мне самому это абсолютно не нужно. Но меня задело то, что вас информировали о плохом отношении ко мне в самой разведке. Признаюсь, я этого не чувствую, но нельзя исключить, что ошибаюсь.

– Хорошо, я встречу с вашими заместителями.

– Некоторых уже назначил я сам. Картина будет объективной, если вы встретитесь со всем руководством – это 40–50 человек.

– Заезжайте завтра в 10 утра, и вместе поедem к вам в «Ясенево».

В 10.40 в моем кабинете собрались руководители всех подразделений СВР.

Президент Ельцин в «Ясенево»

Глава государства впервые за всю историю приехал в разведку. Причину приезда узнали не заранее, а от самого Ельцина. Повторив, что он не имеет никаких оснований для недоверия, даже заметив, что «Примаков – один из немногих в политбюро, которые не делали мне гадостей», Ельцин сказал: «Вы, разведчики, – смелые люди, поэтому я жду откровенных оценок вашего руководителя». Выступило 12 человек, и все без исключения в пользу моего назначения директо-

ром СВР. Борис Николаевич достал из кожаной папки и тут же подписал указ, добавив: «У меня был заготовлен указ и на другого человека, но теперь его фамилии я не назову».

Провожая президента, в лифте я сказал:

– Вы сняли огромный груз с моих плеч, назначив меня через такую процедуру.

– А я тоже кое-что понял, – ответил Ельцин.

Ни к источникам его информации обо мне, ни к фигуре альтернативного кандидата мы никогда не возвращались.

Итак, я – директор СВР. К неслучайным мотивам такой перемены в моей судьбе я бы отнес всю свою предшествовавшую работу, которая была связана так или иначе и с международной тематикой, и с аналитикой. Сказалось и другое. Будучи и корреспондентом «Правды», и работая в академических институтах, я выполнял ряд заданий государственного руководства¹⁵.

Многих работников в ПГУ я знал лично. Например, первым заместителем начальника был Вадим Алексеевич Кирпиченко. С ним и с его женой Лерой вместе учились в Институте востоковедения, а потом дружили многие годы. В момент моего прихода Вадим Алексеевич уже подал в отставку, но я его попросил

¹⁵ В предыдущей главе я говорил об этом подробно.

остаться и возглавить группу консультантов. Это было далеко не формальным назначением, советовался с ним, когда входил в совершенно новую для себя сферу деятельности. Кстати, этот заслуженный генерал, прошедший большую жизнь, начиная с участия в Великой Отечественной войне рядовым солдатом и кончая одним из руководителей внешней разведки, был оставлен на действительной службе, несмотря на все возрастные ограничения. И это еще раз доказывало: возраст – категория относительная. Одни могут быть стариками в 40–50 лет, другие – молодыми за семьдесят.

Вадим Алексеевич человек феноменальный. Кажется, что на него никак не накладывается отпечаток прожитых лет – блестящая память, жизнерадостность, остроумие, хорошее перо, быстрая реакция, завидная работоспособность, огромный опыт, безграничная преданность тому делу, которому он посвятил жизнь. Тесное общение с Кирпиченко очень помогло мне, особенно на первых порах.

Со многими разведчиками, создавшими себе настоящие, незабываемые имена в службе и уже ушедшими в отставку, связывали меня давние товарищеские отношения. Назову среди них А. С. Воскобая, Я.П. Медяника, Ю.И. Попова, Б.А. Соломатина, В. Н. Федорова, В.Н. Спольникова, С.М. Голубева, Д.И.

Якушкина и многих других. Для меня имела огромное значение их однозначная поддержка как бы со стороны, но, несомненно, не со стороны в традиционном понимании этого слова – ведь у каждого из них было не только имя, но и многочисленные друзья, соратники, ученики в разведке. Некоторых из них, к огромному сожалению, уже нет в живых.

В разведке на весьма важном участке в это время работал мой старый приятель по Бейруту, а потом я его встретил в Афганистане, где он был уже представителем КГБ, В.П. Зайцев. Я видел в нем человека, всегда готового поддержать, и ни разу в этом не ошибся. Вместе вспоминали, как во время гражданской войны в Ливане в 1976 году я должен был встретиться с руководителем маронитского лагеря Шамун, с которым был знаком до этого, чтобы передать ему «сигнал» о готовности Москвы сыграть посредническую роль в прекращении кровопролития. Шамун находился в президентском дворце за чертой Бейрута. От советского посольства нужно было обязательно проехать по участку, где шли бои – на параллельных улицах Абу-Румана и Шиях расположились обстреливающие друг друга христиане и мусульмане. Наш посол Солдатов предложил взять его машину и ехать под флагом. Предложение отвергли, так как, по общему мнению, оно не обеспечивало, а, наоборот,

ослабляло безопасность.

Нам повезло. Когда проезжали на двух машинах (со мной были И.П. Беляев и К.Е. Гейвандов, с которым дружил со студенческой скамьи, а за рулем второй, сопровождавшей машины сидел В.П. Зайцев), не прозвучало ни одного выстрела – на счастье, вроде в очередной раз договорились ну если не о прекращении огня, то о паузе. Приехав во дворец, решили отпустить машину сопровождения. Как только вошли в кабинет к Шамуну, раздался телефонный звонок. Ему сообщили, что только что христианская сторона расстреляла в порту более ста мусульман за то, что накануне в горах убили пять христианских юношей. И тут началось. Назад еле добрались. А выехавшую от нас ранее машину Зайцева расстреливали в упор. Он чудом остался почти невредим – пуля попала в запасное колесо в багажнике и по касательной поцарапала спину. А другому товарищу, сотруднику разведки, переломило позвоночник...

Забегая вперед, скажу, что, как только начался юго-кризис, направил генерала Зайцева на один из самых ответственных в то время участков – представителем СВР в Белград.

Из действовавших заместителей начальника ПГУ я хорошо знал и превосходно относился к Вячеславу Ивановичу Гургенову, который в качестве советника

сопровождал меня в поездках в Ирак и другие страны во время кризиса в зоне Персидского залива. Я очень благодарен этому, так рано ушедшему (в 1994 г.) из жизни, светлому, прекрасному, высокоэрудированному человеку за то, что он во многом мне помог, в том числе познать все формальности вступления в новую должность.

Заместителем, руководившим подразделениями научно-технической разведки, был и оставался весь срок моего пребывания в СВР многоопытный Алексей Анатольевич Щербаков. Его подчиненные срабатывали отлично, очень результативно, но появилась тенденция некоторой обособленности этих подразделений внутри ПГУ. Во время одной из первых бесед мы договорились с Алексеем Анатольевичем, что будем активно противодействовать этой тенденции с тем, чтобы разведка была единым коллективом.

Смена кадров в руководстве разведкой не была и не могла быть самоцелью, если руководствуешься соображениями не разрушения, а созидания. На меня в этом плане нисколько не действовали ни отдельные, по-видимому заказные, статьи, появившиеся в средствах массовой информации, ни «нравоучения» некоторых бывших работников КГБ, в том числе небезызвестного О. Калугина, который пытался отдать на алтарь перестройки разведки весь свой «богатый опыт

и знания». Советами Калугина, например «отдалиться от Кирпиченко», я, естественно, пренебрег. Знал к этому времени и об отношении к Калугину в коллективе, в том числе со стороны некогда близких ему людей. В то же время жил собственным умом и руководствовался теми соображениями, с которыми пришел в СВР.

Среди заместителей и начальников отделов, а затем управлений были проведены некоторые замены, но они носили ординарный, обычный характер.

Однако к ординарным не относилось назначение первого заместителя. Перед выделением внешней разведки в самостоятельное ведомство первым заместителем начальника ПГУ Л. Шебаршина без всякого согласования с ним был назначен сотрудник другого главка КГБ. Шебаршин в своих книгах и интервью не называл его фамилии, видимо, ничего не имел против этого человека лично, но тем не менее ушел в отставку, будучи возмущен способом, формой назначения.

Я понимал, что на посту моего первого заместителя нужен высокий профессионал, пользующийся несомненной поддержкой в коллективе, человек, которому полностью доверяю, а при создавшейся ситуации он должен быть обязательно «своим» в самой разведке.

Сразу же после своего прихода в разведку пригласил бывшего руководителя ПГУ Шебаршина и пред-

ложил Леониду Владимировичу вернуться в разведку ко мне первым замом или хотя бы консультантом. Считал, что это никак не ущемляет его достоинства: будучи при нем главным управлением, разведка превратилась в самостоятельное ведомство. О моем отношении к Шебаршину он, возможно, знал. Я был инициатором назначения его в августе 1991 года на пост председателя КГБ, в кресле которого, естественно не по моей вине, он просидел всего один день. Но Шебаршин, к моему сожалению, предложение вернуться не принял. Подумав, я пришел к выводу, что, находясь на его месте, мне тоже трудно было бы согласиться.

Мне с самого начала понравился полковник Владимир Михайлович Рожков, назначение которого первым заместителем и стало причиной отставки Шебаршина. Да и дальнейшая совместная работа убедила в его высоких профессиональных и человеческих качествах. Уверен, что он не рвался на руководящую должность в ПГУ – ему просто не повезло, так как попал в водоворот событий. Однако проблему все-таки следовало решить и с учетом произошедшей коллизии, вызвавшей негативный отклик в коллективе, и проводимой реорганизации в условиях становления внешней разведки как самостоятельного ведомства. Объяснил Рожкову, что хотел бы переместить его с поста первого заместителя на пост просто заместителя.

Владимир Михайлович сразу же, даже, как мне показалось, с облегчением согласился и ни разу впоследствии ни одним намеком не показывал своего недовольства. Через несколько лет он выехал на ответственную работу «открытым» представителем СВР в Бонн, где, к огромному нашему сожалению, в 1996 году скоропостижно скончался. Смерть этого скромного, трудолюбивого, преданного делу товарища вызвала чувство большой скорби в СВР. Добавлю, что к моменту своей смерти В.М. Рожков был уже генерал-лейтенантом.

Вообще, одной из специфических черт нашей разведки, очевидно, было и остается отсутствие фанатерии, отторжения всего «не своего». Конечно, существует кастовость – этого отрицать не следует. Но наряду с этим, именно наряду, проявляется, возможно не сразу, а после того, как достаточно присмотрелись к вновь пришедшему, доброе отношение к нему. Такая абсорбирующая способность разведки проявилась через некоторое время не только в отношении В.М. Рожкова, но и тогда, когда на должность заместителя директора СВР был назначен бывший министр внутренних дел Российской Федерации генерал армии В.Ф. Ерин. Мне сказали, что он сам просился в СВР – видимо, чувствовал, что ему будет легче вжиться в коллектив у нас, чем в некоторых других

структурах, где бы он мог применить свои силы и знания. Вскоре этот трудолюбивый, доброжелательный и скромный человек (а ведь тогда он был единственным в СВР в таком наивысшем воинском звании, которое через несколько лет после этого получил В.И. Трубников) стал органичной частью руководящего ядра СВР.

Но все-таки – кому предложить работать первым заместителем?

Сразу же после перехода в разведку мне не раз по службе приходилось иметь дело с Вячеславом Ивановичем Трубниковым. Начальника ведущего в политической разведке первого отдела, занимавшегося Соединенными Штатами, отличали эрудиция, широкий кругозор – индолог по образованию, он стал прекрасным американистом, – интеллигентность, добропорядочность (ни разу не слышал от него недобрых слов о своих подчиненных, даже когда они не оказывались на должной высоте, хотя знал о его требовательности к ним), высокий профессионализм Трубникова не вызывали никаких вопросов. Он безукоризненно прошел путь от рядового оперработника до резидента в одной из крупных стран. Характерно, что его назначение первым заместителем директора СВР прямо с поста начальника отдела не породило никакого недовольства среди моих замов и было положительно воспринято в СВР в целом. В дальнейшем работал с ним

рука об руку, а когда уходил из СВР, не было никаких сомнений в том, что он – наиболее подходящая фигура на пост директора, и с моей рекомендацией полностью согласился президент, который к тому времени уже хорошо знал Трубникова и прекрасно относился к нему.

Хотелось бы ответить авторам ряда статей о «своеобразном разделении функций» между мной – «политическим назначенцем» и профессионалом – первым заместителем. Мне, дескать, отвели функцию общего управления, связи с политическим руководством страны, а под началом первого заместителя оставалась вся оперативная деятельность СВР. Будучи глубоким, умным человеком, Вячеслав Иванович никогда не ориентировался на такое разделение ролей. В то же время по своей натуре я никогда не мог бы оставаться руководителем, если бы не занимался «профильными» сторонами деятельности того учреждения, где работал. На должность «зиц-председателя» я вообще не годился.

В. Кирпиченко, В. Гургенов, В. Трубников, многие другие плавно вводили меня в курс повседневной деятельности подразделений разведки.

В ПГУ я привел с собой только двух сотрудников – Роберта Вартановича Маркаряна, моего помощника в течение многих лет. Помощником пригласил в ПГУ

и Юрия Антоновича Зубакова. Во время его работы консультантом в Президентском совете и Совете безопасности я успел оценить превосходные рабочие и человеческие качества Зубакова и был очень рад, когда он дал согласие на мое предложение. Контр-адмирал (через несколько лет в СВР Зубаков стал вице-адмиралом), военный контрразведчик, он пришел в ПГУ не совсем «со стороны». Когда я увидел, что Зубаков, как и Маркарян, хорошо принят сотрудниками разведки и у него нет никаких проблем с адаптацией по служебной линии, я решил обратиться к Б.Н. Ельцину с предложением назначить Юрия Антоновича заместителем директора СВР по кадрам – все заместители директора внешней разведки назначаются указами президента.

Предшественник Зубакова был, как мне говорили, хорошим оперативным работником. Так оказалось и впоследствии, когда он с успехом работал на других ответственных участках и постах, но мое решение назначить на эту весьма важную должность в СВР Юрия Антоновича укрепилось после того, как мне на какой-то момент показалось, что его предшественник не очень хочет вовлекать директора в детали кадровой политики. Может быть, он искренне руководствовался стремлением «разгрузить» меня, но и в таком случае это было неприемлемо.

Размышления, которыми со мной делились мои старые друзья и новые товарищи, сама объективная действительность, с которой столкнулся, заставляли думать о многих проблемах разведки, в первую очередь о ее назначении в принципиально новых условиях. Не было никакого сомнения, что внешняя разведка должна сохраниться как важнейший государственный механизм, и, естественно, свою миссию ее начальника я видел прежде всего в укреплении этого механизма. С этой мыслью пришел в разведку и еще больше утвердился в ней, переступив порог службы. И не только утвердился, но и почувствовал, понял, что следует действовать незамедлительно.

В СВР сосредоточен цвет офицерского корпуса. В большинстве это интеллигентные, образованные люди, многие из них знают несколько иностранных языков, государственники по своему призванию и профессии. В то же время ряд сотрудников был дезориентирован происходящими переменами, в том числе и разделением на части Комитета государственной безопасности, в котором прослужили уже не один год, а некоторые – и не один десяток лет.

Не хочу противопоставлять ПГУ остальным подразделениям КГБ – большинство сотрудников комитета тоже профессионалы, честные, патриотично настроенные офицеры. Но ПГУ как-то выделялось, стояло

чуть-чуть особняком, в том числе по своим функциям. Это проявлялось не только в том, что успехи у ПГУ были, возможно, даже несколько большими, чем у некоторых других главных управлений, во всяком случае осязаемее. Но и ключевые кадры в руководстве КГБ тоже, особенно при В.А. Крючкове, рекрутировались из ПГУ.

И ПГУ по всем показателям должно было стать далеко не первым объектом, подвергшимся жесткой критике. Однако новое руководство КГБ начало пренебрежительно высказываться о работе Первого главного управления.

К Вадиму Бакатину я отношусь хорошо. Считаю его честным и порядочным человеком, в чем открыто расходился со своими новыми коллегами в руководстве ПГУ. Кстати, он искренне, хоть и наивно, думал, что, передавая США, с согласия руководства, схемы прослушивающих устройств, заложенных в бетонированные плиты здания их нового посольства в Москве, получит в ответ американские схемы и все это послужит установлению новых отношений. Но американские партнеры ограничились благодарностью.

Между тем американцы могли бы продемонстрировать в ответ «жест доброй воли». При желании им было бы нетрудно это сделать. Во время постройки нового комплекса нашего посольства в Вашингтоне

в первой очереди здания – жилом доме и poste дежурного – было выявлено в квартирах и помещениях пять типов систем подслушивания с десятками микрофонов. В результате поисковых работ, проведенных по второй очереди – административное и представительское здания, помещение поста дежурных комендантов, – бригадами Центра было обнаружено полторы сотни микрофонов и датчиков, принадлежащих к различным системам прослушивания. В 19-этажном 256-квартирном жилом здании постпредства при ООН в Нью-Йорке были тоже найдены многочисленные системы прослушивания.

Причем на пресс-конференциях и в средствах массовой информации по оперативным сообщениям сообщалось лишь о части выявленных систем. Следовательно, американцам было что «отдать», но спецслужбы США ограничились благодарностью. Мне представляется, что Бакатину не хватало реального, точного понимания обстановки. Искренне, как я уверен, борясь с теневыми сторонами деятельности КГБ в прошлом, он мог «с водой выплеснуть и ребенка»...

А из разведки продолжали уходить, в основном молодые кадры. Главное, что их подталкивало к этому, – неопределенность. В то же время хорошо подготовленных людей с отличным знанием иностранных язы-

ков с удовольствием брали в коммерческие структуры, где платили намного больше.

Именно на фоне всего этого я посчитал первоочередной задачей улучшение материального положения разведчиков. Еще при моем назначении директором СВР Ельцин подписал распоряжение об одноразовом масштабном выделении нового жилья для остро нуждающихся сотрудников СВР. Все чрезвычайно высоко оценили это решение президента.

Пригласил на работу в СВР генерал-лейтенанта И.И. Гореловского (в 1997 году ему было присвоено звание генерал-полковника). Иван Иванович оказался просто незаменимым руководителем хозяйственно-финансовой структуры разведки. Несмотря на то что президент поддерживал просьбы СВР, в том числе и о надбавках к окладу офицеров разведки, реализовать все это было ох как нелегко. Методично, нисколько не выпячиваясь, Иван Иванович делал все для закрепления кадров. Его труд был поистине титаническим. Впервые в истории разведки ее сотрудники реально получили столь большое число квартир, в том числе за счет организации собственного строительства, начали отдыхать семьями в приобретаемых СВР здравницах, улучшилось медицинское обслуживание, увеличились оклады. В результате можно считать, что СВР не проиграла по сравнению с другими

службами в социально-бытовом плане после раздела КГБ.

Такой непростой период

Но общее финансирование отставало от реальных потребностей оперативной деятельности. ЦРУ получало на свои нужды 2 млрд долларов в год, и финансирование увеличивалось, а СВР – на порядок меньше. Если учесть, что после распада Варшавского договора перестал существовать своеобразный разведывательный пул, а ЦРУ продолжало сотрудничать со спецслужбами целого ряда государств, то такой разрыв в финансировании был еще более ощутимым.

ЦРУ и английское СИС направили в свои резидентуры указания использовать в максимальной степени нелегкую ситуацию в российских спецслужбах для установления связей с отдельными их представителями. Чтобы еще больше расшатать положение в спецслужбах России, в первую очередь ЦРУ и СИС стали менять тактику и в отношении ранее завербованных сотрудников. Обычно – и это явствовало из ретроспективного анализа – предателей, вне зависимости от того, были они «добровольными заявителями»¹⁶

¹⁶ Пожалуй, одной из наиболее колоритных фигур «заявителей», то есть добровольно предлагающих свои услуги иностранной спецслуж-

или завербованы иностранной спецслужбой, как правило, пытались как можно дольше сохранять в виде «кротов» и лишь в случае угрозы провала вывозили в США, Англию, другие страны. Теперь, даже когда отдельных неразоблаченных предателей ждала перспективная работа, пренебрегая этим, подчас подталкивали к бегству из заграникомандировок.

Еще до моего прихода в разведку, в мае 1991 года, с помощью английских спецслужб перебрался в Англию находившийся в Норвегии под журналистским прикрытием подполковник Бутков. Моральный облик Буткова определяет хотя бы то, что в конце 1997 года он и приехавшая в Англию его любовница – жена

бе, был А.И. Кулак, полковник, сотрудник ПГУ, не просто участник Великой Отечественной, но получивший во время войны звание Героя Советского Союза. Находясь в заграникомандировке в США в 1962 году, он инициативно установил сотрудничество с ФБР. В предательстве Кулака не было ни грама от недовольства существовавшей в СССР системой – это хорошо знали и американцы. Но он был недоволен своим положением в этой системе, считая, что заслуживает много большего, чем быть заместителем начальника одного из отделов в ПГУ. Недовольство подогревалось постоянным и безудержным употреблением алкоголя. Уже после ухода Кулака на пенсию поступило сообщение от одного источника разведки о его предательстве. Судя по реакции Центра (что явствовало из дела Кулака, хранящегося в архиве), этому сначала не поверили. Затем пришел абсолютно независимый параллельный сигнал в отношении Кулака. Когда Кулак умер в 1984 году, уже было известно о предательстве «Федоры» (фэбээровский псевдоним Кулака). Тем не менее похоронили его с почестями из-за опасения за безопасность источников. Посмертно он был лишен государственных наград.

другого сотрудника роспосольства в Осло, на которой он впоследствии женился (свою супругу Бутков бросил, она живет в России), – были арестованы британскими властями и осуждены к тюремному заключению за преступные финансовые махинации в их предпринимательской деятельности. А сколько в некоторых средствах массовой информации, в том числе российских, писалось об «идеологическом борце» Буткове, вынужденно связавшемся с английской разведкой, о «характерном для КГБ провале в Норвегии» и так далее и тому подобное.

В начале 1991 года не вернулись из заграничной командировки два сотрудника научно-технической разведки – подполковник Илларионов, работавший в Италии под прикрытием должности вице-консула в Генуе, который при содействии американских спецслужб выехал в США, и майор Гайдук, работавший старшим инженером в торгпредстве в Оттаве.

Уже при мне, в 1992 году, бежали в США два сотрудника СВР: из Бельгии и Финляндии. И самым, пожалуй, крупным предателем оказался полковник Оценко, находившийся в командировке в Париже. Он был завербован английской спецслужбой и тайно вывезен в Великобританию. Все трое тоже были из научно-технической разведки, а Оценко даже ждало повышение в Центре, куда он должен был вскоре прибыть, так как

его загранкомандировка близилась к завершению.

Что сыграло основную роль в его поспешном бегстве? Ознакомившись с выводами специально созданной комиссии, я заключил, что, может быть, он побаивался возвращения, так как перед новым назначением в Центре должен был пройти очередную проверку, которая с большой вероятностью могла бы показать его преступную нечистоплотность, – как выяснилось, Ощенко уворовывал из средств, выделяемых ему для расчетов с источниками. Что касается наших достоверных данных, то мы знали: Ощенко представил своим хозяевам из СИС, наряду со списком агентуры, совершенно другую версию своего поспешного ухода из Парижа.

К слову сказать, мы сразу же отступили от той практики наказания в той или иной форме тех, кто давал перебежчику положительные характеристики, начиная чуть ли не с учебных заведений. Жизнь показывала, что в ряде случаев те черты характера, которые приводили к измене, возникали не во «младенчестве». Мы стали анализировать недостатки в работе подразделений Центра и резидентур. Это было сделано со всей принципиальностью при участии А.Л. Щербакова, курировавшего научно-техническую разведку.

Я здесь пишу о предателях. А сколько было неудав-

шихся вербовочных подходов за это время к сотрудникам наших спецслужб, особенно перед тем, как они заканчивали свою работу в заграничных учреждениях и возвращались в Россию.

Став директором СВР, я ознакомился с документом Центрального разведывательного управления США по методике вербовочной работы. ЦРУ создало своеобразную «модель вербуемости», выделяя такие черты объекта, как «двойная лояльность», самовлюбленность, тщеславие, зависть, карьеризм, меркантилизм, сексуальная неразборчивость, склонность к пьянству. Особое внимание обращалось на неудовлетворенность служебным положением, семейными отношениями, жизненные трудности, сопровождаемые стрессами.

В документе приводилось три типа объекта вербовочных устремлений: «авантюрист» – ориентируется на достижения максимального успеха любыми средствами, стремится к более существенной роли, которая, как он считает, соответствует его данным; «мститель» – месть за свои обиды либо конкретным людям (руководителям), либо обществу в целом; «герой-мученик», стремящийся любой ценой выйти из неблагоприятного для него стечения обстоятельств.

Что касается идеологической, политической подоплеки вербовки, то в «модели» ЦРУ она, должно быть,

отсутствовала не случайно. По словам двух бывших директоров ЦРУ, Р. Хэлмса и У. Колби, они не знали ни одного советского или российского перебежчика, который перешел на сторону противника по идеологическим соображениям.

С феноменом предательства я столкнулся еще задолго до того, как возглавил СВР. Работал в «Правде» в то время, когда арестовали Пеньковского – сотрудника Государственного комитета по науке и технике, полковника ГРУ. Масштабы того урона, который он нанес обороноспособности СССР, несомненно были более чем значительными. Его вербовка была успехом ЦРУ. Все это бесспорно. После того как советская контрразведка установила его связи с представителями Центрального разведывательного управления США и он был арестован, в зарубежной печати, как это обычно бывает, стали создавать вокруг него ореол героя.

В то время Пеньковский уже сидел на Лубянке, и одному из моих коллег по «Правде» предложили написать о нем материал в газету. Ему устроили встречу с Пеньковским, который тогда еще не знал, что объявлено во всеуслышание о его задержании, – очевидно, таков был прием следствия с целью получить как можно больше его признаний. Так или иначе, но, по словам корреспондента «Правды», Пеньковский при-

нял его за представителя ЦК («где-то я вас видел») и умолял использовать его несомненные возможности и связи для двойной игры. «Я сделаю все, – говорил Пеньковский, – чтобы нанести соизмеримый с моим отступничеством вред американцам». Это ли не раскрывает истинный облик такого «героя»?

Нечто подобное было и с О. Гордиевским – бывшим заместителем резидента внешней разведки в Лондоне, которого завербовали еще во время его работы в Дании. Много интересного и необычного о деле Гордиевского мне рассказал один из бывших руководителей внешней контрразведки ПГУ. Гордиевский, который попал под подозрение, был вызван в Москву якобы для оформления его назначения резидентом. Во время продолжительного дебрифинга (активное целенаправленное собеседование), который проводил рассказывавший мне об этом генерал в отставке, Гордиевский был близок к признанию, и он стал зондировать возможность своего активного использования против англичан, даже предлагал различные «гарантии» того, что будет «надежно» действовать на этом направлении. Об этом результате первого дня работы с Гордиевским доложили руководству КГБ.

Работники внешней контрразведки были уверены, что на следующий день он полностью признается во всем. Но вдруг поступил приказ: дебрифинг прекра-

тить, наружное наблюдение с Гордиевского снять, направить его на отдых в подмосковный санаторий. Оттуда он и сбежал и был английской разведкой тайно переправлен через границу с Финляндией.

Я ознакомился с материалами дела Гордиевского. Любопытство подогрел вышеприведенный рассказ отставного контрразведчика. Широко распространена, например, версия о том, что сведения о шпионской деятельности Гордиевского были получены от О. Эймса. Этой версии придерживается и сам Гордиевский. Оказалось, что разоблачение Гордиевского носило далеко не «одноразовый» характер. Советской разведкой были получены в свое время сведения из Дании, страны, где Гордиевский находился в двух командировках. Датчане дали британским спецслужбам первичную информацию о нем как о «перспективном на вербовку» сотруднике советской разведки и помогли в 1974 году вывести на него британского резидента в Копенгагене Роберта Фрэнсиса Броунинга.

Эти сведения вначале подверглись сомнению. Затем насторожил косвенный сигнал уже из Великобритании от агента. Это подтолкнуло к серьезному анализу, одним из выводов которого был тот факт, что подозрительно «выводились из игры» те работники резидентуры в Лондоне, которые стояли выше Гордиевского: в 1983 году был выдворен заместитель ре-

зидента, его непосредственный начальник; в апреле 1984 года был объявлен персоной нон-грата резидент Аркадий Гук. Не расчищали ли таким образом Гордиевскому путь к руководству резидентурой?

Тогда и созрело решение вызвать его в Москву и поработать с ним непосредственно.

Дело Гордиевского еще больше утвердило в мысли о необходимости усилить и упорядочить работу внешней контрразведки. При этом нужно было обойти несколько «подводных камней». Такое усиление не должно было привести к атмосфере подозрительности в СВР и не разрушать обстановку доверия к сотрудникам. Одновременно следовало избавиться от любых проявлений беспечности. Не было сомнения в том, что служба безопасности в разведке должна быть собственной, дабы к любому нашему сотруднику не могли бы подойти работники зарубежных спецслужб под «чужим флагом». Вместе с тем служба собственной безопасности СВР должна самым тесным образом взаимодействовать с ФСБ, на что и была ориентирована.

Наконец, далеко не простой вопрос с реализацией получаемой информации. Как сделать так, чтобы и не расшифровать наши ценнейшие источники, и срочно принять меры в отношении разоблаченных предателей. А бывало и так, что нами самими проявлялась

нерасторопность, граничащая с халатностью. Вот, например, история предательства Резуна, с делом которого в архиве СВР я ознакомился.

В конце мая 1978 года советская внешняя разведка получила сообщение своего источника в британских спецслужбах (теперь об этом уже можно сказать) о том, что в течение года английская разведка через свою швейцарскую резидентуру и с использованием специально направляемых в Швейцарию сотрудников центрального аппарата ведет работу с завербованным ею сотрудником резидентуры ГРУ в Женеве.

Все началось с его обращения в июне 1977 года в офис одного английского издателя в Женеве, являвшегося агентом британской разведки (СИС), с просьбой подобрать для него литературу по последним разработкам в области вооружений. Он объяснил свой интерес тем, что публикует материалы по военной тематике в советских специализированных журналах, получая значительные гонорары. Воспользовавшись таким поворотом в разговоре, английский издатель предложил и Резуну «с такой же целью» дать сведения о советских танках. Советский дипломат согласился на их публикацию за соответствующее вознаграждение, но без ссылок на источник.

Получив эти данные, СИС решила вести дело к вербовке. Агенту поручили продолжить работу с нашим

гражданином, предоставить ему необходимую литературу, при этом всячески поощряя его к передаче сведений англичанам. Такая работа проводилась в течение еще нескольких встреч сначала в кафе и ресторанах, а затем на квартире женщины – агента британских спецслужб. Встречи на квартире легендаровались якобы заинтересованностью Резуна (англичане уже предполагали его принадлежность к военной разведке) приобрести у дамы стереосистему.

Знакомясь с делом Резуна, я не мог не удивиться, с какой скрупулезностью наш источник информировал о мельчайших подробностях вербовочной работы, осуществляемой СИС. Только на пятой встрече агент-издатель сказал Резуну, что его информация высоко оценена и ему полагается вознаграждение. Тот пришел в большое волнение, заявил, что нуждается в деньгах и готов дать другие сведения на тех же условиях. Англичане решили, что настало время подключать к делу сотрудника-профессионала, и командировали в Женеву опытного разведчика, владеющего русским языком.

На состоявшейся встрече, организованной все тем же агентом, Резун признался в принадлежности к ГРУ, назвал свое воинское звание – капитан – и согласился сотрудничать с СИС.

Любопытно, что, несмотря на его разглагольствова-

ния о несогласии с режимом, утверждение о том, что отец и мать его были якобы репрессированы, британская разведка на основе изучения его личности пришла к четкому убеждению: основным мотивом его сотрудничества является материальная выгода.

Полученные сведения не вызывали ни грана сомнений в их достоверности. От этого же источника наша внешняя разведка получила полный список тех сотрудников СИС, которые работали по Резуну¹⁷. Однако, поскольку сведения были получены от особо оберегаемого источника, подключать к работе с ними можно было только очень ограниченный круг. Но дело было не только в этом. Речь шла о сотруднике ГРУ – другого разведывательного ведомства, и нужно было тщательно продумать согласование всех необходимых мероприятий. Не исключаю, что согласованию мешала существовавшая некоторая разобщенность между двумя нашими спецслужбами.

Так или иначе, но 8 июня 1978 года Резун связался

¹⁷ Кстати, в этом списке значился и Сесил Десмонт Хью. Так как весь период: своей деятельности в британской разведке он специализировался на работе по советским, а затем российским гражданам, к Хью было привлечено наше особое внимание. Это не помешало российской стороне после ухода Хью из разведки (даже, возможно, легендированного) дать ему визу на въезд в Россию, чем он неоднократно пользовался. Решение об этом было принято в расчете на взаимность. Однако расчет этот, к сожалению, не оправдался.

со своими хозяевами из британской разведки, обрисовал ситуацию таким образом, что находится на грани провала, и был вывезен с семьей через аэропорт в Базеле в Великобританию.

Наш источник сообщил, что уход Резуна не привел СИС в уныние. Весь период сотрудничества с англичанами Резун постоянно боялся разоблачения, опасался досрочного отзыва в Москву за бездеятельность (он даже оказался неспособным реализовать предложение англичан помочь ему в вербовке иностранца для повышения престижа в резидентуре ГРУ).

Так подробно я рассказываю о деле Резуна еще и потому, что он сейчас фигурирует на Западе чуть ли не как крупный писатель, который в своих книгах и интервью, будучи «идейным борцом» за свободу, поведал миру о «невероятных преступлениях ГРУ».

Очень хорошо о мотивах предательства пишет в своей книге В. Кирпиченко: «Во всех известных случаях предательства никаких идеологических мотивов не просматривается. Причины его самые прозаические и низменные: казнокрадство и, как следствие, вербовка иностранной спецслужбой на основе компрометирующих материалов; бегство от больной или нелюбимой жены; уход от семьи с любовницей; пьянство и деградация личности на этой основе; трусость, проявлен-

ная при столкновении с иностранной спецслужбой; патологическая жадность к деньгам и вещам; половая распущенность; боязнь ответственности за промахи в служебной деятельности; бездушное или неприязненное отношение к своим ближайшим родственникам и даже желание отомстить своему начальнику ценой собственной измены. В этом далеко не полном наборе мотивов предательства возможны самые удивительные сочетания и комбинации»¹⁸.

Бросается в глаза схожесть черт объекта вербовки в модели ЦРУ с признаками предательства, описанными Кирпиченко. Очевидно, что и наши спецслужбы руководствуются аналогичным «набором» в своих вербовочных подходах. Конечно, заинтересованность в разработке и привлечении на свою сторону, особенно работников спецслужб других стран, проявляют все разведки мира. Но...

Почему прекратили вербовку Белгарда

В то время, когда я пришел в «Ясенево», уже обозначилось резкое снижение активности в той части работы, которая называется в разведке «человече-

¹⁸ Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 316.

ским фактором». После августа 1991 года многие находились в ожидании. Сказывалась не только некоторая растерянность в связи с реорганизациями и перестановками, – ряд руководителей спецслужб, в том числе ПГУ, а на первых порах и СВР, избегали таких острых мероприятий, как разработка сотрудников спецслужб противоположной стороны, чтобы не осложнить отношения с западными государствами. Все еще ждали, что и они пойдут хотя бы на изменение форм своей работы.

В этом отношении очень характерным было дело кадрового сотрудника ЦРУ Леонарда Хермана Белгарда, о котором мне подробно доложили. Судя по «файлу», мы знали всю его подноготную. Белгард, 1946 года рождения, в совершенстве владеющий русским языком, говорящий свободно на французском и испанском и в меньшей степени – на немецком и шведском, поступил на работу в Центральное разведывательное управление США в 1978 году. До этого он был юрисконсультom ряда филиалов западногерманских фирм в Соединенных Штатах. Еще во время его первой командировки в Мексику, где он работал под прикрытием третьего секретаря посольства США, Белгард, активно устанавливающий контакты с сотрудниками посольства СССР, попал в поле зрения нашей внешней разведки.

С июля 1981 по август 1983 года Белгард находился на работе в генконсульстве США в Ленинграде, с июля 1982-го был назначен руководителем опергруппы ЦРУ. Весь этот «ленинградский период» Белгарда был полностью прозрачным для КГБ – в результате потерпел провал один из его ценных агентов. В Лэнгли, судя по всему, были далеки от определения истинной причины провала, и Белгард был в октябре 1983 года направлен в очередную командировку в Женеву под прикрытием сотрудника постоянного представительства США при Европейском отделении ООН. Располагая о нем значительным объемом информации, ПГУ активно отслеживало его и в Женеве. В частности, под непосредственным контролем нашей внешней разведки Белгард вел разработки двух советских граждан, а также девяти представителей ГДР, Чехословакии, Польши, Болгарии и Венгрии. Через этих лиц было доведено до Белгарда немало дезинформационных сведений.

С октября 1988 по июль 1991 года он уже находился в командировке в Швеции, получив повышение и работая заместителем резидента ЦРУ под прикрытием первого секретаря американского посольства. Мы знали, что, помимо своего главного интереса – установления отношений с сотрудниками советских учреждений в Швеции, – Белгард поддерживает свя-

зи с агентурой американских спецслужб из числа советских граждан, прибывающих на встречи в Швецию, другие Скандинавские страны. При этом американец выступал под вымышленными фамилиями, менял свою внешность.

Хотя Белгард, судя по нашим данным, считался в ЦРУ опытным и удачливым специалистом, в результате одного из просчетов в работе с советским гражданином он был спешно переведен в Париж в сентябре 1991 года. В Лэнгли, наверное, посчитали, что «сбой» в Стокгольме – это единичная неудача Белгарда.

На основе многолетней игры была детально отработана операция с целью привлечения этого представителя ЦРУ к осознанному сотрудничеству с внешней разведкой России. Расчет делался на то, чтобы раскрыть американцу истинное положение вещей, когда в течение многих лет он практически работал под контролем ПГУ, а затем СВР, и одновременно предложить ему организовать «очередной успех», чтобы еще больше укрепить свою профессиональную репутацию. Операция, по мнению тех, кто ее готовил, имела большие шансы на успех. Однако было принято решение от мероприятия воздержаться. Правильно ли мы поступили? Не могу однозначно ответить сегодня на этот вопрос.

Вскоре после команды прекратить разработку Бел-

гарда мы получили от нашего весьма надежного источника документальное подтверждение, что в зоне интересов ЦРУ была не только информация о раскладе в российском руководстве, его возможных действиях внутреннего и внешнего плана, претворении в жизнь договоренностей о передислокации ядерного оружия с Украины и из Казахстана на территорию России, надежности охраны ядерных материалов, но и целенаправленная работа по разложению тех государственных структур, которые могли бы служить России для сохранения статуса великой державы, недопущению тесной группировки вокруг Москвы суверенных стран СНГ.

Все окончательно встало на свои места после выступления перед сотрудниками директора ЦРУ Гейтса, подчеркнувшего, что «человеческий фактор» остается основным в деятельности американской внешней разведки. А ведь был шанс хотя бы несколько притупить этот фактор, возможно, выработать новые правила поведения на разведполе. Но мяч оказался не в наших руках.

Еще раз убедился в этом во время своей поездки в США в ноябре 1991 года. Уже будучи директором Центральной службы разведки, принял участие в семинаре американо-советской рабочей группы по проблемам стратегической стабильности. С американ-

ской стороны во встрече участвовали ряд руководителей Госдепартамента, заместитель министра обороны П. Вулфовиц и его коллеги из руководства Пентагона, включая тогда еще заместителя председателя Комитета начальников штабов генерала Шаликашвили, некоторые высшие представители Совета национальной безопасности и, что было самым важным для меня, Фриц Эрмартс – председатель Национального совета разведки ЦРУ. Директор ЦРУ предпочел на том этапе со мной не встречаться, и это тоже воспринималось как определенный сигнал.

Выступая на встрече, я сказал о том, что существует большое поле совпадающих интересов для разведок двух стран – в противодействии международному терроризму, наркобизнесу, организованной преступности. Остановился и на конкретных способах осуществления такого сотрудничества: обмену развединформацией, разработке и осуществлению совместных мероприятий по предотвращению или розыску и задержанию исполнителей преступных акций, взаимодействию в пресечении распространения ядерного, химического и биологического ОМУ, а также незаконной торговли оружием.

Сказал и о «правилах поведения», среди которых назвал отказ от методов насилия (похищения отдельных лиц, принуждения к сотрудничеству), психотроп-

ных препаратов. Заявил, что формы и методы развед-работы должны отвечать принципам гуманности, уважения прав человека и достоинства личности. Меня внимательно выслушали, но никакого конкретного ответа на свои предложения я не услышал.

Шанс был и потому, что во многом менялись настроения людей в нашей службе. Непосредственное влияние на них, несмотря на инерционность мышления наших западных партнеров, не мог не оказать отход от статичной идеологизированной модели международных отношений. Сохранение в неприкосновенности всего того, что было во время холодной войны, неминуемо привело бы нашу внешнюю разведку к неостребованности и в конечном счете к самоликвидации.

Но дело было главным образом не в стремлении «самосохраниться». Во внешней разведке работали люди, отлично осознающие смысл перемен, происходящих за ограждениями, которые отделяют штабквартиру СВР в Ясенева от остальной части страны. Да, были и те, кто жил старым, даже мечтал о возврате тех времен, когда КГБ занимал одно из важнейших мест в руководстве страной. Но таких было меньшинство. Большинство приветствовало перемены, расширение демократии, отказ от идеологической зашоренности.

Абсолютно беспочвенны примитивные суждения о «молчаливом неприятии» основной частью сотрудников СВР отхода от тоталитаризма в России, об «устойчивом консерватизме» или «профессиональной конфронтационности» разведчиков – а в начале 90-х годов об этом упорно твердили в ряде средств массовой информации.

Мои новые коллеги не раз с болью говорили о том, что разведка больше, чем любая другая структура, пострадала в сталинские времена. В 1937-м были репрессированы, расстреляны практически все работники зарубежных резидентур, почти все руководители в Центре. Основной костяк ныне работающих во внешней разведке не имеет ничего общего ни по своим настроениям, ни по своей профессиональной подготовке с менталитетом и уровнем некоторых «партийных назначенцев» в службу после этих репрессий и расстрелов.

Характерно, что руководитель архивного подразделения СВР по своей инициативе принес мне некоторые дела работников тех времен, как бы демонстрируя ту пропасть, которая отделяла нынешних сотрудников разведки от таких «назначенцев».

Несколько томов составляли дело «Захара» – псевдоним Амаяка Захаровича Кобулова. В деле значилось, что он окончил пять классов, курсы счетоводов,

работал счетоводом на заводе, производящем бутылки для розлива боржоми, потом стал бухгалтером в НКВД Грузии, который в то время возглавлял Берия. Здесь и началась его головокружительная карьера – в 1940 году Кобулов был назначен резидентом в Берлин.

Меня заинтересовали эти тома и по другим соображениям. Как известно, много писалось о том, что Сталин не верил в возможность нападения Германии на СССР летом 1941 года, считая все поступающие сигналы об этом дезинформацией Англии. Оказывается, были и другие источники, которые убеждали Сталина в «ложности» таких сигналов.

В деле «Захара» находится, по-видимому продиктованное Кобуловым, донесение в Центр о вербовке Берлингса (псевдоним «Лицеист») – представителя одной из газет Латвии в Берлине. Это донесение, датированное 21 августа 1940 года, говорит само за себя:

«В одном из ресторанов Берлина я, «Лицеист» и «Философ» (один из оперработников берлинской резидентуры. – *Е. П.*) затронули вопрос о новом государственном строе (в странах Балтии. – *Е. П.*). «Лицеист» хотя и молодой, но очень культурный, образованный человек. Он сказал, что всецело поддерживает стремление советской власти, направленное на освобожде-

ние трудящегося человечества. После общего разговора я поставил перед ним вопрос о его дальнейших перспективах. «Лицеист» ответил, что он сам не знает, так как у него незаконченное высшее образование, русский язык знает весьма слабо, следовательно, ему будет очень трудно учиться в Советском Союзе. Весь вопрос упирается в материальные средства.

Он, как корреспондент латвийской газеты, с 01.10.40 освобождается от своих обязанностей, таким образом лишается источника существования. Тогда я сказал, что мы его поддержим, если он нам поможет, подчеркнув, что связь с ним должна носить тайный характер. Для выполнения наших заданий «Лицеист» должен остаться в Германии.

«Лицеист» был удивлен таким предложением, высказал опасения за свою жизнь, если узнают немцы... Я его успокоил и обещал в случае необходимости обеспечить выезд из Германии. Что касается опасения за расшифровку, предложил ему не болтать о связи с нами, даже своей жене. После некоторых колебаний «Лицеист» согласился. Хочу отметить, что «Философа» беру потому, что «Лицеист» плохо говорит по-русски, а я тоже не блещу немецким. «Философ» и я обоюдно разъясняем».

Читая этот примитивнейший рассказ о вербовке, я подумал о том, насколько огромен тот путь, который

прошла наша разведка с тех злополучных годов – конца 30-х – самого начала 40-х – до сегодняшних дней.

Но вернемся к дальнейшей работе с «завербованным» «Лицеистом». В деле «Захара» находится протокол допроса 21 мая 1947 года арестованного Мюллера Зигфрида¹⁹, уроженца Штутгарта, 1916 года рождения, немца, с высшим образованием, бывшего члена национал-социалистической партии, служил в гестапо в отделении 4-Д, которое под руководством Шрейдера работало по советскому посольству и вообще по русским, находящимся в Германии, с 1940 года перешел в абвер.

Привожу выдержку из этого протокола.

На слова Мюллера «Кобулов был нами довольно ловко обманут» последовал такой диалог.

«Вопрос. В чем выражался этот обман?

Ответ. К Кобулову в августе 1940 года был подставлен агент германской разведки латыш Берлингс, который по нашему заданию длительное время снабжал его дезинформационным материалом.

Вопрос. Откуда у вас такая уверенность, что вам

¹⁹ Известно, что особенно в 50—60-х годах распространялись слухи в Германии и других странах: дескать, руководитель гестапо Мюллер находится в Советском Союзе. Это не соответствовало действительности. Я не исключаю при этом, что поводом для таких слухов был арест и задержание однофамильца Мюллера, который тоже работал в гестапо, но не на той должности.

удалось обмануть Кобулова? Может быть, наоборот, Кобулов водил вас за нос?

Ответ. Я твердо уверен, что Кобулов не подозревал об обмане. Об этом свидетельствует тот факт, что Кобулов в беседах с Берлингсом выбалтывал ему некоторые данные о политике советского правительства в германском вопросе. Как мне известно со слов работника германской разведки, полковника СС Ликуса, руководившего работой Берлингса, сведения, полученные из бесед с Кобуловым, представляли интерес для Германии и его донесения докладывались Гитлеру и Риббентропу.

Сам агент Берлингс удивлялся словоохотливости Кобулова и заявлял, что Кобулов поступает весьма неосторожно. Например, Берлингс говорил мне, что ему удалось настолько влезть в доверие к Кобулову, что последний рассказывал ему даже о том, что все его доклады он направляет лично Сталину и Молотову. Очевидно, все это позволило Гитлеру рассматривать Кобулова как удобную возможность для посылки дезинформации в Москву, в связи с чем он лично занимался этим вопросом. Материалы, предназначенные для передачи Кобулову, прежде Риббентропом докладывались Гитлеру и только с его санкции вручались агенту Берлингсу, который после этого относил их Кобулову».

Так продолжалось с августа 1940 года вплоть до нападения Германии на Советский Союз.

Показания Мюллера не единственное свидетельство «игры» немцев через агента-двойника. В германских архивных документах, опубликованных после войны, есть ссылки на донесения Орестеса Берлинга, которому немецкой разведкой было присвоено кодовое имя «Петер». В сопроводительных документах его донесений, в том числе на имя Риббентропа, он называется «немецким агентом в советском посольстве».

А вот несколько выдержек из обобщенных документов Центра, основанных на информации, полученной от Кобулова со ссылкой на «Лицеиста», которые направлялись на самый советский верх.

«Свои задачи политики Германии видят в том, чтобы:

1. Избежать войны на два фронта. При этом важно обеспечить хорошие отношения немцев с Россией...
2. Урегулировать возникшую на Балканах проблему (в Румынии). Ситуация вызвала осложнение отношений с Россией. Но важно не допустить возникновения конфликта с ней из-за этого.

Создание Восточного Вала преследует цель оказать влияние на СССР и побудить его к мерам по укреплению дружеских отношений с Германией» (справка 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР с изложе-

нием агентурного сообщения «Лицеиста»).

За полтора месяца до этого Берия докладывал Сталину на основе информации, полученной от «Лицеиста», что 22 октября 1940 года Риббентроп обсудил с Гитлером подготовленный германским МИДом план, одним из элементов которого является заключение пакта СССР с Японией, «чтобы показать миру полный контакт и единение между четырьмя державами» (Германией, Италией, Японией и СССР).

В то время, когда надежные источники наших разведслужб – Шульце-Бойзен Харро («Старшина»), Харнак Арвид («Корсиканец») и другие «бомбили» информацией о готовившемся нападении Германии на СССР, о том, что именно этой цели служит концентрация немецких войск у его границ, а Ильзе Штёбе («Альба») в феврале 1941 года сообщила об основных положениях плана «Барбаросса», направлениях готовившихся немецких ударов по СССР, нарком государственной безопасности Меркулов направил менее чем за месяц до начала войны (25 мая) записку на имя И.В. Сталина, В.М. Молотова и Л.П. Берии, в которой со ссылкой на донесения «Лицеиста», в частности, говорилось: «Война между Советским Союзом и Германией маловероятна, хотя она была бы очень популярна в Германии, в то время как нынешняя война с Англией не одобряется населением. Гитлер не может

идти на такой риск, как война с СССР, опасаясь нарушения единства национал-социалистической партии... Германские военные силы, собранные на границе, должны показать Советскому Союзу решимость действовать, если ее к этому принудят. Гитлер рассчитывает, что Сталин станет в связи с этим более сговорчивым и прекратит всякие интриги против Германии, а главное, даст побольше товаров, особенно нефти».

Нужно сказать, что несколько профессионалов, продолжавших работать в 5-м отделе ГУГБ НКВД (внешняя разведка), судя по материалам дела «Захара», не были в восторге от деятельности резидента в Берлине. Но Кобулов «мастерски» нейтрализовал такие настроения письмом в Центр, в котором намекал на свои тесные связи с Берией.

Полагаю, что определенное недоверие к «Лицеисту» нашло отражение и в указании начальника 5-го отдела П.М. Фитина Кобулову выяснить у Берлингса, какие части германской армии переброшены на границу с СССР. По словам Мюллера, когда Кобулов поставил соответствующую задачу перед Берлингсом, состоялся совет с абвером и выше. Решили, что в условиях готовящейся войны правдивую информацию давать нельзя, а дезинформация может быть установлена и Берлингс «сгорит». Поэтому было по-

ручено ему сказать, что у него нет источников в военной сфере.

Как явствует из очередного донесения Кобулова в Центр, он счел такой ответ «показателем искренности «Лицеиста». А в Центре в ответ промолчали...

Конечно, описанный эпизод с Кобуловым не мог характеризовать деятельность разведки в целом, даже в тот нелегкий предвоенный период, не говоря уже о военном и послевоенном времени, когда внешняя разведка встала на ноги и играла роль, которую трудно преувеличить.

Поэтому мои коллеги в то время, когда я пришел в СВР, сочетали в себе неприятие отрицательного прошлого с полным нежеланием отказываться от традиций. Большинство было далеко от огульного осуждения всего того, что было до них. Они одновременно не принимали низкопоклонства перед абстрактной западной цивилизацией и не разделяли стремления не замечать продолжающуюся практику враждебных действий иностранных спецслужб. Я не только понимал такое большинство, но чувствовал себя его частью.

И такая принадлежность ни в коей мере не мешала внедрять в деятельность разведки новые ориентиры, методы, способы работы. Наоборот, помогала этому.

И все-таки перемены

Прежде всего следовало исходить из того, что с окончанием холодной войны не ушло противоборство на межгосударственном уровне. Однако нам нужно было учесть, обязательно учесть, что суть, формы и направления такого противоборства изменились. Вместо разрушенной одной главной «баррикады», основывающейся на идеологическом фундаменте, появилось множество «баррикад», базирующихся на несовпадающих государственных интересах. Расклад таких «баррикад» динамичен, их контуры меняются.

В преломлении к разведке это сфокусировалось на новом понимании понятия «противник». Мы все в руководстве СВР хорошо представляли себе, что с окончанием холодной войны понятие «противник» не исчезает. Нет, как прежде, раз и навсегда обозначенного главного «противника» – ГП, как мы его в прошлом величали, но противники у нас могут быть в каждой ситуации, если акции других государств планируются или осуществляются вразрез с национальными интересами России. Разведка в таких условиях должна противодействовать противнику, однако не раз навсегда данному, а выявленному в результате его кон-

кретной практики, которая наносит ущерб интересам России, в первую очередь таким жизненным, как территориальная целостность, обороноспособность, интеграционное сближение стран СНГ, стабильность ситуации по периметру границ, обеспечение условий, при которых Россия входит в мировую экономику как полноправный участник.

Одновременно мы приняли ту реальность, которая свидетельствовала: при отходе от конфронтационного противостояния значительно расширяются поля совпадения интересов между государствами, растет заинтересованность в международном сотрудничестве, направленном против общих для всех угроз – терроризма, организованной преступности, наркобизнеса, распространения оружия массового поражения. Мы не могли игнорировать и не игнорировали факт стремления ряда государств к урегулированию опасных межнациональных, межэтнических конфликтов. Мы хорошо понимали, что в политике России и многих других стран все отчетливее обозначается тенденция – защищать свои интересы без перевода межгосударственных отношений на конфронтационные рельсы.

Необходимость адаптироваться к новым реалиям вела к отходу от глобализма, тотальности в работе внешней разведки.

Во время холодной войны основным направлением

ее деятельности было получение упреждающей информации о планируемых против СССР мероприятиях нашего в то время главного противника – Соединенных Штатов, а также добыча данных по вооружениям и их образцов, что усиливало нашу боеспособность. Именно это предопределяло глобализм в работе внешней разведки, ее, если хотите, «всеядность». Теперь приоритеты разведки явно смещались, диверсифицировались.

В ноябре 1991 года я дал указание отменить программу обнаружения признаков возможного ракетно-ядерного нападения на нашу страну (ВРЯН). В течение десяти лет большие финансовые и людские ресурсы затрачивались на подготовку формальных, но обязательных раз в две недели докладов в Центр об отсутствии показателей подготовки внезапной ядерной атаки, включая и такие «индикаторы», как число освещаемых в ночное время окон в Пентагоне и министерствах обороны других стран.

Эта программа была типичным анахронизмом. Но значит ли это, что мы отказываемся от отслеживания намерений других государств в военной области? В руководстве СВР не было колебаний по этому вопросу. В новых условиях в центр внимания была поставлена задача получения данных о развитии вооружений, особенно с учетом возможного выхода на новые

системы, способные дестабилизировать обстановку. СВР должна была учитывать и тот факт, что Россия в военном отношении стала слабее, чем был Советский Союз. Когда мы справедливо отказались от непосильного для страны и народа военно-промышленного перекоса народного хозяйства, но делали и продолжаем делать это в условиях экономического кризиса и ряда серьезных недоработок, ошибок в конверсии и в военном строительстве, следовало исходить из того, что роль разведки в обеспечении безопасности России даже возрастает.

Вместе с тем оставалась приоритетной политическая разведка – получение информации о намерениях других государств, особенно в отношении России. Российское руководство, например, обоснованно интересовалось, действуют ли зарубежные круги и кто конкретно в направлении дезинтеграции России. СВР после тщательной проработки проблемы сообщила, что на время доклада не обладает данными о такой направленности государственной политики США и других ведущих западных стран. Слишком опасным считается подводить к черте, переход за которую может привести к непредсказуемым последствиям, тем более в стране, «напичканной» ядерными боеголовками. Но в целом СВР не отрицала существования внешней угрозы территориальной целостности Рос-

сии. Эта угроза (в максимально возможной степени приводились конкретные данные) исходит главным образом из тех зарубежных кругов, политических организаций националистического или религиозно-экстремистского толка, которые непосредственно поддерживают сепаратистские настроения и движения в России.

Что касается положения в СНГ, то в этом случае мы пришли к однозначному выводу: руководители ряда западных стран действуют с целью не допустить особой роли России в стабилизации обстановки в бывших республиках СССР, сорвать развитие тенденций на их сближение с Российской Федерацией. Политики США склонны считать зоной своих особых интересов Латинскую Америку, даже Европу, однако ни в коей мере не были готовы, да и сейчас не готовы признать, что особые интересы России распространяются на ее так называемое ближнее зарубежье, но заключаются не в том, чтобы навязать кому бы то ни было свой диктат, а способствовать тому, чтобы по периметру российских границ не создавалось угрозы ее интересам и безопасности.

В то время мы обладали абсолютно достоверными сведениями о том, что спецслужбы США начали укреплять свои позиции в целом ряде стран СНГ и в виде создаваемых резидентур, основная задача кото-

рых – работа по России. Был зафиксирован целый ряд случаев вывода на связь агентуры из России в страны СНГ, а также в государства Балтии.

Или другой пример. В связи с расширением НАТО на фоне осуществляемой альянсом военной миссии в Боснии перед СВР была поставлена задача выяснить, в какой степени Соединенными Штатами окончательно взят курс на навязывание России модели обеспечения безопасности в Европе через механизм НАТО. В соответствующие резидентуры были направлены задания.

Естественно, нас интересовали главным образом закрытые материалы, позволяющие российскому руководству сориентироваться по следующим проблемам.

Является ли практика в отношении Боснии и Герцеговины (самостоятельность натовских операций, ООН отводится роль лишь для изначального принятия решения об их осуществлении; возможное участие ненатовских стран, в том числе России, но лишь в контексте натовской операции, потребность в живой силе покрывается в основном США и при обязательном командовании всей операцией американским генералом) чисто «локальной» моделью либо прорабатывается универсальный сценарий, позволяющий Вашингтону сохранять и укреплять свои позиции после

окончания холодной войны?

Каков аспект такой модели или сценария, обращенный к союзникам США, готов ли Вашингтон и в какой степени учитывать их мнения, не полностью совпадающие с линией США?

Каковы пределы маневрирования европейских союзников США?

Какова расстановка сил по этому вопросу в самих США (ведомства, лица) и их степень влияния на выработку общего курса?

Как связан этот курс с расширением НАТО? И так далее.

Отход от глобализма потребовал более точной и, я бы сказал, более тонкой постановки несомненно усложняющихся задач перед загранточками СВР. Взять хотя бы Афганистан. Раньше работа ПГУ на этом направлении была подчинена поддержке тех сил, которые считались наиболее просоветскими и одновременно наиболее дееспособными, дабы не допустить в случае их поражения заполнения «вакуума» противниками СССР в глобальной конфронтации. Ретроспективно значительно виднее стали наши недостатки – отсутствие необходимого расчета, несоответствие целого ряда наших действий реальностям Афганистана. Объектом нашей заинтересованности стали перспективы ультраэкстремистских сил на приход

к власти и ее удержание в этой стране. Это соотносится с дестабилизацией обстановки в бывших советских республиках Средней Азии – в первую очередь в Таджикистане и Узбекистане. Афганистан превратился в базу подготовки боевиков, террористов, действующих далеко за его пределами, в том числе и в Боснии, и во время военных действий в Чечне, и в Африке. Вполне обоснованно, что именно эти угрозы, обусловленные положением дел в Афганистане, стали в центр внимания СВР.

Требование глобального подхода заставляло нашу внешнюю разведку просматривать обстановку в Турции через призму ее членства в НАТО. В нынешних же условиях приоритетными для СВР стали выявление и противодействие пособничеству определенных кругов в Турции сепаратистским силам на Северном Кавказе, наступательной политике Анкары с антироссийским уклоном в Закавказье, Центральной Азии, на Кипре.

Получение подобной информации было, с нашей точки зрения, нормальной разведдеятельностью по «мировым стандартам». Ведь никто в Соединенных Штатах не был, например, шокирован, когда там объявили 23 августа 1998 года, что президента Б. Клинтона информировало ЦРУ на основе полученных сведений и анализа о грядущей замене правительства в

России и даже о том, что на пост председателя правительства после С. Кириенко будет выдвинут В. Черномырдин?

Вместе с тем такая разведдеятельность «по мировым стандартам» для СВР исключала практиковавшуюся ранее игру «с нулевым результатом», которая была фундаментом нашего отношения к США и ряду других западных стран – дескать, что выгодно им, то чуть ли не автоматически невыгодно России и наоборот. Наши противники тогда «играли» по тем же правилам.

Смещение акцентов в задачах разведки требовало усиления аналитической работы СВР. Это сказалось и на качестве материалов, докладываемых руководству государства. Президент неоднократно подчеркивал это, в том числе выступая на коллегии МИДа. Нет необходимости говорить, что подобные оценки вдохновляюще действовали на сотрудников СВР.

Но, несмотря на все это, для меня оставалась актуальной задача переломить достаточно укоренившееся положение, когда «матерые оперативники» как бы свысока смотрят на тех, кто занимается аналитической работой. Выступая на одном из совещаний в СВР и выражая общие взгляды моих коллег в руководстве, я сказал: «Извечный вопрос, кто важнее, разведчик-аналитик или разведчик-оперативник, дол-

жен быть раз и навсегда отброшен. Сегодня, как никогда, ясно, что без аналитического подхода невозможно успешно провести мало-мальски ценную разведывательную операцию. Без аналитического осмысления полученной первичной информации нельзя продолжать целенаправленную работу с источником. Без аналитического подхода невозможны многоходовые комбинации. Однако в то же время без использования специфических приемов и методов разведывательного проникновения в объекты нашей заинтересованности не может быть получена объективная ценная информация, составляющая фундамент любого настоящего анализа и прогноза».

Акцент на аналитическую сторону деятельности разведки отразился и на ее структуре: было создано новое управление, работе которого придавался особый смысл. Оно занималось обострившейся проблемой распространения ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения и средств их доставки, что чревато опасностями, сопоставимыми с угрозами, существовавшими при холодной войне. Новое управление под руководством Г.М. Евстафьева – общепризнанного специалиста, одного из лучших экспертов в этой области – начало углубленно заниматься вопросами распространения ОМУ.

Это управление, однако, было создано не как чисто

аналитическое, а как оперативно-аналитическое. Может быть, такой профиль становился оптимальным не только в научно-технической, но и в политической разведке.

Управление развернуло широкую работу, направленную на оперативное получение данных, способных обозначить объективную картину в области распространения ядерного оружия. Были выработаны критерии, по которым определялась продвинутость к обладанию ядерным оружием государств, не входящих в ядерную пятерку.

В это время мы решили периодически публиковать и открытые доклады СВР с тем, чтобы знакомить не только руководство, но и широкую общественность – и российскую, и зарубежную – с выводами аналитиков разведки по самым животрепещущим проблемам. И не случайно, что из такого рода докладов два, в том числе первый, были посвящены угрозе распространения ядерного оружия.

В докладе СВР, опубликованном в 1992 году, говорилось о наличии трех «неофициальных ядерных государств» – Израиля, Индии и Пакистана. Потенциальные ядерные государства были обозначены как «пороговые» и «предпороговые». В докладе открывалась методика такой группировки, показатели, позволяющие относить те или иные государства к этим

трем группам.

В приложении ко второму открытому докладу, опубликованному в начале 1995 года, давался список «пороговых» и «предпороговых» государств. Здесь впервые был зафиксирован новый подход, которым руководствовалась СВР: полная объективность вне зависимости от отношений, сложившихся у России с данным государством. Нам передали, например, что индийское руководство недоволено тем, что мы включили эту страну в группу «неофициальных ядерных государств». Ничего не поделаешь, СВР не могла исходить и не исходила из «двойных стандартов».

Нужно сказать, что работа СВР по проблемам распространения ядерного оружия вызвала большой интерес наших западных коллег и, как представляется, сыграла немаловажную роль в налаживании взаимодействия с нашей внешней разведкой спецслужб целого ряда государств.

Однако созданному управлению совместно с другими подразделениями СВР пришлось одновременно не только раскрывать, но и противодействовать попыткам некоторых иностранных спецслужб проводить активные мероприятия по поводу «утечки ядерного сырья из России». Такие акции спецслужб, как правило, осуществлялись в интересах получения дополнительного финансирования или внутривнутриполитической

борьбы в своих странах. Но при этом одна из их целей, безусловно, заключалась в компрометации российских властей, якобы оказавшихся не в состоянии обеспечить надежную охрану ядерного сырья. Одной из классических операций такого рода была разоблаченная провокационная акция германской разведки БНД, которая, действуя через своего агента, сама попыталась организовать приобретение в России плутония с тем, чтобы «перехватить» его в Мюнхене.

Так или иначе, но обвинения в утечке из России ядерного сырья вскоре заглохли. Тема эта сошла со страниц западных газет, и немудрено – я не знаю ни одного случая, когда сенсационные обнаружения «ядерных контейнеров» российского или якобы российского происхождения содержали в себе оружейный плутоний или обогащенный уран в таких количествах, которые можно было бы использовать для производства ядерного оружия.

Как трудно, но как важно. Контакты с ЦРУ, СИС, «дело Эймса»

Может быть, самым «прорывным» в нововведениях внешней разведки России после окончания холодной войны было развитие контактов и взаимодействие со спецслужбами различных стран, в том числе входя-

щих в НАТО. Во время холодной войны ПГУ Комитета госбезопасности СССР сотрудничало в целом с партнерами из социалистических государств и ряда развивающихся стран, которые причислялись нами к антиимпериалистическому лагерю.

Сотрудничество было достаточно плотным, интенсивным, но не всегда означавшим полное открытие друг другу всех своих файлов, архивов и особенно агентуры. Так, например, разведка ГДР – Штази проводила некоторые операции за спиной КГБ и в ряде случаев давала ПГУ дозированную информацию. Поэтому думать, что у нас в СВР находится чуть ли не полный архив Штази, просто-напросто наивно. Не могу сказать, что мы в свою очередь были абсолютно открытыми перед партнерами. Такова уж специфика разведки.

Но сотрудничество, повторяю, было весьма интенсивным и приносило обоюдную пользу. Теперь, однако, речь шла о качественно иной форме контактов – с теми, кто прежде рассматривался как противник.

Такие единичные случаи имели место и раньше. Например, во время визита М.С. Горбачева в США в 1989 году в числе сопровождавших был председатель КГБ В.А. Крючков, которого пригласили и хорошо приняли в штаб-квартире ЦРУ. Это была дань новому времени, происходившей разрядке международ-

ной напряженности. Но такой экстраординарный и демонстративный жест имел одноразовый характер и не афишировался с обеих сторон. О посещении Лэнгли Крючковым не знали даже многие члены нашей делегации, в число которых входил и я.

Нужно сказать, что вначале значительная часть сотрудников СВР считала, что выходить за рамки такого «уже продвинутого» общения ни в коей мере не следует. Когда приходилось выступать и говорить о том, что, при наличии широкого поля совпадающих интересов с целым рядом государств, естественным становится взаимодействие на постоянной основе с их спецслужбами, то многие в ответ предпочитали «не вдаваться в тему». А некоторые прямо и открыто выступали против этого, считая, что подобное сотрудничество означает если не конец разведдеятельности, то, во всяком случае, возникает реальная ей альтернатива. Думаю, даже знаю, что противников или по меньшей мере скептиков в оценках перспектив такого сотрудничества было много и в спецслужбах других государств.

Мы в руководстве СВР придерживались другого мнения. Было создано специальное управление ВС (внешняя связь), сориентированное на взаимодействие с иностранными партнерами.

Главным принципом такого взаимодействия стало

равенство в отношениях – обоюдное направление «открытых» представителей, выверенный «баланс» условий, масштабов, уровней их связей с другой стороной, участвующей в сотрудничестве, степени секретности информации, подлежащей обмену, договоренности о встречах экспертов (при этом каждая сторона могла выдвигать интересующие ее темы), визитах руководителей спецслужб.

Конечно, многое зависело от того, как пойдут дела в этом направлении у СВР с ЦРУ, а также с германской, французской, английской, испанской, итальянской и другими разведками.

Многие выжидали, пристально наблюдая за российско-американскими контактами в этой области. Мы тоже понимали, что от них зависит успех всего нового дела, во всяком случае на начальной стадии развития.

В соответствии с договоренностью директор центральной разведки США Роберт Гейтс посетил Москву и Санкт-Петербург 15–18 октября 1992 года. Его сопровождала весьма представительная делегация, в которую входили начальник центрального евро-азиатского оперативного управления ЦРУ Джон Макгаффин, начальник центрального евро-азиатского аналитического управления ЦРУ Джон Маклафлин и другие. Я попросил Ельцина принять Гейтса, который

привез с собой послание президента США Буша. Состоявшаяся беседа была очень важной, так как президент России подчеркнул необходимость взаимодействия спецслужб в решении целого ряда важных для двух стран вопросов. Близкие к этому идеи содержались и в послании Дж. Буша. Все это воспринималось как одобрение политическим руководством двух стран контактов между их разведками.

Гейтс встретился с министром внутренних дел и министром безопасности, начальником Генерального штаба Вооруженных сил России. Особо хочу подчеркнуть то, что на последней встрече присутствовал начальник Главного разведывательного управления (ГРУ). Как обычно говорится в этих случаях, беседы были взаимополезны, прошли в конструктивной обстановке. Гейтс пригласил меня посетить Вашингтон с ответным визитом.

Через полгода я был готов отправиться в США. Шел интенсивный обмен мнениями по программе визита, и прямо накануне отъезда мне сообщили, что президент США Б. Клинтон «из-за большой занятости» не сможет меня принять. Я решил не драматизировать ситуацию и сказал об этом представителю ЦРУ в Москве Д. Рольфу, которого пригласил на ланч. Но при этом не удержался и добавил: «Намерен в ноябре пригласить в Москву нового директора ЦРУ Дж. Вул-

си, и есть все основания надеяться, что президент России при всей своей перегруженности проблемами внутривластного и экономического характера найдет время для встречи с ним».

В этот же период происходили рабочие контакты СВР с ЦРУ, в том числе на уровне В.И. Трубникова и первого заместителя директора ЦРУ У. Студемана, а также экспертов. В целом в нашем сотрудничестве с американцами в 1993 году был достигнут заметный прогресс: ускорилось прохождение документов и ответов на запросы. Укрепились личные отношения между представителями служб.

Одновременно стали более осязаемы некоторые недостатки нашего взаимодействия. Проявилось, например, стремление американцев больше получить от СВР и при этом меньше дать ей. Материалы, полученные от партнеров, часто представляли собой скорее вопросники, чем полноценные информационные сообщения. Мы на это обращали внимание американцев, и нужно сказать, что вскоре ситуация начала меняться. Тем более что представители ЦРУ довольно высоко оценивали материалы СВР, отмечая оперативность их подготовки. Нам сообщили, что отдельные информационные сообщения СВР докладывались президенту Б. Клинтону и принимались в учет при принятии им тех или иных решений.

Справедливости ради скажу, что и мы получали критику со стороны партнеров: слишком аналитический характер нашей информации, по их оценке, не содержал достаточно разветвленной фактуры.

Конечно, на пути обмена информацией стояли очень серьезные, а подчас и труднопреодолимые препятствия. Каждая из разведок опасалась включить в обмен такие данные, которые могли бы нанести ущерб источнику информации. Но в целом можно констатировать, что обоюдное стремление к взаимодействию постепенно возобладало над накопленной за многие годы предвзятостью.

Этому помогли периодические встречи экспертов по различным злободневным вопросам. Узким специалистам, профессионально занимающимся той или иной проблемой, всегда легче понять друг друга. Ретроспективно с большим удовлетворением я вспоминаю доклад руководителя группы экспертов с нашей стороны М.А. Дмитриева, который после очередной, в июле 1993 года, встречи со специалистами ЦРУ по югокризису докладывал о «высокой степени одинакового понимания проблемы нашими службами, в том числе в подходах к решению этих проблем». После подробнейшего рассмотрения в деталях и на основе богатого фактического материала положения дел в «эпицентре» конфликта – тогда это была Босния –

эксперты СВР и ЦРУ пришли к выводу, что военного решения быть не может.

Югославская тематика была возведена в ранг приоритетной при встрече на «высшем разведывательном уровне» между мной и новым директором ЦРУ Дж. Вулси, которая состоялась в США 12–18 июня 1993 года.

Со мной в Вашингтон вылетела группа ведущих сотрудников СВР, среди которых находился назначенный нами «открытый» резидент в Вашингтоне А.И. Лысенко. Обсуждали много тем: помимо упомянутого югокризиса, положение на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке, исламский экстремизм, проблемы борьбы с наркобизнесом, нераспространения оружия массового уничтожения. Обсуждения проходили в Лэнгли – штаб-квартире ЦРУ. Сам этот факт уже говорил о многом.

Устанавливались неплохие и личные отношения. Хорошо помню атмосферу на загородной даче нашего посла в Вашингтоне В.П. Лукина, где мы принимали американских коллег. Посольские кулинары, казалось, превзошли самих себя. Мы сидели на открытом воздухе, на лавках за сколоченными столами. Тут же готовился шашлык. Непрерывно произносили тосты, шутили, рассказывали анекдоты. Присутствие нескольких, не принадлежавших к нашей служ-

бе российских дипломатов еще больше разрядило обстановку, сделало ее абсолютно непринужденной. Со стороны мало кто мог подумать, что встречаются, мягко говоря, соперники.

Сказалось и то, что посол В.П. Лукин – мой старый приятель, будучи человеком раскрепощенным, на этот раз вообще не ограничивал себя в остроумии.

Ответный визит директора ЦРУ и его коллег по разведке состоялся 7—10 августа 1993 года. Гости прилетели сначала в Санкт-Петербург, а потом в Москву. Визит был весьма полезным, насыщенным важным обменом мнениями. К сожалению, пребывание делегации ЦРУ в России пришлось сократить, так как в связи с убийством Ф. Вудрафа, резидента ЦРУ в Тбилиси, Вулси вылетел 10 августа в Грузию²⁰.

Директор ЦРУ привез послание Б.Н. Ельцину от Дж.

²⁰ Сколько было противников нормальных отношений между разведками двух стран! И сколько провокационных сообщений пытались внедрить в сознание людей с этой целью! 18 августа в газете «Уолл-стрит джорнал» была опубликована статья московского корреспондента Терезы Рафазль (Theresa Raphael). В публикации, касающейся убийства в Грузии резидента ЦРУ, говорилось: «В тот день, когда Вудраф был убит, директор ЦРУ Джеймс Вулси совершал беспрецедентный визит к своему московскому коллеге – директору Службы внешней разведки Евгению Примакову. По сообщениям западноевропейских источников, Госдепартамент теперь полагает, что это совпадение не является случайным и что убийство было организовано российскими специальными службами с тем, чтобы дать Вашингтону ясно понять, что он не должен заниматься региональными конфликтами».

Буша, которое, с моей точки зрения, было важным по двум обстоятельствам. Во-первых, показывало, как высоко американский президент ценил набиравшие темп контакты между спецслужбами двух стран. Во-вторых, по утверждению американских авторов, высшее руководство США больше года до ареста Эймса знало о том, что ФБР разоблачило «российского агента» и ведет его разработку. Следовательно, Дж. Буш был осведомлен о деле, которое впоследствии нанесло серьезный урон сотрудничеству СВР и ЦРУ, но, судя по факту направления послания, Буш не преувеличивал негативных результатов этого для взаимодействия наших спецслужб. А может быть, и не знал об Эймсе, а многомесячная слежка за ним – мистификация, призванная показать «непревзойденное профессиональное мастерство» ФБР?

Так или иначе, в послании Дж. Буша говорилось: «Дорогой Борис!

Хотел бы воспользоваться визитом моего директора ЦРУ, Джеймса Вулси, чтобы подчеркнуть значительность развивающихся взаимоотношений разведывательных служб наших стран... Я очень рад, что наши разведывательные службы ведут продуктивные двусторонние беседы, и надеюсь, что эти плодотворные обмены будут продолжаться в будущем».

Вот выдержки из стенограммы переговоров делега-

ций СВР и ЦРУ. Я специально остановился на тематике югокризиса (хотя обсуждались и многие другие проблемы) для того, чтобы показать, насколько большое значение придавалось обмену мнениями именно по этой проблеме, как в результате «притирались» позиции. Думаю, что если бы продолжался обмен информацией и прогнозами развития событий, то, возможно, удалось бы в большей степени влиять на реальное положение дел на Балканах и не принимать таких исторически ошибочных решений, как натовские бомбардировки Югославии в 1999 году. Контакты разведок, безусловно, сыграли бы весьма положительную роль.

После подробного анализа обстановки в Боснии и Герцеговине состоялся такой обмен мнениями:

«**Вулси.** Обсуждение очень полезно. Мне хотелось бы продолжать его через каждые несколько месяцев. Можно было бы послать ваших специалистов по Югославии в Вашингтон. Больших расхождений не было. Невозможно найти такой подход, который все разрешит. И пусть уже Госдепартамент представит информацию о военном вмешательстве в Боснию и Герцеговину.

Примаков. По нашим данным, Милошевич сохраняет позиции, позволяющие контролировать ситуацию. Не исчерпал он и потенциал гибкости. Нельзя

вести дело к тому, чтобы силовые приемы навредили. Я бы еще добавил, что взрыв ситуации вызовет мусульманское вмешательство извне. Внутреннее положение в наших странах может оказать сильное влияние в выборе решения. У нас идет сильное давление в поддержку сербов. С вашей стороны существует стремление показать твердость и решительность администрации.

Вулси. По моему анализу, нельзя сказать, что мы приближаемся к «концу игры». Я предполагаю, что если даже соглашение в Боснии и Герцеговине и будет достигнуто, то вряд ли оно будет соблюдаться. Мне кажется, что и сербы, и хорваты, скорее всего, пойдут на объединение со своими государствами. И хотя мусульмане и желают сохранить федеративную систему, вряд ли это удастся. Они будут выступать против сербов и хорватов, таким образом динамика конфликта все-таки сохранится. Вопрос о военном вмешательстве все время будет подниматься, и возможно, что противодействовать этому станет все более и более сложно.

Примаков. Опасения заслуживают внимания. И нам необходимо, очевидно, продолжить обмен мнениями. Вы предлагаете послать несколько наших экспертов в Вашингтон. Я принимаю это приглашение. В практическом плане договоримся, когда это будет

сделано».

Переговоры шли по многим другим вопросам.

Одной из тем стала перспектива обмена данными, в частности о финансовых сферах, позволявших различным фирмам и частным лицам незаконно приобретать и «отмывать» крупные финансовые суммы.

Вулси высоко оценил наше сообщение об американских обвинениях, связанных с производством оружия массового уничтожения в Иране. Доклад, который сделал Г.М. Евстафьев, был абсолютно объективным, и, как мне представляется, при продолжении обмена *реальной* информацией по этому вопросу отпали бы многие спекулятивные оценки и, во всяком случае, некоторым силам в США и вне их пределов было бы труднее использовать так называемый иранский фактор для осложнения российско-американских отношений.

Даже сопоставление дат визитов руководителей разведок – их разделяло всего несколько месяцев – показывает серьезную заинтересованность двух сторон в такой интенсивности.

Американцы стремились использовать этот канал и для получения достоверной информации о том, что происходит в России, – не исключая, что в Вашингтоне хотели сопоставить свою информацию с эсвэ-эровской интерпретацией той жесткой конфронтации,

которая возникла в тот момент между президентом и парламентом. 24 сентября 1993 года я принял Дж. Морриса по его просьбе. Накануне ему позвонил из Вашингтона Вулси (по признанию резидента ЦРУ, сам этот факт достаточно необычен) и поручил обратиться к руководителю российской разведки с просьбой оценить происходящее в России для доклада президенту Клинтону.

Наши деловые беседы во время пребывания делегации ЦРУ во главе с Вулси в Санкт-Петербурге, куда я вылетел для встречи с американцами, перемежались культурными мероприятиями. После посещения Петродворца и Эрмитажа в доме приемов на Каменном острове состоялся ужин, на который был приглашен и директор Эрмитажа – он сам показывал нам экспонаты музея, – мой бывший коллега по Институту востоковедения, Михаил Борисович Пиотровский. Позже он мне сказал: «Ведь не поверят, что я сидел за столом между директорами СВР и ЦРУ».

В целом все складывалось неплохо. Настолько неплохо, что некоторые заговорили: а не пришло ли время отказаться от разведки, действующей традиционными методами, и не заменить ли все это сотрудничеством спецслужб?

Такая постановка прозвучала во время зондирующих контактов СВР с канадской разведкой (Королев-

ской конной полицией). Нам сказали прямо: мы готовы на сотрудничество, если подпишем с вами соглашение о взаимном отказе от разведывательной деятельности.

«А как другие?» – спросили мы. Разведдеятельность может быть прекращена при абсолютно несбыточной ситуации: если соответствующее соглашение подпишут и, главное, будут соблюдать все страны. Нереальность этого показывает хотя бы то, что разведку в тех или иных формах и по тем или иным направлениям ведут в отношении друг друга даже отдельные страны – члены НАТО. А что касается «выборочного» прекращения согласно, например, канадскому предложению, то оно невозможно без всеобщего решения вопроса – развединформация будет в любом случае поступать через другие страны, например из соседних с Канадой Соединенных Штатов.

Но вернемся к отношениям между СВР и ЦРУ. Они развивались, я бы сказал, более чем нормально. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт. После очередной поездки на Ближний Восток я направил 11 ноября 1993 года устное послание Дж. Вулси, в котором отмечал, что серьезные негативные последствия для всего ближневосточного урегулирования может иметь отсутствие прогресса на сирийском направлении, которое, как мне представляется, явно недооценивает-

ся США, особенно после некоторого успеха в переговорах израильтян и палестинцев. 19 ноября я получил ответное послание Вулси: «Я Вам очень благодарен за соображения по результатам Вашей поездки по Ближнему Востоку. Ваши комментарии очень интересны и заслуживают дальнейших обсуждений. Просил бы Вас лично принять в Москве Дж. Макгаффина и начальника ближневосточного управления Ф. Андерсона и обсудить с ними проблемы ближневосточного урегулирования, рассматривая это в качестве важного и первого шага во взаимодействии наших служб на этом новом для нас направлении. После этой встречи можно было бы организовать консультации на уровне экспертов».

Прилетев в Москву, Макгаффин сообщил, что мои соображения по Сирии были доведены до президента Клинтона, который ознакомился с ними «с большим интересом» и сказал, что «учтет их при формулировании подходов администрации к мирному процессу на Ближнем Востоке».

Перелом в отношениях между СВР и ЦРУ произошел в связи с «делом Эймса». Конечно, арест Эймса был пренеприятнейшим событием для нас – мы потеряли ценный источник в ЦРУ, но и для США тоже – выяснилось, что в течение многих лет он мог передавать нам важнейшую информацию. Хотя даже при

всем при этом можно было «спустить эмоции на тормозах» – ведь никто не застрахован от подобных провалов в то время, когда никто не отказывается от разведдеятельности.

Но по-видимому, как это часто бывает, возобладали внутривнутриполитические интересы в США, и ЦРУ их вольно или невольно учитывало.

Фигура Эймса очень интересна. Прежде всего, я не принадлежу к тем, кто считает, что Эймс работал на Советы, а затем на Россию только ради материальной выгоды. Конечно, получаемые им средства были немалыми, но есть доказательства совершенно иного рода. Известно, например, что Эймс под чужой фамилией пытался найти подход к корреспонденту «Правды» в США Т.А. Колесниченко. Кстати, когда Эймса арестовали и его портрет опубликовали в американских газетах, семья Колесниченко была шокирована: ведь он в течение нескольких лет бывал у них в доме. Томас Анатольевич и его супруга Светлана Яковлевна тогда и не подозревали об истинных целях такого внимания к себе. Но, вспоминает Колесниченко, Эймс мало-помалу стал проявлять все больше симпатий к происходящему в Советском Союзе, и это, по-видимому, уже не укладывалось в контекст его чисто разведывательной задачи. И Эймс, я это говорю со слов Т. Колесниченко, искренне радовался переменам в на-

шей стране, а ведь он, судя по всему, пришел вербовать ее гражданина. Не по этой ли причине Эймс резко оборвал свои отношения с семьей Колесниченко...²¹

Вместе с тем Эймса характеризует и то, что он

²¹ После ареста Эймс на непродолжительное время стал доступен для журналистов. Во время одной из таких встреч в тюрьме он сказал, что хотел бы дать интервью Т. Колесниченко. Это было опубликовано, и Томас Анатольевич обратился за визой в посольство США в Москве, но получил отказ. Уже в бытность мою министром иностранных дел я совершил в 1996 году поездку в США. Пригласил полететь, как это принято, группу журналистов, в том числе и от ИТАР-ТАСС Т. Колесниченко, который, чтобы «не осложнять ситуацию», заявил, что не будет ставить вопрос об интервью с Эймсом и ограничится лишь освещением моего визита. Тем не менее уже выданную Колесниченко американскую визу аннулировали накануне вылета. Однако, как мне рассказал наш тогдашний посол в США Ю.М. Воронцов, шеф американской полиции заявил встречавшим нас на аэродроме российским дипломатам, что не выпустит из моего самолета никого, пока не убедится в отсутствии на борту Колесниченко. Только твердое заявление с нашей стороны, что в таком случае визит российского министра будет сорван, остановило такую беспрецедентную операцию. В этот же день рассказал о случившемся М. Олбрайт, подтвердив, что Колесниченко вообще не намерен ни в какой форме обращаться к кому бы то ни было с просьбой об организации интервью с Эймсом. Добавил, что могу гарантировать – Колесниченко никогда не был работником спецслужб. Через два дня Мадлен во время переговоров передала мне записку, в которой говорилось, что виза моему другу для освещения визита в США может быть выдана. Несмотря на то что до окончания пребывания оставалось всего два дня и к тому же Т. Колесниченко плохо себя чувствовал (может быть, сказала нервотрепка), он из принципа прилетел на сутки. Назад, конечно, улетали вместе.

не передавал никакой информации, кроме той, которая касалась американских агентов, завербованных во властных структурах или спецслужбах СССР, а затем России. Как наивно выглядят на этом фоне утверждения, будто Эймс подорвал безопасность Соединенных Штатов. В действительности он помог укрепить безопасность нашей страны, лишив американскую разведку агентуры в наиболее чувствительных государственных областях.

Я мог бы к этому добавить, и это к чести нашей разведки, что Эймса ни разу не удалось «взять с поличным». Он, например, выезжал для встречи с нашим связником в одну из латиноамериканских стран. Позже в США даже уверяли, что знали об этом, плотно опекали его, но так и не смогли зафиксировать факт встречи Эймса с нашим представителем. А встреча состоялась.

Российская разведка оказалась настолько высокопрофессиональной, что ФБР не удалось засечь ни одной тайниковой операции Эймса, а их было немало. Кстати, одна из них должна была состояться буквально за несколько дней до ареста Эймса. Но об этом тоже не знали, иначе ФБР предпочло бы взять его с вещественными доказательствами – это совершенно ясно.

Я не хочу судить о причинах провала этого важного

для нас источника. Не исключено, что во время следственного процесса над арестованными по информации от Эймса американскими агентами кто-то из ведущих дело следователей мог сослаться на данные, полученные из-за рубежа. А ведь некоторые из осужденных в нашей стране в 90-х годах были освобождены и даже выехали с разрешения властей за границу, в том числе в США. Очевидно, на каком-то этапе вычисления «крота» американским контрразведчикам помогла беспечность Эймса в отношении денежных затрат.

Так или иначе, но кольцо вокруг него начало сужаться, и он был арестован. «Признания» Эймса удалось добиться далеко не самым демократичным путем. Ему была предложена сделка: будешь сотрудничать со следствием – жена, знающая о твоей деятельности, получит меньший срок, сын будет с матерью; не будешь – сына ждет детский дом. Таким образом, заранее устанавливался срок заключения не только для Эймса, но и для жены, причем использовались такие средства давления, как любовь к ребенку.

24 февраля В.И. Трубников принял в штаб-квартире СВР представителей директора ЦРУ Дж. Макгаффина и У. Лоуфгрена, прибывших в Москву для обсуждения ситуации, сложившейся в связи с делом Эймса. В беседе американцы пытались оказать давление на нас, потребовав односторонне отозвать резиден-

та СВР в Вашингтоне А.И. Лысенко, который, как они знали, не имел никакого отношения к Эймсу. Однако Трубников решительно отвел эти требования. Если американцы выдворят Лысенко, сказал первый заместитель директора СВР, то это не останется без ответа. Будут приняты «симметричные» меры к резиденту ЦРУ в Москве.

Приехавшие явно не рассчитывали на такую реакцию, но Лысенко все-таки был объявлен персоной нон грата и в начале марта возвратился в Москву. В свою очередь персоной нон грата был объявлен резидент ЦРУ Моррис, который покинул Россию. Попытка сыграть на деле Эймса, чтобы «поставить на место СВР», явно не удалась.

После всех этих событий нам стало известно, что ЦРУ осуществило вербовочный подход к резиденту СВР в Берне. В операции принял участие Р. Моватт-Ларсен, тот самый, который поддерживал в 1992–1994 годах в Москве партнерские контакты ЦРУ с представителями СВР. Характерно, что в ответ на представление нашей разведки американская сторона, признав факт попытки вербовки, объяснила свои действия как «рутинное дело в работе спецслужб».

Встречи представителей СВР и ЦРУ происходили и после ареста Эймса, полный их потенциал так и не был задействован.

И дело здесь, конечно, не в Эймсе. Кстати, после истории с ним в ЦРУ последовал ряд отставок и увольнений. Настроения в американской разведке были далеко не самыми лучшими. Мы в руководстве СВР решили «не сыпать соль на раны» американских партнеров. Не было инициировано ни одного выступления в печати на тему о многолетнем достижении нашей внешней разведки. Мы не отказывались от своей заинтересованности в сотрудничестве с американскими коллегами. Может быть, как это ни покажется странным, сказала в какой-то степени и «корпоративность». Да и времена наступили новые, и мы не хотели своей непродуманной реакцией нанести ущерб межгосударственным отношениям.

О нелегком пути к равноправному взаимовыгодному партнерству в интересах стабильности и мира свидетельствует также история отношений СВР с самой опытной и опасной для нас английской СИС.

Англичане проявили инициативу в установлении первичного конфиденциального контакта с СВР. Было это сделано в 1991 году в Осло. Продолжались зондажные встречи по уточнению взаимных позиций до лета 1992 года.

Дальше англичане стали действовать по собственному «сценарию». В июне 1992 года меня посетил посол Великобритании Фолл, который не только ин-

формировал о том, что политическое руководство его страны приняло решение о сотрудничестве между российской и британской спецслужбами, но и «заодно» представил так называемую «группу связи» в Москве – резидента СИС Д. Скарлетта и представителя МИ-5 (британская контрразведка) Э. Слаттера. В начале 1993 года в посольстве Великобритании в Москве была развернута группа связи СИС в количестве трех человек. Это произошло «в явочном порядке», одновременно делалось все, чтобы заблокировать симметричные шаги с нашей стороны. Естественно, что такой дисбаланс нас не устраивал. Был направлен меморандум британской стороне, к которому мы приложили списки лиц (всего 13 человек, из них 10 британских разведчиков и 3 агента СИС), которые проявили вербовочную активность в отношении россиян. 9 марта сделали устное заявление резиденту СИС в Москве по поводу вербовочного подхода к резиденту СВР в Стокгольме.

Британские партнеры тянули время. А затем в своем ответе на наш меморандум практически отклонили предложение об открытии должности представителя СВР в Лондоне. Не было никаких вразумительных объяснений и по факту вербовочного подхода в Стокгольме. В таких условиях мы решили приостановить взаимодействие с СИС, показав бесперспективность

навязывания нам неравноправных отношений.

И все-таки я решил написать письмо советнику-координатору при премьер-министре Великобритании по вопросу деятельности спецслужб Р. Брейтвейту, с которым поддерживал хорошие отношения во время его нахождения в Москве в качестве посла. В ответ сообщили, что для переговоров с директором СВР Р. Брейтвейт вылетает в Москву. Встреча состоялась 2 июня 1993 года. Он признал оправданными наши оценки асимметрии, сложившейся в отношениях СВР – СИС, и проинформировал, что наши предложения будут удовлетворены, однако оговорился, что в Великобритании по-прежнему настаивают, чтобы вопрос о представительстве СВР в Лондоне рассматривался в одном пакете с деятельностью ГРУ.

Здесь я позволю небольшое отступление. Не только англичане, но и многие другие пытались во время моего пребывания на посту директора СВР «столкнуться лбами» внешнюю разведку с нашими военными коллегами. Этого им сделать не удалось ни разу. Что касается англичан, то я прямо сказал Брейтвейту, что ГРУ самостоятельная организация и они могли бы вступить в непосредственный контакт с ней для рассмотрения возникающих вопросов.

Решили перевести в практическую плоскость аморфные английские обещания. Заявили британ-

ской стороне, что в середине июля 1993 года будут поданы документы на визу сотруднику СВР, который назначается «открытым» резидентом для исполнения обязанностей по поддержанию контактов между СВР и СИС. Тут же оговорили, что, в случае отказа, резиденту СИС и его помощнику придется выехать из России.

23 июля по инициативе британской стороны состоялась моя очередная встреча с послом Фоллом, который заявил о готовности принять нашего резидента, но опять с оговорками: если его личность будет устраивать британскую сторону, если контакты будут сугубо конфиденциальными и так далее. Я назвал конкретную кандидатуру – заместителя директора СВР Гургенова В.И. и обратил внимание посла на то, что выбор резидента свидетельствует о важности, которую мы придаем нашим отношениям с СИС.

С учетом, как мы предполагали, позитивной позиции англичан рабочие контакты с СИС были активизированы. Но оказалось, что англичане продолжали свою игру. 1 октября в газете «Дейли миррор» появилась публикация, в которой говорилось о нежелательности приезда в Лондон «крупного российского разведчика» Вячеслава Гургенова. Мы поняли, что ему готовится отказ в визе. Одновременно, справедливо опасаясь, что за этим последуют решитель-

ные действия, направленные на ликвидацию открытого присутствия британских разведчиков в Москве (к тому же, по нашим данным, они профессионально использовали свое пребывание под крышей посольства Великобритании), англичане предприняли обходные маневры. На фоне вновь замороженных отношений СВР с СИС стала просматриваться активность английской разведки в проведении консультаций с Министерством безопасности России, при этом исключалось прямое взаимодействие нашего Министерства безопасности с британской контрразведкой МИ-5. СИС замыкала все контакты на себя. Нам не стоило большого труда прервать такой примитивный маневр. Для этого было достаточно разговора СВР с Министерством безопасности, с которым у нас были тесные, доверительные отношения.

19 января 1994 года британская сторона вновь проявила инициативу и состоялась встреча директора СВР с послом Великобритании. Ссылаясь на инструкции из Лондона, посол предложил назвать нового кандидата на должность представителя СВР. Кандидатура Гургенова, мол, не является приемлемой, поскольку он якобы передавал иракским властям в период конфликта в Персидском заливе информацию от секретного источника, включая сведения об американском контингенте. Я сказал о полной необоснованно-

сти обвинений в адрес Гургенова, который сопровождал меня в Багдад во время кризиса в зоне Персидского залива. Добавил, что, по нашим данным, «открытый» представитель СИС в Москве Скарлетт имел отношение к вербовке Оценко. В аналогичном ключе заявил, что мы обещаем без всякой задержки выдать визу новому английскому кандидату. А если британская сторона предпочтет не заменять господина Скарлетта, то мы оставим за собой право обратиться в печать. Присутствовавший при разговоре Скарлетт покраснел красными пятнами.

2 марта посол Великобритании в Москве был вызван во 2-й Европейский департамент Министерства иностранных дел России, где ему было сказано: в связи с невыдачей британской визы официальному представителю СВР в Лондоне «открытому» представителю СИС в Москве Скарлетту предложено покинуть Россию. Англичане в ответ потребовали выезда из Лондона советника посольства России Н.В. Явлюхина. Характерно, что в связи с публикациями в британской прессе Форин Офис отказался комментировать заявление о том, что Скарлетт является разведчиком.

После этого «лед тронулся». 8–9 сентября Москву посетили начальник регионального управления СИС Э. Фултон и директор МИ-5 Ч. Бленд. Англичан привезли в загородный санаторий «Барвиха», где я на-

ходиллся в очередном отпуске. Фултон в самом начале беседы подтвердил намерения британской стороны восстановить «искренние отношения взаимодействия с российскими спецслужбами, оставив позади неудачи, имевшие место по ряду известных причин». В ответ я сказал, что мы тоже заинтересованы в этом, но на основе полного равенства, также и по вопросам численности состава будущих представителей СВР и СИС в Лондоне и Москве.

Приводя «гипотетические примеры», решил «сыграть в простака» (естественно, твердо знал, что не подвожу ни одного нашего источника) и сказал англичанам, что у нас вряд ли бы были возражения против направления ими в Москву М. Шипстера (дело в том, что его действительно намечали к отправке в Россию в качестве «открытого резидента»), при том понимании, что он не будет, как это делал в Индии, тайно вывозить на Запад завербованного сотрудника резидентуры чехословацкой разведки. Упоминание фамилии Шипстера произвело обескураживающее впечатление на контрразведчика Бленда, что было видно по брошенному им взгляду в сторону разведчика Фултона. А когда я сослался на причастность Шипстера к операции в Индии, то мне показалось, что Бленд вообще на мгновение потерял контроль над своими эмоциями – уж такой утечки информации из СИС (а отку-

да еще!) британский контрразведчик явно не предполагал.

В «Барвихе» мы договорились и о восстановлении отношений, и об обмене информацией по организованной преступности, наркобизнесу, международному терроризму, нераспространению оружия массового поражения, развитию ситуации в «горячих точках».

Когда я уже был министром иностранных дел, находясь в Лондоне, встретился со своим старым приятелем еще по совместной работе на Ближнем Востоке Ющукон Р.В. – в эту пору «открытым» резидентом СВР в Великобритании. Он меня познакомил с Шипстером – своим партнером по контактам со стороны СИС. Я в шутку извинился перед Шипстером за то, что помешал его карьере в Москве.

Другим «сюрпризом», который ждал меня в Лондоне во время моего визита в английскую столицу в марте 1997 года в качестве министра иностранных дел, была встреча с одним из самых лучших – во всяком случае, я так считаю – авторов политических детективов Джоном Ле Карре. Наш посол А.Л. Адамишин пригласил по моей просьбе его с женой на обед. Встреча была абсолютно непринужденной. Мы с моей супругой получили огромное удовольствие от беседы с этим интереснейшим человеком. Как давнему почитателю творчества бывшего разведчика Дэвида Корн-

велла, снискавшего всемирную известность под именем Ле Карре, мне было особенно приятно получить недавно вышедшую книгу «Люди Смайли» с надписью от автора: «Евгению Максимовичу Примакову с моими искренними теплыми пожеланиями и с надеждой на то, что мы будем жить в гораздо лучшем мире, чем тот, который описан здесь».

Обобщая написанное в этом разделе, можно сказать, что с трудом, но открывалась новая страница в деятельности внешней разведки России – взаимоотношения со спецслужбами других стран. Это приносило, безусловно, большую пользу. Дело ведь не только в обмене информацией, но и в установлении конфиденциального канала связи, которым нередко пользовались руководители России и других стран.

Промышленный шпионаж сегодня

В конце 1993 года меня пригласили выступить на президиуме Академии наук России. Многих присутствовавших на заседании крупнейших ученых, среди которых были и лауреаты Нобелевской премии, я хорошо знал в бытность членом Президиума АН СССР. Некоторые из них продолжали возглавлять ведущие научно-исследовательские центры страны, другие стали советниками, но от активной научной

жизни не отошли. Инициатором моего выступления, которое я озаглавил «Некоторые проблемы научно-технической разведки», был президент академии Юрий Сергеевич Осипов.

Ученые, сидевшие в конференц-зале Российской академии наук – во всяком случае, многие из них, – хорошо знали о том, как внешняя разведка помогла созданию атомного оружия в СССР или, например, получению станков, позволивших решить стратегическую проблему снижения шумности подводных лодок. Однако надо сказать, что я не принадлежал к тем, кто приписывал разведке чуть ли не все успехи, вольно или невольно принижая ту роль, которую играли наши ученые в производстве ядерного оружия или вообще в резком росте обороноспособности страны. Я выступал в стенах академии как раз в то время, когда появились мемуары некоторых участников «ядерного шпионажа», в которых содержались такие не соответствующие действительности акценты.

Но свой доклад решил не делать «ретроспективным». Хотел показать, как разведка работает в научно-техническом направлении в новых условиях, какие проблемы она «высвечивает» своими методами и как это отражается или может отразиться на развитии наукоемкой промышленности России, как это помогает или может помочь сконцентрировать наши науч-

но-технологические усилия на наиболее перспективных направлениях.

Спецслужбы США, Англии, ФРГ, Франции, Израиля, Китая, Индии, Ирана и других государств по-прежнему интересуются образцами вооружений, технологиями, связанными с их изготовлением. На этом поле продолжает действовать и разведка России. Вместе с тем объектом разведдеятельности являются и гражданские научно-исследовательские центры и производства. В этом тоже нет ничего нового. Промышленным шпионажем занимаются все разведки мира. И он – хотим мы этого или нет – будет существовать до тех пор, пока существуют промышленные секреты, закрытые по военным или коммерческим соображениям.

Суммируя, можно сказать, что объектом внимания разведывательных служб является процесс создания принципиально новых технологий и продукций, оказывающих существенное влияние на положение дел не только в военной, но и в гражданской области.

Мы внимательно изучали деятельность иностранных разведок в научно-технической области и пришли к выводу, что все концентрируются лишь на некоторых стадиях инновационного процесса, объединяющего фундаментальные, прикладные исследования и внедрение в производство. Материалы, связанные

с научным открытием, его теоретическими результатами, обычно публикуются в открытых изданиях. Их анализ – главным образом дело ученых, практиков. Но уже на стадии лабораторной демонстрации возможностей применения новых технологий или разработок, и особенно при создании прототипа, его масштабных испытаний и опытного производства, тематика жестко цензурируется или вообще исчезает из обсуждений на открытых научных симпозиумах, ограничивается возможность встреч с авторами публикаций. Вот тут в основном и работают разведки.

Могла ли Россия отойти и отказаться от подобной работы? Конечно нет. Между тем какой шум поднялся в связи с «откровениями» предателя Оценко, которого я уже упоминал, занимавшегося научно-технической разведкой, и какую приглушенную, чуть-чуть слышную реакцию в прессе вызвала высылка из той же Франции пяти сотрудников ЦРУ Соединенных Штатов, уличенных в промышленном шпионаже!

В 90-х годах наша научно-техническая разведка была нацелена, можно сказать, на аналитическую работу. Она осуществлялась по двум направлениям: во-первых, отслеживание изменений подходов к так называемым «критическим технологиям»²², коррек-

²² В начале 90-х годов в США, Японии, ведущих странах Западной Европы была окончательно осознана невозможность и контрпродуктив-

тировки их приоритетности в ведущих индустриальных государствах и, во-вторых, выявление реальной оценки ведущими зарубежными экспертами положения дел в различных отраслях науки и техники России и степени заинтересованности ведущих индустриальных государств в адресном сотрудничестве с Россией в конкретных областях. Понятно, что такая информация важна и для политического руководства страны, и Академии наук, так как способствует оптимизации усилий по перегруппировке наших, на сегодняшний день небольших, средств и возможностей. Одновременно такая информация содержала и контрразведывательный аспект.

В одном из конфиденциальных американских документов, добытых СВР, говорилось: «Все интересующие нас российские технологии были созданы военно-промышленным комплексом и имеют либо чисто оборонное, либо двойное назначение. Для ряда технологических разработок аналогов в американской промышленности не имеется». В документе при этом особое внимание проявлялось к созданию вихревых потоков, позволявших повысить теплоотвод в турбинных двигателях, ряду металлургических разра-

ность попыток обеспечить технологическое лидерство на всех направлениях одновременно. В результате на основе коллективных экспертных оценок были определены перечни «критических технологий». Этот список периодически пересматривается.

боток, получению монокристаллических структур, созданию экзотических материалов, вопросам разработок антенных устройств и лазерных зеркал, обеспечению бесперебойной связи на этапе вхождения космических аппаратов в плотные слои атмосферы, очистке в условиях космоса медицинских материалов, разработке защитных покрытий для изоляторов, математическим алгоритмам обработки изображений и так далее.

Я не хотел бы, чтобы у читателя возникло подозрение, что, докладывая об этом документе, СВР имела в виду необходимость закрыть эти сферы для международного сотрудничества. Отнюдь. Мы отлично понимали, что после окончания периода холодной войны Россия втягивается в международное разделение труда и этот необратимый процесс развивается также в научно-технической сфере. Для СВР не было никаких сомнений в том, что изоляционизм угрожает не только потерей позиций, завоеванных российской наукой и техникой, но и тупиком для научно-технического прогресса в нашей стране на будущее. Причем в создавшейся российской ситуации среди мотивов расширения сотрудничества с иностранными партнерами контрастно вырисовывалась задача сохранить научные кадры и достигнутый уровень исследований.

Знали мы и о том, что очень многие иностранные

партнеры заинтересованно и честно развивают научные связи с Россией, оказывают помощь и поддержку нашей науке в столь тяжелое для нее время. Вместе с тем некоторые моменты сотрудничества российских научно-исследовательских учреждений с внешним миром вызывали у нас законную озабоченность.

В упомянутом мною докладе на заседании Президиума Академии наук России я сказал:

«Служба внешней разведки далека от мысли видеть во всем происки «коварного врага», если употреблять терминологию прошлого. Скорее, здесь сказываются объективные последствия того тяжелого материального состояния, в котором находятся российская наука и ученые. При этом, однако, не исключается и субъективное стремление определенных кругов зарубежных стран использовать это состояние с максимальной для себя выгодой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.